

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

4/2023

В номере:

Наследственность и предопределённость

Герой романа Дмитрия ИСАКЖАНОВА «Проскинитарий» (начальные главы были опубликованы в «ДН», 2022, № 8) живёт в своём длящемся настоящем, сплетённом из воспоминаний и ощущений детства, в котором островами возникают события и люди (прежде всего — самые близкие: мать, поиски неизвестного ему отца в себе, истончающаяся в разлуках любовь жены, маленький сын) — всё то, что отпечталось в характере и судьбе. И как всё это, с таким трудом приобретённое, передать сыну? «Наследственность». Ведь не пустое же это слово, — говорил себе Заяц, глядя на сына. И предопределённость являлась ему не отвлечённым понятием, но реальностью, с которой следовало мириться, привыкать к ней и учитывать в своей жизни уже сейчас. — Придётся любить то, что есть, другого не дано».

«ЖИЗНЬ ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО»

Тема времени, скоротечности жизни и бессмертия, когда «ни зимы ни лета больше нет», — одна из вечных тем литературы. Осознание и признание Андрея КОРОВИНА: «дубы казались крышею небес/ и так высоко было это небо/ что жизнь прошла в предчувствии чудес./ а чудом был лишь дом и запах хлеба», — подтверждает это. «Время было нормальным. Вернее, не слишком давило», — о месте человека во времени — стихи Андрея ПЕРМЯКОВА: «В мире ином родишься./ Может, чуть больше сгодишься». Оглядывая жизнь от рождения, когда «мне от роду тысяча лет», и до смерти («Я думал сначала,/ что тоже умру/ в удобное время войны»), Иван ВОЛОСЮК приходит к пониманию: «Я жил так сложно, я умру так просто,/ как умирают куст и подорожник».

Сидней — город-дельтаплан

Нетуристский образ Сиднея, увиденный изнутри глазами иммигранта из России, в городе уже давно прижившегося, освоившегося и по-своему полюбившего его, — в рассказе-эссе «Океан, балет и выпивка с утра» Макса НЕВОЛОШИНА.

Кэнселинг vs Поддержка

«Думаю, ничего плохого не будет в том, что российские школьники узнают, что русская литература существует и развивается сегодня по всему миру. Да и для авторов, пишущих вне России, — важная поддержка. Пока ещё есть что поддерживать», — убедился Евгений АБДУЛЛАЕВ, проштудировав новую программу по изучению современной литературы в российских школах.

Книга, написанная с февраля по сентябрь

«Эта книга — о людях, которых я знал, которые были частью меня», — предваряет публикацию глав из своей будущей книги Борис МИНАЕВ. И в их числе — человек, без которого невозможно представить «Дружбу народов» в последние полвека: Лев Аннинский. «Он был критик. Но дело в том, что сама “критика” в ту пору означала совсем другое: не рекомендации или отзывы о “новинках” и не общедоступный во всех смыслах блог в соцсетях, а интеллектуальную позицию, выраженную в целом книжном томе или в ста газетных строчках, но именно интеллектуальную, и именно позицию. Аннинский в каком-то смысле был главным голосом, символом этого явления — критика». Но едва ли не главным для него самого делом жизни было восстановить историю жизни отца, погибшего в первые месяцы Великой Отечественной...

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.02.2023.
Подписано в печать 27.03.2023.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР

Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Валерия
ПУСТОВАЯ

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Александр
ЧАНЦЕВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Андрей ПЕРМЯКОВ. Памяти пир. <i>Стихи для Софьи Оршатник</i>	3
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Проскинитарий. <i>Роман. Продолжение</i>	7
Андрей КОРОВИН. И ласточки вращали шар земной. <i>Стихи</i>	91
Татьяна ФИЛАТОВА. Рассказы	95
Александр ЖДАНОВ. Мектуб, китаб, катиб. <i>Рассказ с отступлениями</i>	116
Иван ВОЛОСЮК. В брезентовой ночи. <i>Стихи</i>	129
Елена ЕРМОЛОВИЧ. Воды Леты ли, Стикса? <i>Рассказы</i>	132
Дарья АНДРЕЕВА. Два рассказа	147
Анастасия ТРИФОНОВА. В потревоженной ране. <i>Стихи</i>	158
Ольга ГУНИНА. На стыке. <i>Рассказы</i>	161
Наступит праздник. <i>Участники Мастерской АСПИР на страницах «ДН»:</i> Мирослава БЕССОНОВА, Антон ВАСЕЦКИЙ, Илья ВИНОГРАДОВ, Максим ГЛАЗУН, Евгений ДЪЯКОНОВ, Павел СИДЕЛЬНИКОВ, Анна ХАРЛАНОВА. <i>Стихи</i>	171

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Дарья БУРАВЛЁВА. Рассказы	181
---------------------------------	------------

НАЦИЯ И МИР

Макс НЕВОЛОШИН. Океан, балет и выпивка с утра	188
---	------------

ЛИТУЧЁБА

Кавказ литературный вчера, сегодня, завтра. <i>В круглом столе участвуют:</i> Яна САФРОНОВА, Миясат МУСЛИМОВА, Дарья ШОМАХОВА, Любовь ГВОЗДЕВСКАЯ, Мира ТАЙМАЗОВА	201
---	------------

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Борис МИНАЕВ. Мои чужие тексты. <i>Главы из будущей книги</i>	213
---	------------

КРИТИКА

Валерия ПУСТОВАЯ. Маленьким язычком	246
---	------------

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. В списках не значатся?	264
---	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Павлик Морозов и Кармен	268
---	------------

SUMMARY	272
----------------------	------------

Андрей Пермяков

Памяти пир

Стихи для Софьи Оршатник

Я — удмурт на четверть

Я начал стареть,
когда мне исполнилось сорок четыре,
И в молочных кафе
принимать начинали меня
за одинокого пенсионера...

А.Межиров

Третий год принимают за военного пенсионера.
Потихоньку начинают принимать за пенсионера обычного.
Спрашивают, имею ли право на скидки — теперь такая манера,
Нет ничего плохого, нет ничего личного.

Улыбаюсь, смотрю на небо, думаю: как так она прошла?
Вроде богаты не были, но на помойках тоже не рылись.
Ругались на Рейгана, когда он сказал про «Империю зла»,
Тусовались вместе, затем поженились.

Не с Рейганом поженились, а сами собой:
Думали, в этом есть радость и всякая милость.
Теперь вот наша эскадра уходит в последний бой,
Но ничего однако же не переменялось.

Вот отчего так прикольно стареет плоть,
Но остаются прекрасные прежние лица?

А русские нас обзывают «коть-моть».
Нашли чем гордиться.

Андрей Пермяков (Увицкий Андрей Юрьевич) — поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает на фармацевтическом производстве. Публиковался в журналах и альманахах «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир» и др. Автор книг стихов «Сплошная облачность» (2013), «Белые тепловозы» (2018) и трёх книг прозы. Лауреат Григорьевской премии (2014) и премии журнала «Новый мир» (2020). Живёт в Ярославле.

Пандемия

Ольге Кочневой

При военно-полевой сортировке
И при эпидсортировке
Есть вот такая формулировка:
«Нуждающиеся в уходе».

Нормально же сказано вроде?

Солнышко из-за туч.
Русский велик и могуч.

(Нуждаются в умирании
назло всем нашим стараниям.)

Нытьё

Время было нормальным. Вернее, не слишком давило.
Во времени обитала очень смешная ты:
Любила нежёлтые маленькие цветы,
А жёлтые даже большие не слишком любила.

Яблоки пахли, точно лизнуть батарейку.
Липы ныряли, как золотые рыбки.
Август казался клейким
(Август бывает клейким, а лето — липким).

Здесь прекращается памяти пир, памяти пир, памяти пир.
Карточку бы, фотоснимок? Но именно от этого лета — ни одного.
Рядом и посейчас, однако — к чему?
Так и кончается мир —
Грядёт в золотую тьму.
И ничего. То есть совсем ничего.

Холодный парк

Здравствуйтесь, женившись, дурак и дура...

В.К. Третьяков

Ты глуповата и я глуповат,
Как телефон и жираф.
Мы напеваем на ломаный лад
Песенку «Мальчик Евграф».

Ты глуповата и я глуповат,
Как есаул и Луна.
Лампочка в сорок оранжевых ватт
Тоже не слишком умна.

Ты глуповата, и я говорю, говорю, говорю.
Ты же простишь, Ваша светлость?
Корабли Анахарсиса входят в свою несусветность,
Дело идёт к ноябрю.

Ты глуповата. Ты как вообще дожила до двадцати одного
не такого уж юного года?
Видимо, благоволила природа.
Я старше в два раза, и ничего.

Как «ничего»? Расставаться — вполне себе что-то.
Тем более эти скамейки, эта безбожность октябрьского сада.
Надо же быть же таким идиотом.
Видимо, надо.

Маета

Верлиока — раннеспелый сорт помидоров.
(Информация на пакете семян)

Запасная верлиока
обитает под горой.
У неё два алых ока:
левый и второй.

И в тебя, когда не очень,
как в поэме Мщыри,
смотрят очи верлиоцьи,
смотрят, смотрят, зырят.

Если Мщыря убежала,
ты, считай, приехал:
верлиока вынет жало,
станет не до смеху.

Помнишь, тётка купила
семенных томатов?
Помнишь, как там дальше было?
(Тётке так и надо.)

Сверлят очи верлиоцьи,
прятаться напрасно.
Ты поспи, поспи денёчек,
и они погаснут.

Засыпай, моя родная
тушка человечья.
Как заснёшь — ступай до края.
Я тебя там встречу.

Обнялись

Вот и доехали, вот и расходимся,
 Как не встречались.
 Почти распогодилось, скоро совсем распогодится,
 Будто июль не кончается.

Встретимся лет через восемь,
 Прекрасные, милые.
 Опять станет осень,
 Опять будут долгие мили.

Сердце моё говорящее,
 Ты молодец, ты никогда не шалишь.
 Мышь я дрожащая или...
 Мышь я дрожащая или...
 Мышь я дрожащая или...
 Мышь...

Теодицея бы

А вот бы родиться не как повезло,
 Но четвертью века ране.
 Где жили тихонько добро и зло
 При легендарном тиране.

Я был бы хороший и в целом наш,
 Условно скажем, простецкий.
 Был бы незлой советский алкаш,
 (А стал очень злой, несоветский).

Но прежде б исполнилось несколько лет,
 Я б в среднюю школу пошёл.
 Мне бы сказали, что Бога нет,
 А я бы его нашёл.

Тихо берёг бы, тихо хранил,
 Тихо бы с ним играли.
 С Богом тихонько б родных схоронил,
 После б меня закопали.

Ныне — прямая благая весть,
 Но в небе иные звёзды:
 Пишут, что Он безусловно есть.
 Я верю, но как-то непросто.

Дело не в том, что детишки болеют,
 Хотя и в этом немножко.
 Дело, что херувимы веют
 Слишком уж понарошку.

(Конечно, если б болели плохие,
 Оно б получилось сложнее,
 А так — херувимы веют и веют
 Слабые и другие.)

Многие веют, но как-то зря,
 Как-то уж больно убого.
 За то и желаю собаку-царя.
 И нас таких слишком много.

Но и без Бога как-то оно...
 Ладно, скажу основное:
 Верую: есть идеальное дно
 Каменное, сплошное.

Потерпишь ещё немножко,
 Шмяк об него — и в лепёшку.

В мире ином родишься.
 Может, чуть больше стодишься.

Дмитрий Исакжанов

Проскинитарий

Роман*

ОБИТЕЛЬ ЗАЙЦА

IV. Вторая половина

1

Пора-не пора, иду со двора! Пора! Не пора! Иду! Со двора!! ПО-РА-НЕ-ПО-РА-И-ДУ-СО-ДВО-РА!!! Су! Е! ФА! — доносится радостный вопль из-за приотставшей двери. Заяц проснулся, но какое-то время ещё лежит с закрытыми глазами, не торопясь видеть, не спеша думать, довольствуясь лишь чистым благостным осознанием: он дома. Дома! О боже ты мой! Какое счастье, что, открыв глаза, видишь не чайного цвета сумрак комнаты, ощущаешь не вечный холод полированных мраморных плит и слышишь не надоедливый, хотя и совершенно райский щебет птиц за окном, не бубнёж телевизора у соседей-индусов за стеной и не голоса коллег, полнящие кухню, коридор и лестницы виллы, но — родные голоса, издавна памятную тишину и такой привычный, *свой* посвист лёгкого, ничем не отягощённого ветра за окном в балках и прутьях балкона! И так легко становится на душе, так свободно, пока не оживёт память и не проснётся окончательно разум, что: «А может, и нет ничего, может, это я навывдумывал, накрутил себя?» — вкрадывается безумная, освобождающая мысль о чуде.

Заяц потягивается и садится. Стопы его утопают в золотом и винном ворсе (впрочем, сейчас темно, и это пробуждающаяся память подсказывает ему подробности цвета), ноздри трепещут, обоняя привычный запах. Он прислушивается. «Интересно, сколько уже? Шесть? Семь?» Стараясь ступать бесшумно, чтобы раньше времени не выдать себя, Заяц крадётся к двери, осторожно притягивает её поплотнее и тянется к выключателю. Тихонько нажимает широкую клавишу, собирая звук в горсть, не давая ему разлететься...

Исакжанов Дмитрий Константинович — прозаик, поэт. Родился в Омске в 1970 году. Образование высшее юридическое. Автор книги стихов «Проверка зрения» (2007) и книг прозы «Доля ангелов» (2016), «Толкование прошлого» (2021). Печатался в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность» и др. Живёт в Подольске.

* Начальные главы романа опубликованы в «Дружбе народов» № 8, 2022.

О, этот милый вертеп, неуклюжий, неказистый, заставленный рухлядью, с царственными красками осенних рощ, брошенными к ногам! Покрываемый ежечасно, ежеминутно, ежесекундно меняющейся мозаикой из кубиков и машинок, осыпaeмый пуляками и листочками, заваливаемый раскрасками и солдатиками! Украшенный с одной своей, может быть лучшей, стороны постерами из «Тачек» и «Бэтмена», а с других — известными каждому школьнику шоколадницами и всадницами, кувшинками и двориками! Несколько часовых приборов, установленных в разных местах, отображают скорость течения реки жизни, проникающей стены его во всех направлениях, и всюду различную — на открытых ладонях демонстрируют числовые значения, редко что-нибудь для кого-нибудь значащие. («Слава» — красуется подпись на одном таком приборе в детской, внизу полированного циферблата, поперёк зазубренных древесных волокон, похожих на замершие звуковые волны. «Маяк» — возвещает о себе другой в ящичке вишнёвого цвета на кухне. Quartz — гордо заявляет третий, размером примерно с контрабас, магнетически поблёскивая в нутре своём вращающимися туда и сюда, словно в поиске чего-то утраченного, — шарами из фальшивой стали. Туда и сюда, туда и сюда... Стрелки на контрабасе сцепились возле римской цифры «пять».) Ого! — восклицает про себя Заяц, оглядываясь в поисках одежды. — Не шесть, конечно, и уж тем более не семь, но...

И тут, давась собственным скрипом, дверь словно сама собою приходит в движение, медленно, со всё возрастающей силой отворяется и, стукнувшись ручкой о стену, чуть подаётся обратно, но нерешительно увязает в первой четверти пути: дверь придерживает мальчик, остановившийся на пороге. Мальчик с любопытством глядит на Зайца, большие серые глаза его серьёзны, но губы — красивые, чётко очерченные — уголками задорно подняты кверху. Контуры губ этих — лук Амура и лук Гермеса. Тонкий, рано пошедший в рост, в зелёной футболке и зелёных трико, мальчик похож на луковое пёрышко. Он переступает ногами в огромных тапках и громким шёпотом спрашивает: Пап, а ты уже не спишь? Заяц закашлялся, прочищая горло для слов, но зелёная стрелка уже летит в широко раскинутые руки отца, целясь прямо в грудь, в самое сердце, и весело, дружно позвякивает убранство дома: камешки и статуэтки, бутылочки и кувшинчики. «Слава!» — расходится кругами по древесным волокнам восклицание в детской. Оступается, вздрогнув, «Маяк» на кухне. Шары, запутавшись друг в друге, на миг замирают в полости контрабаса и раз, и два совершают фуэте в обратную сторону.

— Папа-Заяц приехал!

— Привет, зайчонок!

Сына своего Заяц, подобно многим, с самого рождения зовёт «зайчонок», но в его случае этот разболтанный, лязгающий механизм метафоры приводится в действие не приливом сентиментальных чувств, а естественным и простым, как азбучная истина, законом наследования признаков и свойств вида: у лисы рождается лисёнок, у кошки — котёнок, а у Зайца, соответственно, — зайчонок.

Выспавшийся Заяц разговорчив и даже болтлив. Он засыпает Женечку вопросами: «Ну, как ты тут? Читать не начал? Чем занимаешься? Гулять часто ходишь? Книжки читаешь? (Ах, да, я уже спрашивал...)» Сын радостно мотает головой, восхищённо молчит и, обхватив Зайца руками за шею, пытается повиснуть на нём. Ноги мешают Женечке, и он подгибает их в коленях. Заяц, поддерживая сына за бока, притворно стыдит его: «Ну-ну, уже здоровый лоб, а всё виснешь...»

Женечка ерошит обеими руками волосы на голове Зайца: «Ууу, как зарос!»

«Дааа, зарос! — ликующим голосом отвечает Заяц. — Ты же знаешь, я там в парикмахерскую не хожу, сам стригусь, как могу. Опасно доверять свою голову кому попало! Там парикмахеры — все сплошь пакистанцы! А ну как он в прошлом был моджахедом? Чик-чик по привычке, и голова с плеч! "Вай, какой кароший башка!"

Вот завтра вас провожу и пойду сдаваться в парикмахерскую. Или к вам в Питер приеду и там схожу. Пойдёшь со мной?»

Сын, кажется, согласен сейчас на всё. Влюблёнными глазами он смотрит на Заяца, а тот, воспользовавшись секундной паузой, тут же перевоплощается и продолжает.

Однажды Бабак решил, что ему пора подстричься и пошёл в парикмахерскую. Пришёл, уселся в кресло и просит:

— Подстригите меня, пожалуйста, покороче. А то я зарос весь.

Парикмахер посмотрел на Бабака, подумал и говорит:

— Вам, наверное, подойдёт «Молодёжная»?

— Хорошо — согласился Бабак. — Давайте «Молодёжную».

Парикмахер побрызгал Бабака водой, взял фен, чтобы поднять на нём шерсть, и кааак дунул на него! А из Бабака кааак полетят перья, солома, репейники! Целое облако пыли поднялось. Парикмахер и Бабак закашлялись и зажмурились. А когда пыль осела и они открыли глаза, Бабак увидел в зеркале, что, в общем-то, получилось очень даже ничего: шерсть на нём встала красивой густой волной и заблестела, как новенькая.

— Вы знаете, — сказал Бабак, — вот так оставьте, пожалуйста. По-моему, очень хорошо получилось.

— А стричь не надо? — спросил парикмахер.

— Не надо, — ответил Бабак. — Мне так нравится. Сколько я вам должен?

— Да, в общем-то, нисколько, — ответил удивлённый парикмахер.

— Ну, тогда я пойду, — сказал Бабак. — Большое вам спасибо.

Он слез с кресла и побежал домой. А парикмахер подумал-подумал, взял банку с краской, кисточку, вышел на улицу и на своей вывеске, на которой было написано «Маникюр, педикюр, модные причёски, стрижка усов и бороды», подписал: «И чистка пылесосом». Потом ещё немного подумал и дописал: «Для хороших людей — бесплатно».

Заяц уже оделся и собирается выйти из комнаты, но Женечка сидит у него на коленях и не думает отпускать.

— А дальше? — спрашивает он и, чуть отстранясь, заглядывает Заяцу в лицо. Внимательно, словно в лице его всё написано, и Заяцу остаётся только читать с самого себя, как со страницы.

— Нууу... дальше... Дальше Бабак прибежал домой, и его увидел Бабачонок...

— Ого, сколько у тебя седых волос! Ты уже старый, да?

— Нет, Бабак не старый. Бабак умудрённый опытом и повидавший жизнь.

— А давай тебя покрасим!

— В чёрный цвет? — спросил Бабак у Бабачонка. И согласился: — Давай.

Только чем?

А Бабачонок говорит:

— А я знаю чем! У мамы-Бабаки есть чёрный сапожный крем, она им свои ботинки чистит, и они выглядят как новенькие!

— Давай, — сказал Бабак, — тащи крем сюда!

Бабачонок принёс банку, щётку и хорошенечко, от носа до хвоста, натёр Бабака ваксой. Бабак оглядел себя и восхитился:

— Ух-ты, как здорово! Ну прямо двадцать лет долой!

И отправился на работу. А вечером, когда Бабак вернулся домой, Бабачонок его спросил:

— Ну что, Бабак, так лучше стало?

— Да, Бабачонок, — ответил Бабак. — Так просто замечательно! Только я что-то стал ужасно прилипчивый. Прямо ко всем липну, как в дни своей первой любви!

Ах, молодость, сантименты... Ну ничего, за молодость и красоту можно многое простить!

И Женечка радостно хохочет.

«Какой он уже большой!» — с нежной горечью Заяц погружается лицом в копну Женечкиных волос. Аметистовое пятно под левым глазом сына он старается не замечать из чувства стыдливости.

«Ещё немного — а может, и уже — жизнь его отделится (отделяется! отделилась?!) от меня завесой собственной тайны... Интересно, исследует ли он свой дом, как это делал я?»

На голоса пришла Варвара, спросила, строго глянув на сына, у мужа:

— Разбудил он тебя?

— Нет! — в один голос ответили отец и сын.

— Нет, я сам проснулся, — добавил Заяц. И зачем-то отвёл глаза.

— Ты ужинать сейчас будешь или подождёшь? Подождёшь? Ну, тогда в семь все вместе и поедем.

Женечка спрыгнул с колен и убежал. Вернулся с мешочком:

— Вот, мама сказала тебе отдать!

— А, спасибо-спасибо, зайчонок. Это окаменелости, я их из Аль-Айна привёз. Морские ежи, морская лилия...

— Они древние?

— Ужасно древние! Ещё до динозавров жили, на дне моря. Представляешь, там было море! Потом море высохло, и дно его обнажилось, стало сушей. Теперь там гора, ну... несколько гор. Одна большая, а рядом ещё несколько, поменьше. И все они тоже теперь рассыпаются от времени — представляешь, какие старые? И вот у подножья этой большой горы, в одном месте, бьёт подземный источник. Прямо из земли: в земле между камней дырка, и он из этой дыры хлещет, представляешь?! Как будто трубу прорвало. А вода очень горячая и немножечко радиоактивная.

— Там атомная бомба взорвалась?

— Нет, ну какая там бомба. Просто где-то глубоко-глубоко находятся залежи радиоактивных металлов, наверное, вот, вода течёт сквозь них и нагревается. А может, магма близко. Помнишь, я тебе рассказывал, что такое магма? А местные жители у этого источника построили купальни, такие вроде бассейнов, и ходят туда плавать и лечиться. Ну и просто отдыхать. Там красиво, деревья растут, трава... Представляешь, как здорово: кругом бесплодная пустыня, пески, и вдруг — оазис! А трава такая забавная, «толстянка» называется, мясистая, вся этой водой наполнена. А дети по ней катаются, как с горы на санках, представляешь? А как от этих купален пойдёшь направо, там между двух вершин есть небольшая ложбина, а в ложбине — узенькая полоска каменной осыпи, ну, шагов десять, так вот эта полоска сплошь усеяна ракушками! Сплошь! Вот прямо на каждом шагу!

И Заяц принимается расставлять окаменелости на полочке, попутно объясняя:

— Это брахиоподы...

Женечка осторожно ведёт пальчиком вдоль веером разбегающихся складок, от клювика к волнистым краям.

— Горааа... — не то восхищённо, не то недоверчиво тянет мальчик.

— Ну да, гора. А это — морская лилия. Давай-ка её сюда положим, к кувшинчику. Похожа на цветочный бутон, да? Или на луковицу. А это — морские ежи. Смотри, какие шарики!

Панцири морских ежей похожи на окаменевшие грибы-дождевики, с такими же крохотными углублениями по всей поверхности, словно их истыкали иголками. Заяц вспоминает, как отбирал самые крупные экземпляры, те, которые легко отделялись от породы целиком, остальные же горстями сыпал обратно — на камни, под кусты,

под невысокую, похожую на пересохшую полынь, траву. И странно смотрелись эти известковые, чуть желтоватые сферы там, под ослепительным солнцем, среди странных потёков будто бы расплавившихся некогда и застывших округлыми следами валунов. И в неподвижном воздухе нависали над головою голые, без единого листка ветви колючих кустарников, и внимательным глазом косили оцепеневшие поодаль ящерицы цвета вездесущей пыли. И едва доносился, будто отделённый не расстоянием, но временем, детский смех, говор взрослых, аккорд-другой случайной, как и всё здесь, кроме гор и ящериц, музыки.

— А в самом городе есть крепость. Форт, в котором родился основатель Эмиратов. Девятнадцатого, кажется, века. Большой такой, красивый форт. С зубчатыми башнями по углам, они — представляешь — похожи на куличики, какие дети из песка лепят. И ты лепил такие, помнишь? Нет? Эх... Ну, в общем, это теперь музей, туда бесплатно пускают. Посуда старинная, винтовки на стенах, ковры, кровати резные из Индии — ну прямо дворец падишаха! Всё стоит, как двести лет назад, ничего не тронули, всё сохранили. Чайники, сундуки. Там даже электричество не стали проводить: везде сумрак, пахнет песком и деревом... Колодец во дворе. Глубоооокий... Воду достают кожаным мешком, а мешок размером с футбольный мяч: даже глубоко под землёй пресной воды очень мало. Но, между прочим, там всех бесплатно угощают кофе. И финиками. Вот стоит дядька с кофейником и коробкой в тенёчке и всем наливает!

— Бесплатно?

— Бесплатно!

— А почему бесплатно?

— Нууу... Потому что страна богатая, и люди добрые, и...

— Папа, а у нас есть тетрадка? — внезапно перебивает Заяц сын.

— Эээ... Да откуда же я знаю? Я ведь только приехал. А тебе зачем?

— Я тоже буду истории сочинять про Бабака и Бабачонка!

Заяц смеётся:

— Эх ты, сочинитель! У мамы иди спроси. — От души у него на миг отлегает, и тогда надежда на то, что неопределимое, неназываемое — то, что чувствовал он с детства в себе, — не иссякло и в его сыне, кружит ему голову.

— А читать ты сейчас что-нибудь чи... — машинально спрашивает Заяц и осекается, поняв неуместность вопроса. Желая скрыть смятение, он робко шутит: — Или чукча не читатель, чукча — писатель?

Женечка пропускает шутку мимо ушей. Он сосредоточенно смотрит перед собою в ту пустоту, в которой домашние питомцы, вроде кошек и собак, следят за тем, чего нет, напряжённым и внимательным взглядом. «Ишь, — думает Заяц, глядя на сына, — как будто и не слышит...»

Ещё когда Женечка был совсем маленький, грудной, Заяц казалось, что в его плаче, в мимике лица он провидит черты будущего характера сына, и не все черты Заяц нравились: было в прерывистом этом, надсадном и упорном плаче что-то сварливое, тяжёлое и настырное. Тестево¹. Кажется, тогда Заяц всерьёз опасался, что

¹ Тесть был отставной военный, полковник. Что-то химическое. Из книг больше всего уважал Устав, таблицы Брадиса и «Как закалялась сталь». Ещё при первом, заочном знакомстве, разглядывая чёрно-белые, размером не больше спичечного коробка фотокарточки в альбоме — «А это они с мамой в Забайкалье, папа там тогда служил. Я ещё маленькая была, жила в Карелии, у двоюродной бабушки. Уши смешные, да? Как у зайца...» — Заяц, глядя на высоченного жлоба в шинели и шапке с неимоверно длинными, наложенными сверху одно на другое, ушами (северный вариант, подарок вездесущих друзей), почувствовал, как раздражение на этого человека не то чтобы нарастает постепенно, но проявляется словно бы на уже заранее проэкспонированном отпечатке. Возможно, роль в этом сыграло и некстати упомянутое Варварой слово «заяц», о значении которого она тогда ещё не догадывалась.

в будущем это «что-то» и вправду сбудется. (И ещё тогда же ему вспомнилось, как, будучи подростком, он однажды по какому-то внезапному наитию сообразил, что может вычислить в себе черты отца — буквально увидеть его в себе! — механическим извлечением из всей совокупности черт своего характера, черт, принадлежащих матери! Чертами, унаследованными от прадедов, в виду их исчезающе малого количества, можно было пренебречь. И долгое время он присматривался к себе, то прибегая к помощи зеркала, то обходясь без него, окунаясь в колодезную глубину самопознания и мало что видя на дне, едва ли не руками помогая себе вычитать, вычищать, отделять известное от неизвестного. (И всплывало в памяти совсем уже раннее, детское: заглядывал в январскую глубину колодца, на который ходил с бабкою за водою, и видел там, далеко-далеко внизу, что-то округлое, массивное, казавшееся розоватым, и думал, что это та самая свинья, которую, по слухам, утопили какие-то шутники. Но позже сообразил — лёд. В конце концов, в результате трудной кропотливой работы сложился набор неких черт, безжизненный и страшный.)

«Наследственность». Ведь не пустое же это слово, — говорил себе Заяц, глядя на сына. И предопределённость являлась ему не отвлечённым понятием, но реальностью, с которой следовало мириться, привыкать к ней и учитывать в своей жизни уже сейчас. «Предопределённость», — повторял он, стараясь не обращать внимания на гримасы крохотного, как орех, личика. — Придётся любить то, что есть, другого не дано».

Приходилось привыкать и, вместе с сыном, самому расти заново от самых первых его дней, ограждая и ограждаясь от чуждых влияний, грозящих в будущем неизвестной опасностью, действуя так, как, казалось ему, он давно уже научен действовать, и, повторяя такую похожую — да почти что свою! — жизнь как стихотворение: наизусть, готовясь, может быть, рассказать её в будущем где-то там, у доски. Нелюбовь сына к книгам, обнаружившуюся весьма рано, Заяц воспринял как испытание: «Нужно любить то что есть», — решил, точнее понял он без усилий, легко и, подобно терапевту, снёс все дары и святыни подальше да поглубже — туда, где им самое место, откуда они прорастали некогда в его собственной жизни такими семенами. Оставалось таиться и уповать на чудо самозарождения. И он уповал, всматриваясь во взрослеющее лицо сына, в изменяющиеся его черты.

В проёме двери мелькала Варвара. Слушая рассказы Зайца и намерения Женечки, неодобрительно косилась.

Побрякивают, тенькают и позванивают гипсы, фарфоры, стёкла. Раскладывая находки и невольно поглядывая время от времени на синяк сына, Заяц продолжает свой рассказ о том, что видел, где был, что узнал нового. Иногда — заговариваясь даже, механически, словно повторяя за суфлёром нашёптываемое оттуда, издалека. Так в детстве, у педиатра, он, одним ухом оборотясь в угол и другим к шепчущим губам, повторял шелестящее: «Двадцать пять». «Пятьдесят шесть». «Сорок один...» Иногда — бездумно, размышляя о чём-то другом. (Так бывает, когда вслушиваясь в радиопередачу, издалека пробивающуюся сквозь шумы Земли, силишься вникнуть в колеблющуюся слабую речь, и в какой-то внезапно наступившей прострации ловишь себя на том, что забегаешь вперёд и там предугадываешь то, что только должно прозвучать. А то вдруг спохватываешься, поймав себя на том, что давно уже отпустил течение речи и прислушиваешься к каким-то совершенно посторонним словам, то и дело мелькающим среди сора и обмолвок.) «А гора стоит на краю города. Высокая-высокая! Вся — из косых плит, словно стопка книг, повалившаяся набок. А у подножья горы — озеро, и рыбы в нём видимо-невидимо! Аж из воды выскакивают! И каждая рыба...» И вот уже, мгновенно изменив фокус зрения, Заяц в подробностях рассказывает о рыбах, увиденных им только что, но с такой достоверностью, с какою лишь рассказ среди всех сокровищ мира может проявить и узаконить существование их: застывших почему-то

Андрей Коровин

И ласточки вращали шар земной

* * *

так странно что меня на свете нет
покуда нет но есть отец и мама
а я пока что только голограмма
один ничем невыразимый свет

так странно ничего ещё не знать
не видеть бога и его творенья
рождение мечтать как искупленье
родителей оттуда выбирать

я где-то на одной из тех планет
где дети ждут рождения как чуда
в надежде что я тоже явлен буду
я тоже буду чистота и свет

нет ничего томительней любви
когда ещё не явлен отпечаток
ребёнок кроха солнечный початок
слияние двух душ в одной крови

* * *

выкрикивать детства слепые слова
дурак идиот буратиномальвина
как детскою жизнью полна голова
как детская радость жестока невинно

поймаешь жука ли чтоб жил в коробке
наловишь тритонов доверчивых в банку
кузнечик толкается так в кулаке
что снова отпустишь его на полянку

да ты и звезду прихватил бы за хвост
ночную жар-птицу бессонного неба

кончается детство
качается мост
не ловится рыбка на корочку хлеба

Коровин Андрей Юрьевич — поэт, прозаик, организатор культурных проектов. Родился в Тульской области. Окончил Юридический институт МВД РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. Автор 13 поэтических книг, изданных в России и Польше. Организатор Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь». Основатель и руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва). Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина». Живёт в Московской области.

* * *

расплодилось головастиков
в нашем маленьком пруду
я же с удочкой из пластика
окуней ловить иду

хлебный мякиш с валерьянкою
я сажаю на крючок
а камыш шумит тальянкою
лезет к уткам под бочок

станешь удочку вытаскивать
кто-то тянет на себя
с водяными нужно ласково
вот и тянешь не грубя

леска вырвется из омота
а крючок гляди пустой
но блеснёт в воде разомкнутой
хвостик рыбки золотой

* * *

нас никогда не слушалась зима
жила своею жизнью бестолковой
коптили небо трубные дыма
минтай варили в заводской столовой

соревнованья лыж по выходным
(спортивная семья и всё такое)
а пролетарий тёрся по пивным
антилигенты ныли всё «доколе»

носили транспаранты пили чай
(со слоником индийским этикетка)
гриб в банке трёхлитровой всё крепчал
лечил похмелье и не так уж редко

а летом скрип уключин на реке
и место встреч — Горелая Поляна
и волейбольный мячик по руке
стучал и падал в воду непрестанно

дубы казались крышею небес
и так высоко было это небо
что жизнь прошла в предчувствии чудес
а чудом был лишь дом и запах хлеба

и вот прошло так много зим и лет
что ты и сам как дуб под звёздной крышей
но ни зимы ни лета больше нет
и я кричу
но ты меня не слышишь

По мотивам одной дорожной фотографии

Дмитрию Данилову

поехали едем но ночь и метель заметает
вот так на земле в каждой жизни наверно бывает
поехали едем но кто мы куда мы и где мы
не видно ни зги только белое тело поэмы

напишется белым по белому полю бумаги
как мы совершали поступки любви и отваги
но только бы вспомнить куда мы зачем мы и кто мы
мы были на свете мы кажется были знакомы

какие-то люди клубятся какие-то лица
как долго всё это и с кем это в принципе длится
поехали едем но что это сон или поезд
зачем мы поехали в эту печальную повесть

зима за окном не развяжет ни крика ни лыка
поехали едем проносятся горькие блики
куда мы откуда и кто у кого в провожатых
спроси проводниц машинистов вагоновожатых

никто не ответит мы едем в такие утробы
что люди похожи на белые эти сутробы
поехали едем не зная ни сна ни покоя
и надпись на станциях мелом НАС НЕ БЕСПОКОИТЬ!!!

похоже мы сами себе и снега и медведи
поехали едем смеются за стенкой соседи
какие соседи лишь белое голое поле
какие медведи лишь вольному вольная воля

* * *

тело земное но дело моё не земное
ноет душа вездесущая грешная ноет
столько печалей и горя пришлось ей изведать
что ей все сутры коаны и прочие веды

тело земное но дело моё не земное
воет душа истощённая скорбями воет
жизнь это адская мука и райская пытка
жизнь это только начало проверка попытка

тело земное но дело совсем не земное
наша душа это что-то навроде каноэ
терпит от волн набегающих холод и трепет
а на поверхности слышится хохот и скрежет

дело моё не земное но тело земное
как бы оставить пропащую жизнь за спиною
и перейти по лучу к невозможному свету
там где любимые люди и вечное лето

* * *

ничто не вечно говорит отец
подкручивая ножку табуретки
ни стол ни стул всему придёт конец
и запивает горькую таблетку

я помню много
маму и отца
застолья в доме долгие и зимы
селёдку в шубе тело холода
и все дороги были проходимы

я помню летний отдых на Оке
турбазу Велегож карьер песчаный
и как я прыгал и лежал в песке
счастливый неизвестный безымянный

и птицы что летали надо мной
ещё почти никак не назывались
и ласточки вращали шар земной
и на мои приветы отзывались

Татьяна Филатова

Рассказы

Пантюх

О пантюхе я узнал в прошлом сентябре, когда делал репортаж о дорогах в районе. Мы ехали снимать «социалочку»: ухабины, дыры, разбитые обочины — ничего интересного. Пока не добрались до Урено-Карлинского. Здесь наш уазик запрыгал так, что я со своим ростом ударялся головой о крышу. Оказалось, село непростое.

— Эй, мужик, у вас где тут ближайший магазин? — с присвистом крикнул Лёха, тормозя наш боливар. В машине было жарко, мы опустили стёкла и тут же заполучили слепня в дружную компанию.

— Да вон, за домом Тарасича сверни налево.

— Мужик, я не местный.

— Тарасича не знаешь?

— А что он, звезда, что ли?

Мужик пожал плечами и двинулся мимо машины. Тут предприимчивый Женёк высунулся в своё окно:

— Ты не обижайся, кто этот Тарасич?

— Старожил. — Мужик не обернулся и ушёл.

— Обиделся, что ли? — кивнул я Женёку.

— Нахер вам этот Тарасич? — крикнул сквозь рычание мотора с водительского Лёха.

— Ты чё, Лёх, тут дороги такие — пружины лопнут. А если знаменитость какая-то живёт, — это же инфоповод!

— Ой-ой, — отмахнулся Лёха и поехал к магазину.

У дома Тарасича сидел дед под девяносто лет: в тулупе, шапке, лицо жёлтое, острое. Напротив дома — гигантская дыра, куски асфальта торчат вверх.

— А вот и старожил, и инфоповод, — указал Женёк.

Он выпрыгнул из уазика, на ходу включая диктофон.

— Добрый день! — по слогам проорал во всё горло и медленно кивнул, глядя на деда.

Филатова Татьяна Олеговна родилась в 1991 году в Ульяновске, образование высшее, по специальности дизайнер. Участница Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (Липки) в 2019 и 2021 годах. Автор книги «О чём молчит лес» (2022). Лауреат ряда литературных конкурсов. Живёт в Ульяновске.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 7.

Дед молчал, но взгляд на него перевёл, а так не шелохнулся.

— Слышь, он, может, того... ну, старый же. Не соображает, — вполголоса предположил я, подходя к напарнику.

— Подожди ты.

Женёк отпихнул меня локтем и пошёл к деду. Согнулся в пояснице, проговорил медленно:

— Мы репортёры из города. Со Второго канала! Приехали снимать про вашу жизнь! Как у вас дела с дорогами?

Дед помолчал, потом пошамкал сухими губами, моргнул в сторону дороги. Женёк обернулся, последовав туда же взглядом.

— А ты сам не соображаешь, журналист? — прохрипел дед.

Женёк чуть не подпрыгнул, в два шага сел к деду на лавку.

— Илюх, ты чего застыл? — Он выпучился на меня и замахал рукой в сторону машины. Я и сам не ожидал, что дед так резко оживёт! Спихватился и побежал за аппаратом.

— Илюх, пропуск! — закричал вдогонку Женёк.

Я притащил аппарат и пропуск, заодно взял свой телефон: кто его знает, вдруг дед камеры напугается.

— Вы не против ответить на пару вопросов? — елеинным голосом завёл Женёк.

Дед булькающе прокашлялся и ответил:

— Чего надо?

На этих словах я включил камеру, ослепив деда софитом, протянул Женю его пропуск, он постучал по нему пальцем:

— Представьтесь, пожалуйста, — бодро сказал он и направил на деда микрофон.

— Петров Михаил Тарасич, — щурясь, пробулькал дед.

— Михаил Тарасович, сколько вам лет?

— Восемьдесят восемь.

— Как давно вы живёте в Урено-Карлинском?

— Всегда тут жил! — возмутился дед. — Мой отец был валяльщиком, отсюда по всей стране ходил, потом я тут валяльщиком стал.

— Скажите, какие-то неудобства испытываете из-за дорог? Может, заливают по весне, может, зимой не чистят или провалы образуются?

Дед, всё время смотревший перед собой, повернулся к Женю и прямо в лицо выдал:

— Я до сортира только хожу.

Женёк как будто задохнулся, я заржал, покачнул аппарат, но напарник так и продолжал профессионально совать в лицо деду свой пропуск. Потом, сглотнув и похмыкав, пошёл на второй заход:

— Михаил Тарасович, мы хотим снять сюжет про ваши дороги, чтобы власти обратили внимание на эту проблему! Вы старожил, вы можете сказать своё веское слово.

Дед уже не слушал его, он как будто отвлёкся и теперь смотрел невидящими глазами. Женёк не унимался, продолжал его тормошить.

— Смотрите, прямо напротив вашего дома дыра, это же неудобство! К вам придет кто-то — можно же без колеса остаться! — Он махнул микрофоном в сторону дороги. Я машинально обернулся: эту дыру как раз объезжала на велосипеде молодая полноватая женщина.

— Люсяя колоха, хвячой мушня, — прохрипел дед, глядя на неё.

- Что-что вы сказали? — переспросил Женёк.
- Красивая девка, большая попа, — ответил дед.
- Простите, это на каком языке? — вмешался в разговор я.
- Пантюх.

Мы переглянулись.

- Это чей язык?
- Ссылных. Потом — валяльщиков.
- Выдуманный, что ли? — удивился Женёк.

Дед кивнул. А у меня что-то внутри всколыхнулось и с тех пор тикает, как часы в голове: пан-тюх, пан-тюх, пан-тюх. До чесотки интересно! Женёк тогда в деда ещё микрофоном потыкал, а тот как будто заснул с открытыми глазами. Сюжет мы кое-как отсняли и без него, а мне с тех пор никакого покоя.

В студенческие годы нас на лето отправляли собирать местный фольклор: записывать частушки, рассказы про НЛО, похоронные обряды. Потом на основе этих историй мы писали диплом, каждый на свою тему. С того дня, как я деда Тарасича встретил, проснулся во мне фольклорист, задушенный работой на ТВ. «Вот где жизнь! Вот где история, — думал я. — Вот что важно!»

Одна только проблема мучила, удерживая от исполнения мечты: у меня не было машины. Я бы, как говорится, «теми же ногами» прям на следующих выходных прискакал к деду и записал за ним пантюх! И на следующих после следующих, и на послеследующих следующих. Но ни машины, ни водительских прав, а в Урено-Карлинское с трассы пешком не дойдёшь — очень далеко. Можно было бы поехать с Саней, другом с универа, но у того низкая «Мазда» и ревнивая Светка. На всякий я закинул удочку, набрал его, и Саня заинтересовался дедом, но сказал: «Не раньше мая». Дед, миленький, протяни до мая!

Всю зиму я мотался по районам, бахал «социалочку». Толк от нашей работы был: перед первым снегом положили дороги в двух сёлах (конечно, не факт, что протянут до весны), а двадцать детдомовцев получили свои дома в Пригородном. Этим я был полностью доволен.

Перед майскими праздниками я бессердечно окучивал Саню, названивая ему и подбрасывая одно за другим воспоминания о студенческих годах. Саня вздыхал, припоминая истории про ведьм, посвящение в фольклористы и праздник Лиго. «Ладно, на Первомай, жить-то там есть где?»

- Что нам, впервой, что ли?

Мы упаковали в его «Мазду» еду, палатку, пенку, спальники, пятилитровки и подарки и умчали на три заветных дня, предвкушая и затаённо радуясь.

- Как Светка? — по дороге спросил я, разглядывая зеленеющие поля.
- Да нормально. Делала ногти, теперь выучилась на бровиста. В салон в центре устроилась, вроде на декрет нацеливаемся.

- О, это шаг!

- Нам тридцатка светит, куда тянуть. Ты сам как?

— Отлично! Работа, сюжеты, теперь вот дед. Слушай, я тебе так благодарен, ты меня практически спас! Я ведь помешался на этом пантюхе.

- Дай бог здоровья деду, — произнёс тихо Саня.

- Я за него молился! На полном серьёзе тебе говорю. Без шуток.

Саня подозрительно посмотрел на меня:

- Ну, тогда он точно живее всех живых.

Мы приехали в Урено-Карлинское, повернули к дому: дед сидел на том же месте, в том же тулупе, как будто не уходил с сентября. Я аж вскрикнул и выбежал из машины к нему, как к родному.

— Михаил Тарасич! Доброго здоровья!

Дед молча посмотрел на меня, не узнавая.

— Я журналист, мы к вам приезжали прошлой осенью, помните?

Из калитки высунулась женщина лет шестидесяти, посмотрела на меня вопросительно и, скрипнув дверью, подошла.

— Здравствуйте. А вы кто?

— Я журналист, меня зовут Илья, мы с Михаилом Тарасичем знакомы.

— Очень приятно, меня Нина Михална зовут. — Она улыбнулась. — Вы к нам или просто поздороваться?

— Вообще-то, к вам. Михаил Тарасич со мной на пантюхе разговаривал, а я фольклорист. Собираю как раз такое.

— Ничего не понимаю, — покачала головой Нина Михална. — Вы к Михаилу Тарасичу приехали?

— Да. Можно? — прямо спросил я. В экспедициях по деревням мы всегда напрашивались без всяких, говорили, что журналисты, что записываем за местными истории, и нас даже пускали пожить.

— Пап, ты в дом пойдёшь или ещё посидишь? — обратилась она к деду.

Тот кивнул.

— Пойдёмте, проходите. — Нина Михална махнула рукой.

— Спасибо, сейчас, со мной ещё друг!

В доме было чисто, но пахло дедом, как обычно бывает. Запах старости в деревенском доме отправил меня на пять лет назад: разноцветные дорожки на полу, желтоватый тюль в крупные цветы, белые гладкие двери с окошками, умывальник, жестяные тазы, люстры на одну лампу, кружевные салфетки на телевизоре, мухи, окна в огород, солнце, толстые кружки и скрип половиц..

— Проходите.

Нина Михална повела нас в зал, а мы благодарно кивали и слегка улыбались, проходя за ней. В зале были нехитрые обои, узкие и выцветшие, коричневый пол, полированная мебель, покорёженные репродукции Шишкина.

— Чаю хотите?

— Если можно. — Мы сели на стулья у круглого стола.

— О чём вы говорили, я так и не поняла, — сказала Нина Михална, поддувая в свою кружку на горячий чай.

— О пантюхе. Вы знаете пантюх? — спросил я.

— Нет, мы по-русски разговариваем.

— Что ж, жаль. Ваш отец владеет языком, который мы хотим записать, чтобы сохранить. Это очень ценный для нас материал.

— А что в этом ценного?

— Ну, так это... — улыбнулся я, не зная, как сказать, чтобы её не обидеть.

Тут входная дверь хлопнула, и до нас донёсся высокий голос:

— Дед там не перегреется?

— Приведи его сюда! — крикнула в ответ Нина Михална. И кивнула нам: — Сейчас Лена его приведёт, вы сами у него всё спросите.

— Ваша дочь?

— Внучка.

Дед шаркал валенками по полу медленно и долго, мы было поднялись его встречать, но Нина Михална нас остановила: внучка, мол, сама справится. Наконец в дверях появился дед, под локоть его держала девушка лет шестнадцати. Она была выше его почти на голову, очень красивая, мы с Саней даже немного растерялись.

— Дед, не стой, садись, — сказала Лена и потянула его к дивану.

— Вы кто? — прохрипел дед, глядя на нас.

Мы вскочили со своих стульев. Я сказал:

— Меня зовут Илья, я журналист, вы меня помните?

— Не помню.

Лена и Нина Михална переглянулись. Мне стало неловко.

— Я приезжал к вам осенью. Мы про дороги снимали...

Михаил Тарасич держал нас тяжёлым замершим взглядом в упор, не шевелился, только дышал медленно и со свистом. Я не знал, куда себя деть.

— Вы на пантюхе говорили про колоху, помните? — сделал я несмелый заход.

Дед зашевелился, медленно пошёл к дивану.

— Скажите что-нибудь ещё, — попросил я умоляюще.

— Пантюх — язык для валяльщиков. Зачем тебе пантюх?

Нина Михална и Лена за оба локтя усадили деда.

— Я хочу записать ваш язык для потомков.

— Зачем им пантюх?

— Ну, как зачем... — замылся я.

Тут голос подал Саня, и вовремя:

— Как появился этот язык?

Вот хитёр жук! Старики такие вопросы любят.

— Мой отец с товарищами зимой на заработки ходил, — отрывисто сказал дед. — Где в деревнях валяльщиков нет, там и останавливались. У заказчиков жили либо на квартире. — Дед смерил нас взглядом. — Заказчику не всего знать надо. Пимокат, поклюжи беренги в скребы.

— Что это значит? — продолжал Саня.

— Валяльщик, положи картошки в валенки.

Саня хохотнул:

— Во дела! И как?

— Носить будешь меньше, так где ты потом этого валяльщика найдёшь. — Дед как будто улыбнулся. — Рахлей наскочь ухлить, а то марахи увержают.

Дед хитро на нас глянул, ожидая, пока спросим.

— А это что?

— Скорее надо уйти, а то люди увидят.

Саня захлопал в ладоши.

— Вы нам слова скажите, а мы за вами записывать будем, — предложил я.

— Это как? — переспросил дед.

— Как будет «дом», «я», «небо», «солнце»?..

Дед махнул рукой и облокотился на спинку дивана.

— Он так не может, — тихо пояснила нам Лена, — я спрашивала. С ним говорить надо.

— Михаил Тарасич, скажите, что помните, — с надеждой попросил я.

Дед закрыл глаза, молчал. Лена обняла себя руками за плечи и смотрела на него, пока тот не затынул хрипло:

Мас накерился бусьяный
И к колохе подохлил,
Бот вершай, вершай, колоха,
Мас ботву лимить прихлил.

За огородом садилось солнце. Вечер уже холодил землю. Весёлый майский день засыпал. Я посмотрел с крыльца на синеющую в реке тень леса.

— Вы где будете ночевать? — спросила Нина Михална у нас с Саней.

Я пожал плечами:

— Вариантов много: машина, палатка.

— Оставайтесь! Правда, спать у нас можно только на веранде, но всё теплее, чем в палатке.

— Спасибо! И правда теплее!

— Мы вам воды натаскаем, — весело предложил Саня.

— Вот спасибо! — согласилась Нина Михална.

— Ты иди в машину за спальниками, а я за водой, — сказал я другу.

— Найдёте колонку?

— А я провожу, — вмешался четвёртый голос. Это Лена юркнула к нам невесть откуда.

— Пойдём! — обрадовался я. Хотелось пообщаться с ней — даже не столько из-за моей надежды узнать что-то ещё из пантюха, сколько потому, что она была свежа, приветлива и весела.

Мы вышли за калитку на улицу, пахло баней, прохладой, молодой зеленью и водой.

— Лена, ты в школе учишься?

Она заулыбалась — наверное, от моего интереса к ней, кивнула:

— Ага, в десятом классе.

— На следующий год поступать!

— Да-да. На журналиста пойду.

— Вот это да! По моим стопам! Иди, не пожалеешь, может, тоже фольклористкой будешь! От нашей кафедры до сих пор ездят в экспедиции. А потом, может, как и я, главным редактором станешь, — почему-то соврал я. Наверное, хотел произвести впечатление.

— Может, и стану.

— Тогда пантюх тебе очень пригодится! Ты знаешь пантюх?

— Нет, — она пожала плечами. — Дед говорит, не надо мне каторжный язык знать.

— Так ты в научных целях!

Она покачала головой, разметав золотистые волосы. Пряди заструились по открытым плечам, и я залюбовался.

— Как же так, Лена? Твой прадед владеет умирающим языком, он же скоро совсем исчезнет!

— Говорят, у вас в городе скоро будут новые трамваи «львята», а старые, красно-жёлтые чешские, скоро совсем исчезнут! Ты катаешься на трамваях? Ты их хотя бы сфоткал?

Я удивился. Она задорно улыбалась, в её светлых глазах словно искорки забегали. Кажется, она была довольна своим остроумием.

— Нет, — признался я и тоже заулыбался.

— У тебя машина, наверное? Трамваи — это же такая романтическая городская атмосфера.

— Конечно, машина, — опять соврал я. — Ты в городе не живёшь, поэтому тебе так кажется. На самом деле в этих трамваях качает, сиденья жёсткие, ходят они медленно, стоят подолгу и вообще ломаются часто. Если хочешь, поехали с нами в город, я тебя покатаю на трамвае.

Лена засмеялась и легонько коснулась моего плеча.

— Ты что, разве меня отпустят!

— А что? Ты же с друзьями!

— А мы уже подружались?

— Да! А если нет, так подружимся, в чём дело?

Мы дошли до колонки, я набрал два полных ведра и потащил их назад. Ленины сандалии на тонких ляпочках звонко цокали о старый бугристый асфальт. Она сунула руки в карманы и о чём-то задумалась.

— Лена, тебе не холодно?

— Есть немного. Но мы уже скоро придём. Или хочешь на речку посмотреть? Там уже лягушачья икра появилась.

— А то! Лягушачья икра, ты ещё спрашиваешь!

Она опять засмеялась. Я поставил ведра на крыльцо, и мы спустились от огорода вниз. Речка была узкая, можно переплыть минут за пять, поросшая тростником и дикими ирисами, набравшими жёлтый цвет.

— Смотри, — Лена зашлёпала по вязкой земле, — вон там, между листьев.

Вокруг стеблей тростника пузырились пеной сгустки икринок и колыхались от лёгкого течения.

— С ума сойти! — произнёс я. И раньше видел, конечно, икру лягушек, но так близко — первый раз.

— А ещё ирисы скоро зацветут. Ты когда уезжаешь?

— Послезавтра.

— М-м-м, — протянула Лена.

— Ты, кажется, дрожишь?

Она была в джинсовых шортах и розовой маечке, а вечер уже начинал переходить в ночь.

— Немного.

Я дотронулся до прохладного плеча и, ощутив, как она покрылась гусиной кожей, прижал к её плечам обе ладони.

— Ты мёрзнешь, — пошли в дом.

— Не хочу, — тихо, но твёрдо ответила Лена.

Тогда мне ничего не осталось, кроме как обнять эту упрямую девочку. В ответ она с силой прижалась ко мне всем телом, ей и вправду было холодно.

— Ты очень вкусно пахнешь, — пробормотала она, уткнувшись ртом и носом в мою грудь.

— Ты тоже, — улыбнулся я, понюхав её затылок.

— Это клубничный шампунь.

Мы постояли так несколько минут, потом я всё же сказал:

— Пойдём.

Лена оторвалась от меня, улыбнулась и вприпрыжку побежала вперёд к огороду. Она исчезла за забором, а когда я поднялся по крыльцу в дом, её нигде не было. Я лёг на веранде рядом с Саней, который заботливо постелил на пол мою пенку, а сверху кинул спальник. Сам Саня уже давно сопел.

Александр Жданов

Мектуб, китаб, катиб

Рассказ с отступлениями

1

«Её тело было, как клинок сабли в лунном свете».

Так мог бы написать катиб, секретарь восточного правителя.

Молодой секретарь, любимец визиря могущественного шаха, да продлит Всевышний годы его, не по летам учён и начитан. Никто вдохновеннее катиба не может прочитать и суры Корана, и газели Мухаммада ибн Мухаммада, прозываемого Шамс аль Хафиз али-Ширази, да будет благословлено его перо. Катиб знаком с поэтом. Однажды они соревновались, кто знает на память больше арабских хасыдов. Но разве может кто состязаться с человеком, носящим прозвище Хафиз, что значит «хранящий в памяти»?!

Катиб, называемый Юсуф, огляделся по сторонам. Хотя он один в шатре, знает, что много при дворе желающих подсмотреть, чем занят молодой секретарь во время, когда не исполняет он поручения визиря, а значит, и шаха. Катиб огляделся, достал сафьяновый футляр, извлёк оттуда несколько листов пергамента. Поправив чалму — подарок визиря — и обмакнув тростниковый калям в чернильницу, вывел на пергамене: «Её тело было подобно клинку сабли в лунном свете, и она сама вошла в мой шатёр». Катиб вывел строку, и письма своими изгибами напомнили ему волосы и стан прекрасной Зумруд, которая сама вошла в его шатёр. Свет счастливой улыбки озарил лицо Юсуфа. Он прочёл ещё раз: «Её тело было подобно клинку сабли в лунном свете, и она сама вошла в мой шатёр. Её аромат я вдыхал прошедшей ночью».

Так мог бы написать молодой катиб.

Сравнение с клинком сабли неожиданно осенило Олега, когда он увидел девушку ночью на берегу моря. Она действительно была очень стройна и в лунном свете напоминала клинок. И она действительно сама пришла к нему, вошла в его шатёр, хотя то был не шатёр, а палатка. И её звали не Зумруд, а Лала. Это случилось на студенческой практике.

Наверное, ему повезло. Ему единственному досталась отдельная палатка. И то лишь потому, что другие от неё отказались. Палатки для всей группы заготовили

Жданов Александр Борисович — поэт, прозаик, художник, искусствовед. Родился в 1956 году в Баку. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни» и других. Автор трёх сборников стихов, пяти книг прозы, исторического романа «И взойшла звезда польнь» («ЭКСМО», электронное издание), альбома живописи и графики и трёх учебных пособий по истории изобразительного искусства. Живёт в Калининградской области. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

новенькие: светло-голубые многоместные, высокие, просторные с двойным покрытием. Они прекрасно защищали от неминуемого зноя и от возможного дождя. Девушкам выделили самую просторную — восьмиместную на шестерых, парням досталась четырёхместная. А их было пятеро. Комендант лагеря куда-то бегал, что-то искал, наконец, принёс. Это была обычная армейская, защитного цвета, к тому же слегка надорванная сверху. Никто не захотел её взять. Но Олег, единственный из парней, служивший до университета в армии, сразу достоинства этой палатки оценил. Он понял, что она двухместная, а значит, даже когда в неё втиснут раскладушку, останется достаточно просторной. И там он один! А уединение Олег любил.

Не подавая вида, что доволен, Олег взял у коменданта палатку, словно одолжение сделал, и пошёл устанавливать. После того, как все верёвки были натянуты, он заделал досадное верхнее отверстие. Пошли в ход полиэтиленовые пакеты, большой кусок резины от старой автомобильной камеры, валявшейся в кустах. Потом он втащил внутрь раскладушку, табуретку приспособил под столик — и стал обладателем отдельной жилплощади.

В первый вечер, устав от дороги и расселения, студенты улеглись рано. Олег не спал. Он предусмотрительно запасся дома свечами и сейчас при свете огня писал. Перед ним в палатке сидел молодой секретарь Абу Исхака Инджу, и Олег описывал его жизнь. И потом каждый вечер, как только все разбредались по своим палаткам и вокруг всё затихало, он доставал свой светильник, располагался перед табуретом и ждал, когда в тёмном углу появится фигура молодого человека в красивом халате и чалме.

Пламя свечи дёрнулось, Олег повернул голову туда, где был вход в палатку. Тёмная фигура стояла там. Свет свечи слабо осветил её, и Олег узнал Лалу.

— Не прогонишь? — спросила она и, сгибаясь, влезла внутрь.

— Заходи, садись, — Олег пододвинулся, освобождая на раскладушке место. Краем глаза глянул в тёмную глубину — молодого катиба не было, словно он бесшумно удалился, дабы не мешать двоим.

Лала присела рядом. Она не стала расспрашивать Олега о его занятиях и только кивнула на табурет:

— Это ты так каждый вечер проводишь?

— Да, очень удобно. Никто не мешает, не интересуется.

Она обвела взглядом внутренность палатки — никакого беспорядка: всё сложено, уложено, всё на своих местах. И это ей понравилось.

— Выходит, не одна я не сплю. Давай прогуляемся, — предложила она. — Всегда мечтала постоять у ночного моря. Проводишь?

Олег загасил свечу, они выбрались из палатки, сразу свернули к задворкам лагеря и пошли, напряжённо глядя в темноту, чтобы отыскать тропинку.

Шли, спотыкаясь, Олег поддерживал Лалу, подхватывал её, когда она, казалось, вот-вот упадёт, их тела соприкасались, и всякий раз Олег чувствовал, как напрягалось её тело от нечаянной близости.

В ночном море всегда что-то языческое, первозданное. Линии горизонта не видно, не видно и никаких скал, утёсов. Морская гладь сливается с небом, звёзды, начинаясь в вышине, перетекают в море. И не до конца понятно, в воду входит человек или погружается в небо.

— Отвернись. Мне надо переодеться. Повернёшься, когда я скажу, — для большей убедительности Лала взяла Олега за плечи и отвернула от себя.

Олег, послушно стоя к Лале спиной, скинул кеды и стал стягивать рубашку и джинсы.

— Можешь повернуться! — По голосу он понял, что Лала уже у самой воды. Он обернулся. Лала действительно стояла спиной к нему по шиколотку в воде. Купальника на ней не было, в лунном свете её тело светилось. Она слегка наклонилась вбок и стала похожа на клинок сабли. Не оборачиваясь, Лала рукой поманила Олега и медленно пошла в воду. Олег добежал до берега и тоже пошёл. Не успевшее остыть море обволакивало их тела, дарило невероятное наслаждение. Лала вошла уже почти по шею, подняла руки к небу, запрокинула голову.

— Как здорово! — негромко вскрикнула она. — Мы — как первые люди на земле. Никого ещё нет — только мы!

Она оттолкнулась и поплыла. Поплыл и Олег. Лала плавала хорошо — и на спине тоже. Утомившись, легла на воду. Луна бликами прыгала по её небольшой груди, плоскому животу, можно было даже разглядеть, как поблёскивают капельки на волосках. Олег подплыл ближе, взял её за плечи, слегка притянул к себе. Лала встала ногами на дно. Вода была ей по горло, поэтому пришлось подняться на носочки. Так и стояла она на цыпочках, обняв Олега за шею, и без опаски смотрела ему в глаза. Олег прижал к себе крепче и поцеловал. Поцелуй был мокрым, свежим и слегка солёным.

— Я хочу, чтобы это было здесь, на берегу. Как у первых людей, — прошептала она.

На берег Олег вынес её на руках.

Из-под каляма

Он был очень внимателен и нежен с ней в ту ночь. С ней, вдруг ставшей пугливой, как серна. Он слышал, как колотится сердце Зумруд. Это не был стук страсти, это был стук страха.

— Я боюсь, как тушканчик, — успела сказать она. И напряглась.

Но он был внимателен и нежен. Она даже не вскрикнула от боли — только застонала слабо.

А когда он после всего склонился над ней и провёл горячей ладонью по волосам, щеке, груди, животу, сказала:

— Не переживай. Мне совсем не было больно.

И посмотрела ему в глаза. И это был другой взгляд. А посмотрев, улыбнулась — она была рада тому, что увидела в них.

Лала поёжилась и встала. Ей стало холодно, и она искала одежду. Олег провёл рукой по её спине, ощутил под ладонью песчинки.

— Ты вся в песке, — улыбаясь, сказал он, — давай счищу.

Он осторожно смахивал песчинки, время от времени нежно прикасаясь к спине губами.

— Мне всё-таки холодно, — сказала Лала. — Я оденусь.

Она встала во весь рост, и её вновь осветила луна. И тогда он сказал о сходстве её фигуры с саблей. Лала задумалась:

— На саблю, говоришь, похожа? — она присела рядом с ещё сидящим на песке Олегом и пристально посмотрела ему в лицо. — Может быть: в нашем роду было много

воинов. Но я и есть сабля. Я отсеку от тебя всех, кто мне мешает. И прежде всего эту рыжую Светку.

— Она не рыжая, она блондинка.

— Неважно. Но ты больше никогда не сядешь рядом с ней.

Это было немного смешно. Света — однокурсница, и, действительно, часто совпадало, что на лекциях, в библиотеке он оказывался рядом с ней. Садился не задумываясь, не придавая этому значения. Олег попытался отшутиться, но Лала повторила серьёзно и твёрдо:

— С ней ты больше не сядешь. Со мной, впрочем, тоже. Никто не должен знать о том, что между нами.

И вдруг повалила на песок, склонилась над ним и осторожно поцеловала его глаза.

— Вот. Я целую тебя в глаза, чтобы ни на кого больше, кроме меня, ты не смел смотреть.

Помолчав, опустила ниже и поцеловала его левый сосок:

— Я целую тебя в сердце, чтобы ты никогда не разлюбил меня и не полюбил другую. Я страшная язычница. И колдунья.

Она ещё полежала немного, всматриваясь в его лицо. Сейчас это была уже не язычница, не воительница, а робкая девочка, у которой ещё несколько минут назад сердце колотилось, как у тушканчика. И она вздохнула:

— Как жаль, что нам надо возвращаться. Я хотела бы проспаться с тобой до утра.

И тут же, собравшись, добавила:

— В лагерь войдём поодиночке. Сначала я. Минут через десять ты. И лучше с разных концов.

Потом обняла его и шепнула в самое ухо:

— Мне совсем не было больно.

Но, как ни пыталась Лала быть осторожной, как ни кралась к своей раскладушке, незамеченным её отсутствие не осталось.

— Ты где была? — шёпотом спросила подруга Тома.

— В море купалась.

— Одна? Ночью? Тебе не было страшно?

— Нисколько, — Лала сладко потянулась.

И тут Тому осенило:

— Ты же говорила, что купальник порвала, зашить собиралась.

— А я голышом.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну ты даёшь! — в голосе Тома смешались удивление, восхищение и немного зависть.

Олег, как и обещал, сделав крюк вокруг лагеря, подошёл к своей палатке через десять минут. С совсем другой стороны. Олег растянулся поверх одеяла на раскладушке и, счастливо улыбаясь, смотрел в небо. И был уверен, что видит его сквозь плотный брезент над собой — небо, тёмно-фиолетовое, влажное. Он был рад, что молодой катиб не появлялся.

Через день практика подошла к концу, и они вернулись в город.

2

Из-под каляма

Катиб поправил чалму на голове. Этого можно было не делать: на аккуратном, непременно опрятном Юсуфе чалма всегда сидела безупречно. Но это стало ритуалом: приступая к работе, Юсуф поправлял чалму, словно хотел убедиться, что красивая вещь всегда с ним. Работа предстояла ответственная. От её результата многое зависело. Молчалив, несловоохотлив шах, но у какого дворца нет ушей и языка. Эти уши слышали, а язык нашептал, что шах хочет взять Юсуфа к себе, сделать своим катибом. Кроме разговорчивых стен на это намекал новый перстень на пальце визиря. Шах сделал ему подарок, словно покупал у него молодого секретаря.

Работа предстояла ответственная, но Юсуф не спешил за неё браться. У него в запасе по крайней мере один вечер, когда он может отдаться своему любимому делу: он давно стал записывать мысли о великом Мухаммаде ибн Мухаммаде, прозываемом Шамс аль Хафиз али-Ширази. Юсуф снова достал сафьяновый футляр и извлёк оттуда несколько листов пергамена. Он писал:

"Померкло солнце в Ширазе. Тяжко стало его жителям. Мубариз ад-дин-Музафар, основатель династии, занял Шираз. Он был жесток, кровожаден и глуп. Он был ханжа. Он запретил в Ширазе вино, и Мухаммад-ибн-Мухаммад перестал петь о любви и стал слагать песни протеста, но внял Всевышний мольбам людей, брошен в застенок Мубариз, а шахом стал его сын Шуджа, и Хафиз снова стал придворным поэтом".

Юсуф хотел было записать историю, бессмысленный гнев Тимура по поводу газели Хафиза о турчанке из Шираза:

За родинку её отдам я и Самарканд, и Бухару.

Как любил эти строки Юсуф! Не зря, не зря прозвали Мухаммада ибн Мухаммада Шекерлеб, что значит «сахарные уста».

Родинка. Он вспомнил родинку под левой грудью своей Зумруд и другую родинку, еле заметную, на мизинце, и сердце его забило чаше. Зумруд ведь тоже турчанка, как и её отец, мудрый визирь. Хоть и турок хитрый Джульфа, шах держит его при себе за ум, преданность, отвагу.

Да, Зумруд — дочь визиря, и если откроется их связь, не сносить Юсуфу головы. Разве может жалкий секретарь даже смотреть в сторону любимой дочери визиря?! Но если он станет секретарём шаха, а он будет очень хорошим секретарём, как знать... Он падёт шаху в ноги, он станет молить о величайшей милости... Может, шах уговорит визиря, и тогда Зумруд станет женой Юсуфа. Слезы закапали из глаз юноши.

— Почему плачет мой возлюбленный? — услышал он шёпот за спиной. — Дай я сниму твои слёзы своими губами.

Зумруд обвила шею Юсуфа руками и прильнула к нему. Впервые, задумавшись, Юсуф не расслышал лёгких шагов своей Зумруд. В этом он усмотрел недобрый знак. Не расслышал он и других шагов, зато их расслышала Зумруд. Расслышала и отпрянула от Юсуфа:

— Это отец! Я должна тебе сказать очень важное, но не сейчас, потом, — прошептала она и скрылась за занавеской.

Визирь вошёл, он был в хорошем расположении духа.

— Ты верно служил мне, Юсуф, — обратился он к секретарю. — А теперь тебя ждёт великая милость шаха. Он дал понять мне, что хочет видеть тебя своим катибом.

Иван Волосяк

В брезентовой ночи

* * *

Я правильно ехал с поминок отца,
не знал, что дорога крива,
поставил на столик судок холодца,
прощальные вспомнил слова.

Я хлеб разломил, и просыпалась соль
к беде, где я буду один.
Зашёл проводник и застал мою боль
открытой, как банка сардин.

С варёной картошки снимать кожуру
противно, и пальцы черны.
Я думал сначала, что тоже умру
в удобное время войны.

Потом — что мне от роду тысяча лет,
а я не понял, дурак,
что поезд к утру попадёт на тот свет,
поэтому холодно так.

Что только для виду горят огоньки
и чай — для обмана души.
И всё бесполезно, хотя пирожки
с повидлом всегда хороши.

Волосюк Иван Иванович — поэт, переводчик, литературный обозреватель. Родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра. Окончил филологический факультет Донецкого национального университета. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность» и др. Живёт в Подмосковье.

* * *

Зашей мой голос, оберни берёстой
родную плоть — мне надоела кожа.
Я жил так сложно, я умру так просто,
как умирают куст и подорожник.

Мне биться нечем, абсолютно нечем,
могли быть пальцы, но и то для клавиш.
Я меньше птицы, я почти кузнечик,
и не заметишь, как меня раздавишь.

Зато в природу помещённый плотски,
я всё увижу — триста лет с размахом
мы гнули спину, мы на дом господский
плевали тихо и шептали матом.

Мы шли полями чабреца и мяты,
мы возвращались наравне с тенями.
«Нельзя дышать, и твердь кишит червями», —
ещё не правда, до сих пор цитата.

* * *

Любой человек замечательно мёртв
от глада, простуды, разрыва аорт.

В техническом плане мои телеса
забрать невозможно с собой в небеса.

Зато и душа незаметна во рту,
и можно спокойно стоять на ветру.

Зато моя речь неподсудна врагу,
и голому можно кататься в снегу.

И должен слепой и калека
гордиться бессмертьем молекул.

Я рад, что на коже моей без труда
порядковый номер прожгут навсегда.

Что скоро о ярость ночных патрулей
сломается логика хрупких костей.

И в общем итоге я стану золой,
грядущего времени жирной мукой.

А внуки мои — пацифисты —
вдохнут её с шумом и свистом.

* * *

Я плюнул в музыку, а стол
поправил словарём Сладкова.
Я уходил в такой раскол,
где на латыни нет ни слова.

И если хочется, тяни,
мой брат, мой современник чёртов.
Но нет Прокофьева в тени
разрушенных аэропортов.

Где в филармонии стена
пробита бронзовой ракетой,
где нота «вой» и нота «на»
неокончательно распеты.

И Шнитке нам не помогал
вернуться к совершенным мукам,
где выпал снег, пока ты спал,
а дальше не было ни звука.

* * *

Тыходишь в сад, как вечный агроном,
там мёртвый дрозд и сойки в золотом,
там дятел с механическим крылом,

Ты узнаёшь благодаря чутью
зверей, приговорённых к забвению,
склонившихся к стеклянному ручью.

Там целый год, в любой прогноз погоды
никто не пьёт, но дуют все на воду.

Не обещал я лисам никогда
срывать погоны, резать поезда,
разламывать железные предметы.

Но в этот раз в брезентовой ночи
Ты, Господи, нас тоже научи
оскаливаться на её приметы.

* * *

Я в русской поэзии мучил скворца,
терзал на деревьях кору.
Когда из дверей выносили отца,
я думал, что тоже умру.

Что скоро поставят немое кино
про небо и ангельский хор.
Когда моя мать улетела в окно,
я с ней не прервал разговор.

Однако в отместку ударил щенка,
за всё поквитался с жуком.
Так деда, должно быть, садист из ЧК
пытал голубым огоньком.

Так в спину прабабку толкал конвоир
и гнал до арктических льдин,
чтоб я ненавидел его, а не мир
с тех пор, как остался один.

Елена Ермолович

Воды Леты ли, Стикса?

Рассказы

Госпожа Лигейя

И он рассказан чересчур подробно,
что это сон, уже никто не верит.

Я не бываю одна. У меня есть тульпа. Для тех, кто не в теме, тульпа — это воображаемый друг. Тульпу следует представить себе во всех подробностях, с мельчайшими деталями, отделить от собственной личности, как хозяйка отделяет горстку котлетного фарша. И вылепливает нечто новое, уже немного другое. Из той же сущности, но уже чуть-чуть — не то.

Моя тульпа золотая, как херувим на пороге храма Соломона. У неё длинные волосы, тонкая талия, капризный рот. И имя Платон. Потому что тульпа — мальчик. Иногда Платон едва брезжит за моим плечом, иногда — он почти осязаем, я могу протянуть руку и пиччикато пробежать по шитью его золотых одеяний. Он стирает мои слёзы кончиком пальца. Нашёптывает правильные ответы — например, на допросе в налоговой инспекции. И всегда ведь дело говорит, умница моя. Иногда Платон перематывает, как нить с клубка на клубок, меня — на себя, и делается виден даже посторонним.

— У вас там, за спиной, светится, — изумлённо сказала мне доктор после того, как вслух зачитала мои анализы — очень, очень плохие. Иммунный статус — семьдесят единиц. Не сто семьдесят, просто семьдесят, и всё.

Здесь все названия говорящие. Город — Пафос, отель — «Элизиум». Я приехала сюда умирать. Красиво, под бокал бордо, ведь «Элизиум» этот — штука дорогая. Он утыкан башенками и шпилями, как Пале-Рояль или отель «Калифорния» на обложке знаменитого альбома.

Здесь есть собственный парк, и аква-парк, и даже «лейзи ривер». Ленивая медленная река, петляющая, ползущая ужом по территории отеля. В этой ленивой реке можно проплыть на дутой ватрушке, свесив руки и ноги, — мимо мандариновой

Ермолович Елена Леонидовна родилась и живёт в Москве, училась в Московском технологическом институте (дизайнер по костюму). Лауреат премии «ДН».

Предыдущая публикация в журнале — плутовской роман «Химера» (№ 9, 2022).

рощи, мимо корта, мимо водяных горок, и под мостиком, и ещё под одним. Мимо ресторана, — их тут четыре, и это только на улице. Платон глядит с мостика, как я проплываю внизу, — он боится воды, не умеет плавать или не желает мочить золотые крылья. Я сама придумала этого Платона, но кое-чего и я не знаю о нём: вот почему он не заходит в воду? Боится, что Стикс подхватит и унесёт его — обратно, туда, откуда он взят?

По утрам мы с Платоном гуляем по пешеходной дорожке, по краю национального парка и по краю — моря.

За сеткой-рабицей — живописные руины древних храмов, валуны и сухая трава, жёлтая, как старательно обесцвеченный блонд. В море — длинные языки волн, исцарапанные острыми скалами. Где-то здесь выходила из моря богиня Афродита. Среди скал даже воздвигнут памятный обелиск. Издали кажется, что обелиск из пенопласта, но мы подходили, смотрели — нет, гранит. Бедная Афродита — на этом берегу такие камни, даже из туристов никто не купается.

Сейчас из моря на дорожку выходят только длинные чёрные слизи. Переползают от воды в национальный парк, влажные, кольчатые, они ползут — то растягиваясь, то сокращаясь, и оставляют за собой тёмный мокрый след. Платон брезгливо через них перешагивает, а я не боюсь давить, мне всё равно. «Они идут, они идут», — напеваем мы хором на мотив марша.

У меня в номере — батарея лекарств. Все новые, экспериментальные, испытываются на мне. Доктор моя пишет по мне диссертацию. В день я выпиваю двенадцать таблеток, из них девять капсул — из пластмассовой банки, литровой, размером с те, что в деревне для варенья. И запиваю — от отчаяния — опреснённой мерзкой водой из-под крана. Потому что всё равно. Ничего не поможет. А одну из таблеток нужно разжевать, и уже во рту залить водой — и будет пена, как из огнетушителя. Платона в момент приёма таблеток почти не видно — у меня не остаётся на него сил, поддерживать его пламя.

Зато на пляже он, кажется, виден даже не только мне.

Я лежу в тени трёх зонтов, собранных вместе, как клеверный лист. Солнце мне вредно или, наоборот, полезно — доктор моя не знает, и никто не знает, и я не хочу рисковать. У меня озноб, особенно после короткого купания, и я накрываюсь до горла мохнатым полотенцем. Люди, проходя мимо, оступаются в песке и внимательно смотрят, но не совсем на меня — на что-то за моей спиной. На Платона за моим плечом. На пляже он столь отчётлив, даже различимы ресницы, и он горяч, как солнце.

Из тени, как из театральной ложи, я гляжу на сцену мира, что вот-вот и скроется от меня за занавесом. Я — наблюдатель. На горизонте ползут рядком рыболовные траулеры, и море отчаянное, съедобно-синее, и небо лимонное, а песок белый. И женщины на соседних лежаках говорят громко, не стесняясь меня, по-русски. О мужиках.

Мужиков у них тут несколько: бармен в пляжном баре, бармен в гостиничном баре, аниматор, бич-бой и пляжный фотограф. Все эти трофеи передаются из рук в руки и подробно обсуждаются велух. Наибольшие нарекания вызывает бриолин — все киприоты для чего-то обильно умащивают кудри и оттого выглядят грязными. Из подслушанного становится понятно, что на сегодня пальма первенства (ведь это Пафос, переходящее знамя тут не годится, а пальмы растут везде) у фотографа, но он и дороже всех обходится. Дерёт с поклонниц втридорога.

— Одна ты, Таня, тут со своим самоваром.

Чёрт, а я-то думала, что это её сын.

Таня всегда располагает от меня, от нас с Платоном, в направлении зюйд-вест. Метрах в двух. Над её лежаком не тройной, а всего лишь сдвоенный зонт. Потому что с Таней на пляж приходит худенький мальчик с лицом сплошь в повязках, как у мумии из «Карлсона». Он прячется в тени и постоянно что-то молча читает с телефона. Но это молоденький мальчик, я же знаю, хотя и не вижу лица. У него птичьи ключицы и острые позвонки, как у рыбки, и подбритый крестец. И запястья — как два моих сложенных пальца, наверное. А Таня — высокая, яркая, смуглая, в копне вороных волос — кобылица в гриве. И в шрамах от липосакций, и с лицом после круговых подтяжек — оно смотрится как глянцевая маска, нарочито надетая над индюшачьей тёмной шеей. Ей сорок пять, не меньше. Вот я и подумала...

Впрочем, Таня лишь хохочет, демонически, громко, не отрицая и не подтверждая их родство. А мальчик её вдруг встаёт и подходит ко мне близко-близко, прозрачные белые ступни вязнут в пышущем жаром песке. Он подходит, пританцовывая в огненной топи. Он сам почти такой же белый, как его бинты, голова — как яйцо с глазами и прорезью рта. А в тёмном рту — беленькие зубки.

— У вас тут только что было... гало? Вот тут, у зонтика?

Гало — это же такое свечение в форме круга? Вроде да, из школьной программы. Есть такое дело. Я слышу, как смеётся Платон, играя крылами, а вот мальчик — он-то слышит ли?

Я не успеваю ответить.

— Митя, назад! Не позорь меня!

Хозяйка зовёт его обратно. Энергично машет — алые когти чертят со свистом несколько линий в воздухе, в муаровом жаре. У неё настоящий пресс, кубиками, о боже, — у меня никогда не будет такого тела. Уже никогда. Да никогда и не было бы — незачем себе врать.

— Простите, — говорит мальчик Митя.

— Там было гало, — отвечаю я, — не извиняйтесь. Это моё, такое.

Он улыбается, кончиками пальцев касается Платонова крыла — точно угадав — где, и уходит.

Вечером я спускаюсь в ресторан на ужин. После таблеток в желудке не остаётся места для еды. Но мне же надо, чтобы всё было — красиво. Напоследок, да.

Обычно я ужинаю на улице, оттого что в траве — там живут светляки. Я с детства и до этой осени не видела светляков. А это же чудо. Я садилась за столик у самого края, ближе всего к лужайке, отодвигала стул для Платона — и смотрела, как живые созвездия фосфоресцируют, вспыхивают и тают, просвечивая его насквозь. Его самого и его золотые крылья. Потому что после таблеток Платон почти что невидим.

Сегодня в крытом зале поставили ледяного оленя. Бриллиантово-яркого, с острыми плачущими рогами. И я села поближе к оленю, чтобы отчётливо видеть, как он течёт и тает. Тает, сходит на нет. Как и я сама, да.

И, как назло, за соседним столиком — те самые Митя и Таня. Как я сразу их не заметила? Ведь Митин снежный перебинтованный кочан виден издалека.

Митя ест меня глазами, Таня просто ест свой ужин — перед ней целых четыре тарелки. А мне было бы интересно посмотреть, как Митя станет жевать — этим своим кочаном. Но нет, он только таращится. Платон мерцает, переливается на краешке стула. Ветра нет, но кудри его развеваются, он так умеет. И чешуя горит, плотный,

почти осязаемый панцирь. Платон питается вниманием. Он касается губами кончиков золотых своих пальцев и сдувает с них для Мити невесомый поцелуй.

— Ах!

Митя даже вскакивает с места. Таня поднимает голову от тарелки. У неё великолепный профиль — орлиный, хищный, как у Козимо Медичи. И такое же платье, как у синьора Козимо, цвета фуксии.

— Господи, да что там у тебя? — она смотрит на нас с Платоном. Говорит, давась. — Извините.

— Да ничего.

Я пожимаю плечами — что с дурака возьмёшь? А Платон трепещет, смеётся.

После ужина Таня, одна, подходит к нашему столику. Митя остался на месте, сидит там, таращится на нас.

— Вы уж извините моего идиота.

— Ничего страшного.

И потом она говорит:

— Завтра мы едем в зоопарк на арендованной машине. Полчаса езды дотуда. Хотите с нами? Там, говорят, такие кенгурышки ржачные.

«Кенгурышки ржачные». Вот что это такое? Любопытство, дикость, глупость? Нездоровый интерес? А не всё ли равно? Я встаю из-за стола — и Платон встаёт, слетает, как бабочка, со стула.

— Можно рискнуть, — отвечаю. — Если правда ржачные.

— Я Таня, — говорит она и протягивает мне руку для пожатия, как мужчине. Это неожиданно, и это будит мгновенную симпатию. — А мой болванчик — он Митька, вы, наверное, слышали.

Митя за столиком — кивает и машет.

— Вера, — жму я протянутую руку.

«А он — Платон», — я не решаюсь представить тульпу, но произношу это в своей голове.

На волнах поутру серая пена, как будто всю ночь стирали что-то грязное. Длинные стальные языки вылизывают водоросли между скал. Скалы — зубы, острые, желтоватые зубы пожилого дракона. Как же ты шла здесь по ним, бедная, прекрасная Афродита?

Не пенопласт, гранит. Я спускаюсь по тропинке к обелиску. Крошечные камешки — скрупулюс — забиваются в сандалии, от этих настырных колючих камешков в обуви и получилось слово — «скрупулёзно». Платон уже ждёт меня внизу, среди гранитных арок. Мерцает.

«Милый бог» — так, кажется, начинал свою молитву один довлатовский персонаж, но в продолжение ничего толкового не придумал. И мне не о чем просить милую богиню Афродиту — мне не нужна любовь. А другое она не умеет.

Мы возвращаемся в отель по тропинке — и чёрные слизни ползут и ползут под ногами, оставляя на асфальте влажный длинный след. «Они идут, они идут». Длинные грустные фаталисты, им всё равно, совсем всё равно, что на них наступят и раздавят.

Мои новые друзья уже ждут меня возле арендованного «жука». Я усаживаюсь назад и держу дверь приоткрытой чуть подальше. Чтобы успел забраться и Платон.

Странная тут осень. Холмы за окном и зелёные, и красные, и какие-то растения вроде нож-дерева мелькают тут и там, как ёлки, но длинными иглами вверх.

Анастасия Трифонова

В потревоженной ране

* * *

Правда проста —
салфетка-ромашка:
мама вязала, я не умею.
Под абажуром бьётся размашисто
мотылёк
прошедшего времени.

С болью понятной —
коленная ссадина,
с радостью гибкой, как дедова розга,
память и ностальгию
не связывает
паутина прозы.

Сколько ни ври, равновесие —
рюмочка
тонкая с зубастым сколом.
Звякнет неловко о стол,
не задумается,
как всё устроено.

Дёрнешься
от наготы подноготной
собственной, окаянной:
угли. А чудились
самородки
в потревоженной ране.

Трифонова Анастасия Владимировна — поэт, филолог. Родилась в 1987 году в Смоленске. В 2010 году окончила Смоленский государственный университет, кандидат филологических наук. Работает учителем. Публиковалась в журналах «Юность», Prosodia и других, в антологии «Современный русский свободный стих». Участница проекта АСПИР «Мастерские» (2022). Живёт в Смоленске.

* * *

И яблоня зацепится на склоне,
чтоб дать плоды;
оторванное от контекста слово —
лишь полбеда;
печальней вслушиваться в нежный
бесшовный час,
но всех оттенков, как приезжий,
не различать;
в родном пейзаже слепо озираясь,
заметить мать,
отпрянуть, ни черты не узнавая,
и миновать.

* * *

I

«Там вишня с косточкой, поэтому горчит», —
кастрюлю держит на весу и смотрит.
Как в три глотка разделаться с компотом,
холодным, терпким, незачем учить.

Пустой стакан, и разговор пустеет:
что ела, где была, возьми с собой...
Стою в прихожей, долгожданный, дорогой,
но гость —
прощаюсь кратко между делом.

Захлопнет дверь, вертушку повернёт —
подслушиваю, чтобы не забыла,
как в прошлый раз. Неведомая сила
меня то гонит, то наоборот —

ведёт сюда на поводке коротком,
который шею давит, как петля.
Моргает незадачливый светляк
подъездной лампочки за поворотом —

спеши, спеши. Что я могу ещё.
Войти и наблюдать, как гаснет
та, что ночами мне читала сказки,
которые кончались хорошо.

2

«Тут шмели с кулак, если в голову врежутся,
Сразу черепно-мозговая!» —
И смеётся так, будто всё по-прежнему;
сидим на лавочке за сараем.

Подойдёт Маркиза потрётся об ноги:
«Она такую крысу словила —
как собака была, по колено, огромная.
Перебросил к Петровне вилами,

та по соседям бегала в панике:
угрозы, порча, иначе зачем?»
Не краснеет, а радуется, как пацан,
своим преувеличениям.

Дело к вечеру, комарьё слетается,
на двоих разогреваем чайник.
Отец замолкает, снова делается старым
и печальным.

Ложку за ложкой сахар накладывает,
будто от этого станет слаще.
«Скоро начнётся гроза, и ладно.
Утром поедем с дачи».

А приглядеться — классическая разруха:
дом, отвыкший от крепкой руки.
Лампочка и луна за окном на кухне —
сёстры, почти двойники.

* * *

Укачивает на качелях — что ж,
казалось, можно досконально вспомнить:
под окнами болталась день и ночь,
как маятник часов неугомных.

Мне матушка кричит: «Домой, обед!» —
выбрасываю ноги — и не слышу.
Лечу назад. «Стекло помой, Ахмед!»
Я так легко оказываюсь лишней

в своём дворе, который сам не свой.
Он вырос из меня, как из ветровки.
На раз-два-три я спрыгну и долой
пойду через забитую парковку.

Песочница, шиповник, тополя,
полоски проводов, многоэтажка
летят сюда-туда, туда-сюда,
и пальцы разжимать не страшно.

Ольга Гунина

На стыке

Рассказы

Сколько помнит себя лес

«Пошёл ты!» — думаю я. Поворачиваю голову. Смотрю. Даня держит руль и продолжает рассказывать. Каштановый чуб примят, шапка валяется на передней панели. Жарит печка. Октябрь заглядывает в стёкла чёрными глазницами. Урал шуршит вдоль обочины сизой еловой гребёнкой.

Мы совсем одни, когда катаемся. Последние люди на планете. Я люблю нитки дорожной разметки, люблю, как меняется ночное небо, как мелькает огоньком чужое жильё.

Любила.

— Я не знаю, человек мне не отвечает, а я весь день счастливый такой. Я пишу «доброе утро», вижу, что прочитано, улыбаюсь как debil. — Даня улыбается белыми зубами, уголками глаз. Треплет чуб. — Ну чё ты молчишь?

Я смотрю. Я отвечаю:

— Ну да.

— Вот. Мне просто радостно, что человек есть. Она так мило улыбается, я вижу её улыбку и тоже такой в ответ сразу...

— ...Как debil.

— Ага! — Даня блестит мне в ответ лучезарно и доверчиво.

Я отворачиваюсь. Я говорю:

— Ой! Это там лось? Смотри!

— Чё? Ёп! Да где?

— Нет уже. Не знаю. Показалось, что ли?

— Катька, блин!

— Ну да, прости.

Даня краснеет, не пятнами, а полосой по высокой скуле, взъерошенный мальчишка.

Гунина Ольга Николаевна родилась в 1992 году в Тамбовской области. Окончила Уральский государственный экономический университет. Участница XXII Форума молодых писателей России. Живёт в городе Березники, Пермский край. Это первая публикация автора.

— Лось, ёпта! — трёт висок и хмурится в пустоту. Волосы у него на виске выстрижены короче и блестят, как норковый мех.

Я часто тянула руки к его волосам. Даня мотал головой, как упрямый телок, уворачивался и ругался. Только однажды, когда мы напились после игрулек в «Варкрафт», он раза три рассказал о бывшей, с которой разъехался, но до сих пор периодически спал, расплакался и вырубился у меня на коленях. Волосы оказались мягкими, помнили бороздки от моих пальцев.

— Ну ты ладно, лучше уж говори, — бубнит под нос, осторожно косится на меня — обиделась, нет?

Я не обижаюсь. Я улыбаюсь в ответ.

Мы едем молча. По правую руку пробегает деревенька с ругательным названием. Я ловлю глазами свет в барской мансарде, замечаю алабая, который скачет за нами через свой огороженный, освещённый двор. Дорожное кафе «Усадьба» льёт фонарный свет на суету бумажек вокруг урны.

— ...Пионов, говорит, нет сейчас. Прикинь? Можно, говорит, кустовыми розами заменить. Фига, да? Катя, ты слушаешь меня вообще?

— Конечно, слушаю. Твои букеты лучшие.

— Вот именно!

— Это зависть, это дня три восторженного постинга.

— Во! Ну ты всё знаешь. Я ж рассказывал.

— Рассказывал.

— Короче, возьми мой телефон, глянь.

Деревенька закончилась. Печка сожрала последний воздух в салоне. Я развязываю шарф, оттягиваю ворот водолазки.

— Ну глянь, чё на этот раз замутил. Там бомба вообще!

— Да я верю. Можно окно открыть?

— Там морось. Ну да. Ну чё, как эта? Смотри. — Даня суёт мне в руки свой айфон.

— Разблокируй. Физиономия твоя нужна, — начинаю я и осекаюсь.

Она на заставке. Фото в зеркале. Угольно чёрный хвост до ягодич. Детские хомячьи щёки. Попытка найти в них губы и скулы закончилась гримасой утёнка. Весьма солидная грудь норовит выпрыгнуть из майки. Так себе талия. Шорты на шнурке. Серые носки с розовыми бабочками. Носки у меня триггер, необъяснимый, как любовь с первого взгляда. «Меня тошнит», — говорю я. Но вслух получается:

— Пионы огонь, — бросаю телефон рядом с его шапкой. — Сколько ей?

Лицо тянет на двенадцать, но точка фокуса там не на лице.

— В апреле будет восемнадцать. Такая смешная. Ходит, везде с цветами фоткается, довольная. В Инстаграм выложила, всё сердечками утыкала, зверюшек каких-то понарисовала, — Даня снова начинает излучать дебильный свет.

— А ей в Инстаграме объяснили, зачем двадцатипятилетние дяденьки цветы дарят? Что у них там за цветами, — хлопаю пару раз ладонью по кулаку, — обычно планируется?

— Знаешь, я ждал, что так скажешь. Хотя ты мой друг. И очень хорошая, — Даня сосредоточивается на дороге. — Но я вообще об этом не думаю. Я так хочу радовать человека, может, впервые в жизни. Цветы ей, платья покупать. Гулять с ней ходить. Я понимаю, что понять такое сложно. Но это не только инстинкты. Это поступки. Это когда ждать готов ради человека.

Сырой ветерок из окна не спасает, я вдыхаю и не могу набрать кислорода на вдох.

— Останови, мне надо выйти.

Даня сбавляет скорость и смотрит на меня. Я не смотрю в ответ.

— Мне надо прогуляться.

— Время двенадцатый час. Ты куда гулять собралась?

— Останавливай, или я прямо тут блевану, понял? К лыжной базе сворачивай.

Даня бубнит что-то тихое и злое, сворачивает.

В любой непонятной ситуации угрожай чистоте салона.

Я вылезая ботинками прямо в лужу, хлопаю дверь. Ветер раскачивает лампу на крыльце домика проката. Парковка и лента лыжероллерной трассы темнеют дождевым гляncем, опрокидывают в отражении оранжевые фонари, вытягивают их, как церковные свечи. Игрушечный постапокалипсис. Еловая тишина, чернота, глубина обнимает его, не сжимает только забавы ради.

Хлопок двери. Писк сигнализации.

— Ну и чё это такое? А? Кать?

Что-то закипает в висках, в переносице, в глазных капиллярах, на дне солнечного сплетения, в сердечной дыре. Я резко оборачиваюсь к Дане. Я выдыхаю.

Одержимое гонимое животное, гормональный торчок. Я ведь всё понимаю. Я смотрю, как он мёрзнет в лёгком бомбере — руки в карманах, голова втянута в воротник. Идёт ко мне, чуть раскачиваясь, выставляя плечи поочерёдно вперёд. Выдыхает пар своим пухлым ртом хулигана-красавчика из школьных сериалов. Мне очень нужно послать его на хер. Я очень хочу его обнять. Я всё понимаю, и сил моих больше нет. Я говорю:

— Давай пройдемся?

— Да мы тут околеем. Чё, реально так плохо, Кать?

— Плохо.

— Может, в машине посидим?

«С твоим айфоном и сексуальной уткой».

— До поворота только и обратно. Тут воздух есть. Дань?

Он молча кивает. Молча идёт.

Шепчет хвоя, шепчет ветер в густых лапах. Расчерченная иглами, как перьями, тень кружит по мокрому асфальту, сбивает с шага. Ветки постукивают в шипящей темноте. Я люблюсь и забываюсь. Вдыхаю с наслаждением и говорю:

— Какой он без человека, а?

— Кто? — Даня смотрит под ноги. Снова наступает в лужу. — Сука!

— Лес. Сильнее, свободней, да? Будто не прячется. Будто без нас красоты больше.

— Типа природу любишь?

— Всегда вроде.

— Ну и ездила бы тогда.

— Ага. Без машины и без прав.

— Ну, так мужика найди с машиной, — дышит на руки, снова прячет их в карманы. — Ты ж ничё вроде. Симпатичная.

Я останавливаюсь. Даня врзается в меня плечом. Ноет:

— Чё опять?

— А ты знаешь, что возраст взаимного согласия с шестнадцати лет?

— Чего?

— Ну, если она точно на тебя заяву не накатает из вредности, ты можешь побыстрее её трахнуть, охренеть от её тупости и начать возить меня на природу. Правда, зима будет. Но тоже ничё. Ну чё, как? Не знал?

Он стоит в калейдоскопе еловых теней, румяный от холода. Скрещивает руки на груди.

— Ты просто не любила никогда по-настоящему.

Злой.

Смешной.

Очень злой.

Очень смешной.

Я фыркаю и хватаю ртом воздух. Ветер пинает меня в спину, закидывает в рот мои волосы, я начинаю смеяться в них, прижимаю их рукой ко рту, который не хочет закрываться.

Даня хмурится и отступает на шаг. Ветер собирает смерч из хвои у моих ног.

Смех не даёт мне дышать. Я мычу из-под собственных пальцев. Даня подаётся ко мне. Я отнимаю руку ото рта. Кажется, смех не помещается во мне, связки вхолостую гоняют октябрьскую мглу. Даня отшатывается снова, запинаясь, падает, ползёт от меня каракатицей, как на уроке физры. Ветер треплет меня, как Мэрилин Монро над вентиляционной шахтой, хвоя летит под куртку, в глаза, в нос.

Я, наконец, слышу свой крик и оторванный от меня холодный и дикий хохот. В темноту поворота на дистанцию в десять километров, в кусочек причёсанной человеком тайги, в угрюмую дымку горизонта я хохочу хуже, чем псих: как первая в своём роде уральская банши, как гиена в ночной саванне, как полтергейсты на записях тревожных парней в шапочках из фольги.

Я — ночной кошмар, и не я могу остановиться, потому что не хочу.

Я хохочу ещё.

Ещё.

И ещё.

Да, мать вашу.

Я хочу ещё.

Ещё.

И ещё.

Хохотать.

Болят рёбра. Дерёт горло. Из носа течёт. Кровь? Сопли.

Мне нужно уйти.

Лес поёт. Я знаю песню до конца, но хочу послушать. Ещё.

Где человек?

Сколько помнит себя лес, здесь всегда был лес.

Человек в куртке и джинсах мелькает между деревьями. Я хочу крикнуть: «Подожди!» Хриплю и кашляю.

Ель вставала за елью под сенью ели.

Человек не торопится, но его не нагнать. Я боюсь потерять его, запинаясь о корни, пролезаю под еловыми лапами.

Время стоит вековыми стволами, лежит в голубых мхах.

Усталость путает шаги. Я говорю: «Подожди».

Я не слышу себя. Я выдохлась.

Хватит.

Лес обрывается.

Человек останавливается.

Человек садится на пень, подбирает под себя ноги, сутулится.

Я останавливаюсь.

Наступит праздник

Участники Мастерской АСПИР на страницах «ДН»

Итоговая Мастерская Ассоциации Союзов писателей и издателей России (АСПИР) в декабре 2022 года собрала очень разных поэтов — по географии и мировосприятию, по типу версификации, по художественному уровню и даже по возрасту участников, что оказалось полезным и прибавило интереса друг к другу.

Наше общение было захватывающим, продуктивным и обещающим интересное продолжение. Первым шагом нашего сотрудничества станет эта поэтическая публикация, и некоторые авторы — участники Мастерской АСПИР — впервые увидят свои стихи на страницах «Дружбы народов».

Галина КЛИМОВА

Не у всех поэтов есть возможность регулярно обмениваться впечатлениями о стихах и обсуждать их. Мастерские АСПИР — это не только площадка для обсуждения текстов, но и место знакомства авторов; АСПИР помогает обрести круг единомышленников, так необходимый молодым авторам, особенно живущим вдалеке от литературных столиц.

В нашем семинаре собрались новички и опытные поэты, с некоторыми из них я знаком: Мирослава Бессонова, Антон Васецкий и другие. Было интересно прочитать их новые стихи. Впервые познакомился со стихами Ильи Виноградова, Максима Глазуна, Евгения Дьяконова, Анны Харлановой и юного Павла Сидельникова. У всех есть шансы заявить о себе в поэтическом сообществе.

Главным в нашей работе мне виделось не выявление формальных ошибок или построчный разбор стихотворений, а определение направления, которое позволило бы автору развиваться. Говорили не только о поэзии и литературе, и не во всём сходились, как и бывает в атмосфере свободы и творчества, но оказались едины в том, что поэзия не развлечение, но ускоритель сознания, и для написания текста требуется ежедневная внутренняя работа. Для наших молодых коллег важны поиски тем и новой просодии, без чего развитие поэзии невозможно. Главное — терпеливо искать, и результаты придут.

Александр ПЕРЕВЕРЗИН

Мирослава Бессонова

Словесный рой

* * *

деревья склеились прогоркли
упала дыма пелена
сидит на бронзовом пригорке
уже не певчая вина

и смотрит камушками глаз на
прощённую неблагодать
бьёт крылышками несогласно
да не желает улетать

* * *

наступит праздник милые
вот-вот да невпопад
лошадки златогривые
гирлянды светопад

базарная сумятица
фантазии полёт
и площади наряжаются
и Гизмо запоёт

и точно будут веселы
румяны и хмельны
трудяги в снежном месиве
а плакать будем мы

эпохи умирания
распиливать скелет
пока страшны дела её
и будущего нет

* * *

и ты не верь как остальные люди
но путь начав из ямы оркестровой
дойдём мы от бессмыслицы до сути
по острой гальке до травы махровой

и подхватив усталость что свирепа
опешим с полусна и с полуслова
но ангелы фонариками с неба
подсветят нас по очереди снова

Мирослава Бессонова родилась в 1995 году в Уфе. Окончила Восточную экономико-юридическую гуманитарную академию. Публиковалась в журналах «Знамя», Prosodia, «Интерпоэзия» и др. Живёт в Уфе.

* * *

вспомнишь ещё старик
как он хорош на вид
прошлого материк
тот где ещё царит

уличный произвол
смеха и дыма взвесь
деревя детства ствол
в татуировках весь

и передашь привет
траурный эпикриз
всем кто сойдёт на нет
если посмотрит вниз

Антон Васецкий

Роли второго плана

* * *

В юности презирал
некоторых актёров
за неразборчивость
в выборе амплуа.

Непротивление
замыслу режиссёра
и невзыскательность
к жанровой чистоте.

Что же, зато теперь
многое понимаю
про переменчивость
выбранного пути.

Стал глубоко ценить
роли второго плана.
Не говоря уже
про невысокий жанр.

Антон Васецкий родился в 1983 году в Екатеринбурге. Окончил факультет журналистики Уральского университета. Публиковался в журналах «Урал», «Волга», «Дружба народов», «Октябрь». Автор двух книг стихов. Живёт и работает в Москве.

* * *

Тёсаной крошкой щёбня
в мясо стерев стопу,
через бугры и гребни
вытаптываешь тропу.

Вытянешь из обувки
ногу, как из петли,
и возвратишь по букве
в лоно родной земли.

* * *

Вместо одних людей
с хорошими лицами
приходят
другие.

Жесты ещё угловаты.
Непринуждённость
не успела пропитать
их пластику.

Но зоркие взгляды
уже безошибочно
отделяют чужих
от своих.

Тех, кто идёт с краю,
от тех, кто в потоке.
Тех, кто движется позади,
от тех, кто в авангарде.

Не пытайся притвориться.
Тебе опять ничего не светит.
Просто не смотри
им в глаза.

Они тоже этого не любят.

Илья Виноградов

Дома и лодки

* * *

Как добротна мебель из дерева
И тепла добротой леса!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словно душный бездушный ящик
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Илья Виноградов родился в 1978 году. Автор шести книг прозы и поэзии. Переводит стихи с болгарского и норвежского языков. Победитель ряда литературных конкурсов, один из организаторов Международного Славянского хода-2018 «Мурман—Балканы». Живёт в Мурманске.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

Чёлн

Сник рыбак в челне курносом,
На простор устав смотреть,
Вёсла осушил и бросил.
Выпростав, отбросил сеть.

Зыбь колеблет отблеск белый,
Веют думы про судьбу:
Плыл — в начале — в колыбели,
Поплыву — в конце — в гробу.

За разлив зари вечерней,
Где водой стал небосвод,
Молчаливое течение
Чёлн задумчивый влечёт.

Максим Глазун

В побеге от самоповтора

* * *

макондо молодости нашей
мурашек первые шажки
рай в шалаше и на шабашке
навырост взятые рубашки
в руках сгоревшие снежки

жара текущая как время
картина вымытая в раме
самосознание за вредность
изобретающим запреты
волшебные свои сезамы

Максим Глазун родился в 1996 году в городе Ступино, в Московской области. Студент Литинститута им. А.М.Горького. Публикации в журналах «Новый мир», «Кварта» и др. Лауреат премии им. Р.Рождественского (2018). Живёт в г. Ступино.

как были молоды не знали
склонялись к сторонам без цели
не насмотревшимся кина ли
начать рассматривать сценарий
стараясь выделить мицелий

какая мысль у акулы
помимо страха остановки
в три ряда белые окурки
крючки оставили наколки
всему приходит разлиновка

кроссвордов тесных коридоры
рифмовка скрытая стрелялка
в побеге от самоповтора
в победе от самоповтора
и жить неловко и не жалко

* * *

над кострами прыгали
косы опалили
свечки наши девочки
смерти молодые
славящие идола
в радиоэфире
печки наши лавочки
волосы седые

пепельные волосы
врали не краснели
дедушкины фокусы
лешего искали
оставались в образе
некрасивой нелли
создавали фобии
фон маниакальный

сёстры наши лебеди
маленькие ведьмы
предавались пламени
делались взрослее
выросли последними
уносимы ветром
наши пожелания
тёмным поселеньям

хатам обеспеченным
городам беспечным
тени наши вечные
светлых танцев эхо
город станет почвою
обернётся почкой
наши беды с печенью
девушки с подвохом

Евгений Дьяконов

СКВОЗЬ ЖИЗНЕННЫЙ ЛЁД

* * *

Этот свет из ниоткуда,
улица пуста.
До чего же трудно в чудо,
не вложив перста!

Снег и солнце, вербы ветка,
взгляд издалека.
И нащупалась монетка
в брюхе пиджака.

Мне она нужна, как счастье, —
номинал высок!

С похмелюги рвусь на части.
Где ты, добрый Бог?

За подкладкой разноцветной,
в бережном тепле.
Я душой и телом — бедный,
мыслю о тебе.

Свет всё тот же, только ярче,
улица тиха.
Кто меня вот так вот спрячет
в счастье от греха?

* * *

Шелестит и мерцает неясная область судьбы,
где-то рядом она, но, увы, недоступна для взгляда.
Звёзды, звёзды, зачем вы безжалостны так и грубы?
Листья, листья, зачем вы покинули пиршество сада?
Отголоски движений я вижу, замедлив побег,
но простить и принять не могу, не могу, а хочу ли?
Называю, что вижу: вот стол, вот тетрадь, этот снег
проникает сюда, где сижу на расшатанном стуле.
Засыпает меня, засыпает печаль, но не спит
кристаллический разум, похожий на мамину вазу,
вот метафора первая — это спасительный бинт,
что змеится изящно во всех измерениях сразу.
Если это судьба, то молчание пусть снизойд?т
тишиной в декабре, накануне вселенской разлуки,
я взгляну на тебя, словно рыба сквозь жизненный лёд,
и услышу тогда твоей речи заветные звуки.
А пока остаётся метафоры изобретать,
чтоб хоть как-то оправдывать зиму внутри и снаружи,
Счастье греет, однако способно оно согреть
на широтах других, что южнее, нежнее и уже.

Евгений Дьяконов родился в Ленинграде в 1989 году. Окончил СПб ГУКИ, работает экскурсоводом. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Юность» и др. Победитель литературных фестивалей. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Маме

Я прихожу, а ты мне говоришь:
«Обед готов. Садись.
Чего стоишь?»

На улице опять похолодало,
по дому не ходил бы босяком,
а лучше залезай под одеяло,
смотри, какая вьюга за окном...

А лучше оставайся ночевать —
я расстелила свежую кровать».

Молчу, мусолю личную непруху,
прилаживаю всё слова к словам,
глотаю кофе и в окно курю.

А ты мне говоришь: «Увидишь муху —
не убивай — я с ней по вечерам,
по два часа, бывает, говорю».

А я молчу, пью кофе и курю.

Павел Сидельников

Во всём домашнем

* * *

Беспамятное сердце, за которым
ни чёрта, ни черта.
Над мирным облаком — нависшим горем
стояла пустота.

Какой-то человек свою судьбину
избавил от забот.
И тот, кто белый свет до нас покинул,
на этот свет придёт

Павел Сидельников родился в 2002 году в Тюмени. Студент Центрального филиала Российского государственного университета правосудия. Публиковался в журналах «Подъём», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и др. Победитель студенческих литературных конкурсов. Живёт в Воронеже.

каким-нибудь зверьком, цветком ли, камнем,
рыбёшкой и грибом.
Вмиг узнаваемым — во всём домашнем,
в обличии земном.

И, может, мнущая траву лошадка
всё помнит прежний дом,
где сын лежит на маленькой кровати,
и плачет лишь о нём.

* * *

Поэзия — такой же знак,
как этикетка на бутылке.
Мне говорят, что я — дурак.
Вот — дураком — стою в курилке.

Вот — дураком — ватрушку ем,
запачкав новые ботинки.
Но вида нет красивей, чем
летающие в меня снежинки.

Конечно, здесь важней они —
летающие в меня снежинки,
чем я. Я — остаюсь в тени,
тем более — мои ботинки.

Я мог бы подчеркнуть акцент
на обувной своей новинке,
но мне не нужен комплимент,
когда в меня летят снежинки.

Анна Харланова

И жизнь продолжается под облаками

* * *

Когда гранаты цвели кроваво
И дождь ночной, оглушая, падал,
Осколки молний слетали с неба,
И с губ словами срывалась боль, —
Мы не щадили уже друг друга,
Горячий уголь крошили в пальцах.
И жизнь дымилась. Что дальше будет?
Что будет дальше у нас с тобой?

Анна Харланова родилась в селе Доброе Липецкой области. Окончила Литературный институт им.А.М.Горького (семинар прозы В.В. Орлова). Пишет стихи и прозу. Руководитель литературной студии для детей. Публикации в журналах «Юность», «День и ночь» и др. Организатор Международной литературной премии имени А.И.Левитова и фестиваля «ЛевитовФест». Живёт в Липецке.

Под этим небом из туч и молний
Больших деревьев танцуют тени,
Танцуют тени по тротуарам,
Танцуют тени по мостовой.
На Руставели людское стадо
Бежит от бури, а нам не надо,
А нам не надо,
А нам не надо
Беречь любовь.

* * *

И птицы поют. И летит самолёт.
И жизнь продолжается под облаками.
Я сливы иду собирать на компот,
Пока не попадали сами.
А мысли, как сливы в тугой кожуре,
Налитые соком, прозрачным и кислым...
Никак не дают успокоиться мне
Мои тёмно-синие мысли.
И скоро вода осторожно кипеть
Начнёт и устанет, приняв эти сливы.
А мне нужно пламя убавить успеть,
И сахар добавить, и стол протереть, —
И стать без тебя счастливой.

Дарья Буравлёва

Рассказы

Альбатрос

Сейчас я научу вас, как правильно произносить моё имя. Выдохните и на вдохе произнесите: «Альба...» — и, не останавливаясь, на выдохе: «...трос». Слышите? Да, вы только что стали прибором. Это я и есть — прибор, волна, ветер и крик над морем, головокружительное падение и стремительный взлёт, парение в воздухе. Альбатрос.

Я был свободен, пока не умер и не стал по прихоти мироздания духом, запертым в керамической брошке. У настоящего мастера всегда так: лепит, творит, работает — и в какую-нибудь вещь обязательно поселит искру. В этот раз искрой стал я. И никакого больше моря и ветра.

Я был одним из многих и единственный с искрой. Мастер выложил нас на стол, и мы остались ждать. Руки, как много рук! Холодные и влажные, шершавые и неловкие, тёплые и сухие, аккуратные и гладкие — меня много раз трогали, поглаживали. Мне улыбались. Внутри каждого я чувствовал что-то похожее на маяк. Но он всегда светил не мне. И вдруг — девушка. Скользнула взглядом, не тронула, ослепила светом маяка, обожгла огнём родственной души и... прошла мимо! Ветер и буря! Как мне нужны крылья! Она, только она сможет меня освободить. Я не мог лететь следом и стал звать, тянуться к родственной душе.

Сбылось — она вернулась. Восторженные глаза, много смеха, обмен деньгами-покупками-визитками, и вот я лежу в каком-то пакете, обёрнутый в бумагу. И страшно, и интересно. А вдруг там меня ждёт свобода и шум прибора? Или всё так же буду пылиться в ожидании чего-то?

* * *

Пылиться мне не пришлось, впрочем, моря я тоже не увидел. Поселился на рюкзаке. Особых полётов в жизни не случается, правда, порцию свежего воздуха получаю регулярно. День похож на день, и её маяк всё так же светит — обещает. Но сбудется ли обещанное?

Буравлёва Дарья Руслановна родилась в 1987 году в Саратове. Окончила СГУ им. Н.Г.Чернышевского, психолог. Участвовала в мастерских АСПИР в Москве и Нижнем Новгороде. Живёт в Саратове.

О, как невыносимо быть сгустком, квинтэссенцией самого себя — символом свободы без возможности расправить крылья, напоминанием о морском ветре без права на полёт!

Но я не сдался. Крепление, соединяющее меня с тканью рюкзака, хлипкое, вот-вот откроется. Хозяйка, когда выходит на прогулку без броши, носится по улицам как ураган. В этом мы с ней схожи, в эти недолгие моменты я становлюсь прежним. Рано или поздно крепление не выдержит — сорвётся. И тогда я действительно полечу.

* * *

Полёт оказался неудачным. Всего несколько сладостных минут парения, так близко к мечте! Крепление сорвалось, и я летел — клянусь морем, это было прекрасно! Но. Удар оказался недостаточно сильным. Я потерял клюв, но не способность видеть и понимать. Хозяйка бережно подняла меня, стряхнула пыль и, с досадой поджав губы, прицепила на место. Мгновенная вспышка ненависти: «Отпусти меня! Освободи!» Словно услышала: растерянность во взгляде, сожаление, понимание. Вздых: «Погоди немного...» — сказала или мне послышалось?

Идём куда-то. Чужой голос вещает: «Предметы силы лучше всего отдавать стихиям». «Я знаю», — это уже хозяйка. И вдруг я чувствую запах воды и слышу... как же я скучал! Альба-трос, альба-трос, альба-трос. Волны, пусть и не морские, шепчут, зовут, манят! Маяк не подвёл. Она растёгивает крепление. На секунду замирает, улыбается мне. И бережно опускает в воду. Волна захлёстывает меня, я упиваюсь восторгом. Свобода! Расправляю крылья, в последний раз оборачиваюсь к ней. Маяк медленно тухнет — он выполнил предназначённое. А за её спиной разворачиваются два крыла. Так и знал! Мы встретимся, мы обязательно встретимся снова! И летаем вместе! Прощай!

Лось

В деревне существовало поверье: если соберутся три женщины и станут вязать и нити от клубков спутаются так, что сообща они не смогут распустить узел и отдадут его четвёртой, и та справится, то явится хозяин леса, лось с резными рогами. Явится, понятное дело, той самой, четвёртой, а к худу это или к добру — мнения расходятся.

Четвёртая — это, стало быть, я, трое — бабки (три сестрицы), а лось... А что лось? Вот он, стоит и смотрит. Перепутать с кем-то этого зверя невозможно: абсолютно белый с огромными какими-то не лосиными рогами, сплошь покрытыми резьбой. «Как у меня на глиняном кувшине», — пришла совершенно не подходящая моменту мысль. И вслед за ней вторая: «Видимо, сплю».

Ожидала, что сие чудо расчудесное заговорит. Что-нибудь вроде: «Здравствуй, красавица, за твои ловкие руки исполню три желания». И шёпотом: «Отказаться нельзя, за каждое платишь жизнью одной из бабок — много их у тебя». Или: «Готовься, смертная, — пришёл твой последний час!» Но нет: чудо расчудесное молчало. Молчало и смотрело, в упор, не моргая. И глаза отвести почему-то было страшно.

Не знаю, сколько так простояли — лось вдруг ухмыльнулся (лоси такое умеют?!), отвернулся и пошёл по своим лосиным делам. А я так и стояла какое-то время, не очень соображая, кто я и где. Потом очухалась и побрела к бабке.

О встрече никому не сказала. Не хотелось: внутри осталось ощущение тайны и света — если о таком болтать, быстро развеется. Вдосталь погостив у бабушек, отправилась домой, в город, где ждали друзья и работа.

Года через два дела завели меня в живописную деревушку: высоченные горы со снежными пиками, огромное озеро, улыбочивые жители. Хозяйка дома, где я поселилась, прониклась ко мне симпатией и как-то решила показать свою коллекцию фигурок. За стеклянными дверцами старинного шкафа жили вырезанные из слоновой кости звери: лиса, волк, заяц, белка и лось. У всех были памятные мне узоры: у лося, понятно, на рогах, у остальных прямо на шубке.

В тот вечер мы долго разговаривали. Я рассказала про лесного хозяина, она — про встречу с белкой и про то, что долго ждала человека-лося, меня то есть.

Белка

Башня... башней я бредила. Сколько себя помню, всегда хотела попасть внутрь. Представляешь мою радость, когда мама отдала ключи? А каково было владеть ими и не использовать? Нет, не представляешь: это трудно понять. Я мечтала о чуде, я стояла у двери, которая к чуду вела. У меня были ключи от той двери и строжайший запрет отпирать её.

Обида, горькая и тяжёлая обида на весь свет и в особенности, конечно, на мать — вот что я чувствовала. «Нужно ждать, просто ждать. И передать шкатулку дочери, когда ей будет пятнадцать, если ожидание окажется напрасным, — так она сказала. Помнится, я тогда поклялась никогда не рожать дочерей. Интересно, это моя клятва так подействовала или... впрочем, сейчас это не важно.

Легенду о сёстрах я узнала ещё от бабки. Это было что-то вроде семейного предания. Правда, для меня она заканчивалась гибелью сестёр и появлением Башни. Я представляла, как войду однажды в тёмные стены и духи пяти дев будут учить меня волшебству. Я и подумать не могла, что сама пра-пра- и ещё сто раз правнучка одной из них.

Что ты смотришь на меня такими глазами? Лучше чай пей — остынет же. И попробуй пирог — он удался на славу.

Мда... пожалуй, сумбурно рассказываю. Хотя? Белку-то я встретила только недели через две после дня рождения. То есть шкатулку мне уже вручили и полную версию легенды рассказали.

Как сейчас помню: была середина августа, ночи уже стали прохладными, но я всё равно решила остаться у Башни до рассвета. Шкатулку прихватила с собой и весь вечер перебирала её содержимое, перечитывала легенду, сверлила взглядом дверь. Короче, портила себе настроение. И преуспела в этом занятии: звёзды застали меня безутешно рыдающей у затухающего костра. И именно звёзды привели меня в порядок: трудно сокрушаться от вселенской несправедливости, когда над головой горят мириады вечных огней. Так и заснула: любуясь ночным небом, впитывая звёздный свет.

Разбудило меня осторожное прикосновение к щеке. Или всё-таки холод? Наверное, и то и другое. Первое, что увидела, когда открыла глаза, был хвост. Какой-то зверь махал им прямо у меня перед носом и деловито копошился в сумке с едой. Я охнула — зверь обернулся и предстал передо мной во всей красе. Посмотреть было на что: огромная белка раза в два превосходила сородичей размером. Но удивляло даже не это, а мех. Белка была белой. «Седая», — подумала я и с тех пор так и звала её про себя. На белом поле нет-нет да попадались рыжие шерстинки. Мы рассматривали

Макс Неволошин

Океан, балет и выпивка с утра

Бар, открытый в семь утра, выглядит похмельной галлюцинацией. Трогательная забота о «жаворонках» в мире «сов». Несколько лет я прохожу мимо, ускорив шаг, однако замечаю посетителей. «Жаворонки» наслаждаются свободой, пивом, чипсами, беседой. Кто-то распахнул газету, кто-то донимает игральным автоматом. Они загадочны, как инопланетяне. У них довольные красные лица, избыточный вес. Им вряд ли знакомы слова «дедлайн», «гипертония», «ипотека». Не старики, не инвалиды, не туристы, ибо по-домашнему расслаблены. Не алкаши, гуляющие на последний цент. Бар в центре Сиднея — место недешевое. Но кто эти беспечные счастливицы?

В детстве я завидовал людям красивым. В юности — известным, затем — богатым, позднее — талантливым. Сейчас завидую только беспечным. Тем, кто в любых обстоятельствах не завидует никому.

Мне необходимо их понять. Стать хотя бы временно одним из них — демонстративных бездельников в городе тотальной, невротической занятости и спешки. Поймать ощущения человека в баре утром рабочего дня. Испытать моральное падение и взлет.

— Навынос отпускаете?

Бармен — китаец, хипстер, целлофановый мальчик с прической. Сверкание бутылки, презрительный кивок. А не пошел бы ты.

— Двойной «Смирнов» без льда. Бокал темного и два с собой. Три.

Он усмехнулся:

— Это твой завтрак, приятель?

Мне такие шутники и в здравии противопоказаны. Пришлось сосредоточиться.

— Извини, — говорю, — мам, я тебя не узнал. Твой хирург явно перестарался.

Люблю, когда дети онлайн задумываются. От непривычного усилия в их лицах появляются черты. Спустя минуту я о нем забыл. Темное подтолкнуло нерешительного «Смирнова» в глубины организма. Тело отозвалось приятным исчезновением. И тотчас Сидней шагнул ко мне через окно.

Есть города-театры, города-каравеллы, города-цеха, общежития, музеи. Сидней — город-дельтаплан. Левитация тяжелых нелетающих предметов, аэродинамика пространства. Выходишь на станции Circular Quay, дыхание обрывается: все это

Макс Неволошин родился в Самаре. В прошлом — учитель средней школы. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаша по соше» (2015) и «Срез» (2018). Печатался в «Новом журнале», «Волге», «Юности» и других изданиях. Живет в Сиднее.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 7.

действительно существует, превосходя изображения и воображение. Мост, театр, небоскребы не касаются земли, корабли и яхты — океана.

Как поэт, не видевший этого города¹, уловил его летящий стиль? Балет — снова полет, невесомость, изящество линий, танец брызг повсюду, где идет ожесточенная грызня воды и берега. Выпивка с утра — свободное падение: тот же кайф, и грань, и замирание сердца от мысли, что парашют укладывал не ты.

Для проникновения в суть ландшафта человеку с выдумкой необязательно там жить или бывать. И совершенно нежелательно работать. Я о работе простой, не особо любимой, строго за деньги, час в один конец, нон-стопом тридцать лет. Такую работу один затейливый автор назвал «горбатенкой». Дедлайны, овертаймы, идиот-начальник прописался в голове, выходные раздражают, отпуск бесит. Ипотека бодрит.

Мой опыт зачерствевшего в скитаниях колобка настаивает: понять мегаполис с характером вроде Сиднея может лишь человек долговременно праздный. Еще лучше — праздношатающийся, идеально — выпивший. Забудем о гиах, экскурсиях, беготне по достопримечательностям. В топку это слово-монстр. Информация и спешка убивают образ места, превращают его в гербарий, в коллекцию бабочек на иголках. Бесчисленные фото гламуруют пейзаж. Только медленным шагом, без цели и карты, интуитивно познается незнакомое, соединяются без шва реальность и фантазия, иначе блекнет и то и другое. Давным-давно я потерял Москву, но в Сиднее был умней.

С городами, где живешь подолгу, возникают отношения наподобие человеческих. Самара — мать оболтуса-подростка, война с досадным привкусом любви. Москва — альянс юного честолюбца и влиятельной старухи. Мюнхен — страсть без перспектив, гранатовый браслет. Веллингтон — друг с нелегким характером. Сидней оказался хитрее других: под маской бизнесмена он годами скрывал лицо.

Здесь все думают о работе. О шансах, вакансиях, собеседованиях, резюме. О том, чтобы найти ее, сменить на лучшую, бросить к чертям — не теперь, когда-нибудь — и хоть осмотреться: где мы? Но цены на жилье такие, что переспрашиваешь дважды. И тачку нестыдную охота, и балкон на море, чтобы гости ахнули. Соблазны и понты туманят мозг. Пентхаусы и яхты выглядят как норма. По мановению волшебной карточки сбываются мечты. Банки, нежно улыбаясь, приглашают в рабство.

— Невероятная глупость! — усмехается Терри, айтишник, знаток устройства жизни. — Выросло финансово инфантильное поколение. Для них благополучие не связано с трудом, долги — абстракция, налоги — метафизика. Не вернув студенческого займа, берут кредиты. Потом, конечно, — микрозаймы, реструктуризация. Идиоты живут напрокат, отдают по две трети зарплаты...

Дальше я его не слушаю. Я согласен, но буду возражать, хотя бы ради практики в английском. В офисе я редко беседую с людьми. Большею частью — с цифрами, вполголоса и матом. Снисходительность Терри забавна. Этот ухмыльчивый тон он практикует со всеми, кроме начальства. И всех, кроме начальства, презирает. Меня — за недостаточно проворное владение компьютером, а также за акцент. Я мог бы имитировать ленивый австралийский сленг, он проще, чем новозеландский. Зеландцы ставят гласные внезапно, наобум. Австралийцы заменяют их гнусавым «ай». В неясной ситуации говорят: «Ай дайнт най, майт» — и примут за своего. Надо ли мне быть своим — вопрос.

— Зато они имеют всё и сразу, — отвечаю я, — пользуются, радуются жизни. Если людям так комфортно, почему бы нет?

— А если они потеряют работу? Банк заберет их квартиру, машину, имущество и продаст. За любую цену — банку пофиг, там страховка. Лузеры останутся ни с чем!

¹ Речь идёт о строке из песни Юрия Визбора «Волейбол на Сретенке» (1983), взятой в заглавие рассказа.

Упоминание о потере работы травмирует моего коллегу. Из довольного хомяка он на секунду превращается в затравленную мышь. Я понимаю Терри. Мы — исчезающее поколение, для которого жизнь и работа — синонимы. Чьи родители диетничали не в лечебных целях. Мы унаследовали этот страх. Увольнение для нас — катастрофа, пенсия — репетиция смерти.

А ведь Терри — состоятельный человек. У него девятый уровень в тарифной сетке — восемьдесят штук плюс бонусы. Терри лишен затратных привычек: равнодушен к алкоголю, путешествиям, браку и семье. Его сексуальная ориентация не выявлена. Живет с родителями на отдельной половине дома. Мониторит поглощенные калории, вес, артериальное давление. Гордится лучшим в офисе здоровьем и умом.

Терри инвестирует в недвижимость. Два его бунгало в курортном городке на юге штата сдаются даже зимой. Через десять лет они подорожают вдвое. Это, считай, миллион, да в пенсионном фонде накапает тысяч шестьсот. Полтора лимона минимум! И вот тогда — покой, богатство, воля.

У меня плохая новость, Терри. Заслуженный отдых тебе не грозит. Пока золотоносная птичка размножается, ты будешь кормить ее своей жизнью. Однажды в кабинете уронишь лысеющую голову на стол и проснешься фрагментом сложной медицинской инсталляции. Всё будет по-миллионерски: необъятное окно, удобная кровать. Своевременные памперсы и клизмы. Широкий спектр ритуальных услуг.

Мне кажется, главное в накоплении капитала — успеть его истратить. Иначе этим займется кто-то другой.

Бывает, человек отсутствует на службе месяц. Или два. Офисное время чужое, его стараешься не замечать. Тем более — людей. Но когда исчезают трое бойцов, отряд слегка взволнован.

— Говорят, жена Кима попала в аварию. Ужасная новость.

— Да, кошмар... Двойной латте без сахара, плиз... Только не в аварию. И не жена.

— У него что-то было с головой... помните? Мерзла голова, постоянно шапочку носил.

— В спецбольницу увезли. В эту самую... Для этих.

— Меня тоже скоро увезут. Каждый вторник ощущение пятницы...

— А Розмари где, в отпуске?

— Можно и так сказать. Умерла позавчера, онкология. Завтра отпевание. Кстати, ты на венки сдавал?

О третьем исчезнувшем после. Сначала — важное.

Я не хочу, чтобы меня отсюда вынесли — раз. Нужен максимально долгий перерыв между офисом и капельницей — два. И помнить: моя возрастная группа — с открытым финалом. В анкетах она значится как «и старше». Наше завтра удручающе похоже на сегодня, крайний срок любого действия — вчера. Хватит ли денег? Смотря как жить.

Термин «дауншифтинг» мне понравился не сразу. Есть в нем что-то фриковатое, невнятное. С другой стороны, половина моих друзей — фрики. Поначалу я их опасался, со временем тянулся к ним, любил их тараканов за отсутствием своих. У слов немало общего с людьми: внешность, характер, жизненный цикл. Досадные привычки, например, спешить, толкаться, лезть куда не звали. Исчезать в самый нужный момент. Постепенно в звуках англицизма я различил безлюдный пляж. Вздохи океана, редкие аплодисменты пальм, шелест песка о босые ноги. Однажды на этом пляже мне встретился клинер. Загорелый, худой, без возраста — в шортах и панаме. Плечи свободны, шаг расслаблен. В руках — хваталка для мусора с длинной ручкой и сумка-тележка. Приблизившись, мы синхронно кивнули, и я узнал его.

Идея бросить работать и начать жить впервые навестила меня на пике карьеры. Высотка в центре, где мы купили двушку, тоже называлась The Peak. Астрономический вид на город соперничал с ценой почти игрушечной квартиры. Попадая на балкон,

друзья не сдерживали крепких восклицаний, а мы с женой — счастливой гордости. Дорогая ипотека не помешала нам трижды слетать в Европу. Мы стали экспертами по круизным лайнерам, островам Фиджи, Вануату и Новой Каледонии.

Я выгрыз у этого города должность аналитика в руководстве UWS, универа для бедных на западе Сиднея. После восьми лет контрактов, унижительных зарплат, сотен резюме, десятков тошнотворных интервью я, наконец, обрел работу — мечту интроверта и социофоба. Продавал свои мозги без уценок и льгот. Общение с коллегами урезал до прожиточного минимума. Компьютер, задача, решение, четкий, ясный доклад начальству. Последнее — самое главное. Умников-статистиков теперь — как на дворняге блох. Чем быстрее нажимают кнопки, тем хуже говорят по-человечески. Внятно объяснить начальнику, что значат эти графики и цифры, могут единицы. Объяснить так, чтобы руководитель почувствовал себя умнее исполнителя — двое: Терри и я. Хотя порой и мы бессильны.

Наш тогдашний босс, профессор Джефф Скотт, обладал редкой для начальства совокупностью достоинств: он был старый и умный. Из четырех возможных комбинаций мозгов и возраста эта — наилучшая. Следом по объему наносимого вреда идет замшелый пень в руководящем кресле — банальный, но терпимый афоризм. Юноша-ботан в этом же кресле — оксюморон, парадоксальная метафора. Он — источник зависти, вопросов и в целом раздражает коллектив. Энергичный молодой дебил у власти — авария, несовместимая с жизнью. Фанфаронство, болтовня, развал налаженного, поиск виноватых. Оптимизация и реструктуризация, то есть замена умных интеллектуально близкими. Наиболее смысленные бегут, не дожидаясь ускорения под зад. Подыскивают новые места, а там засада — те же выскочки-менеджеры в костюмах. Наступила их эпоха, господства. Отползаем в дауншифтинг и фриланс.

Шел две тысячи пятый год. Кончалось золотое время австралийских университетов. Госфинансирование, честная наука, прозрачность репутаций, *vivat academia, vivant professores* — жить этой благодати оставалось года три. Кое-где пока рулили академики. Интеллект был в опале, но еще не в подполье.

Моя жена работала админом в элитном университете UNSW. Ей предоставили отдельный кабинет с табличкой на двери. Помню, как я любовался этой дверью. Наша фамилия — курсивом по бронзе — запускала внутри миксер чувств: удивление, тщеславие, ревность. Я ревновал жену к ее начальнику, профессору истории шестидесяти лет.

Вскоре меня тоже одарили кабинетом. Терри называл его *top closet* — чулан для швабр. *Closet* удачно вмещал полтора человека. Дверь всегда была полуоткрыта: сомневаешься — не заходи. Сквозь затемненное окно я наблюдал причуды местной фауны. Микроскопические птицы и диковинные бабочки сражались за нектар. Порой кусты выстреливали зайцем. В тени деревьев отдыхали кенгуру. Кабинет оставил мне в наследство третий из пропавших сослуживцев. Масуд исчез загадочнее остальных. Сначала говорили «приболел», затем — «уволился». Дальше, будто по команде, наступила тишина. Стало ясно, что дело вонючее.

Масуд Шах родился на Фиджи в семье потомственного ловца черепах. Отловом несчастных рептилий занимались его дед, отец и старший брат. Когда бизнес объявили нелегальным, семье пришлось хреново: добавились расходы на взятки. В придачу младший сын, окончив школу, надумал учиться в Австралии.

Масуд хотел стать топом — управленцем высшего звена. Желательно в области гуманитарной и размытой, типа социалки, образования, всякой там культур-мультикультур, где косяки и достижения почти неотличимы. Фиджи в эти планы не входили.

— Абсолютно кастовое общество, — рассказывал он мне, — не говоря уж о коррупции. Если ты из семьи фермера, прислуги или рыбака, о другой карьере не мечтай. Сын генерала будет маршалом, внук сенатора — министром.

— Но есть же конкуренция, выборы...

Кавказ литературный вчера, сегодня, завтра

Круглый стол

Яна Сафронова, руководитель проектов АСПИР

«Случилась кавказская магия»

У Ассоциации союзов писателей и издателей России есть проект «Мастерские — молодым писателям». Суть его в том, что молодые авторы из всего федерального округа съезжаются в один какой-нибудь город и в течение четырёх дней проходят интенсивное обучение у известных прозаиков, поэтов, драматургов, сценаристов, издателей. Кроме мастер-классов в программу входят встречи с писателями, круглые столы, концерты. В 2022 году мы побывали с проектом в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Пятигорске и Смоленске.

Сюжетно-архитектурно мастерские походят друг на друга как близнецы. Но, когда приезжаешь в город, видишь людей, сравниваешь их мотивацию и тексты, — понимаешь, что как будто побывал в разных мирах. И Пятигорск, где собрались молодые авторы Северного Кавказа, стал в этом смысле совершенно особенным.

Город был с нами в постоянном контакте: нам подсказывали, где провести, куда поехать, сами предложили идею мероприятия — совместный круглый стол со студентами Пятигорского государственного университета. «Да, — подумали мы, — это интересно», — и тут же (бюрократическая тяга к систематизации...) расчертили схему: три молодых писателя от нас, три энтузиаста-студента — от них, а во главе стола — наставник многих и многих кавказских авторов Миясат Муслимова.

Молодые авторы и филологи могли выбрать для выступления одну из пяти тем:

— как востребовано историко-культурное наследие вашего региона в его современной духовной и материальной культуре? Есть ли конкуренция между старыми и новыми культурными идеями, явлениями, мотивами, стилями? Как достигается синтез традиции и современности;

— организация и активность литературной жизни в регионе «прежде» и «теперь» (сравнение практик до 2000 г. с современными практиками). Работа с авторами, живущими на отдаленных или труднодоступных территориях. Институт литературного наставничества. Проблемы и перспективы;

— о чем писали до 2000 г. и пишут сейчас молодые авторы региона? Тематика, стилистика. Жанры. Самые обсуждаемые темы. Литературные моды в регионе: что читают, о чем и как пишут молодые;

— перевод национальных литератур на русский и другие языки: трудности, достижения, перспективы. Как возродить институт литературного перевода с языков народов России;

— как пробудить интерес к классическому наследию региона (литература, искусство, ремёсла, краеведение) у молодого поколения (школьники, студенты)? Обзор просветительских и образовательных практик в регионах.

И пошёл процесс набора тезисов для круглого стола. На его исходе оказалось, что никаких «наших» и «их» уже нет: заявившиеся для участия в мероприятии студенты все оказались также и участниками творческой мастерской.

Затем приезд, очарование горами, первое знакомство, которое, кстати, прошло не особенно гладко. Ребята не поняли, почему это их перед семинарами пытаются усиленно друг с другом познакомить. На открытии тоже глядели с недоверием: пришлые чужаки читали приветствия от министров и заставляли слушать скрипки. Ситуацию спас хедлайнер пятигорского литературного процесса: председатель пятигорского СП Александр Иванович Куприн ураганом ворвался на сцену и принялся поднимать одного за другим из зала осетин, дагестанцев, кабардино-балкарцев. Устроил с ними настоящий интерактив: скажи-ка, кто самый знаменитый писатель твоей нации? Отвечали, теплели и на семинары пошли, уже немножко улыбаясь.

А потом перекочевали ко мне на круглый стол, куда зашли уже расслабленные и слегка уставшие после семинаров. И если честно, то перед мероприятием я была уверена, что оно выйдет скучным, протокольным и тяжеловесным. Потому что тезисы даже лучшие ребята прислали, мягко говоря, наукообразные и совершенно разнонаправленные...

Но случилась кавказская магия.

Первой говорила, нет, рекла, наставник и мастер семинара прозы Миясат Муслимова — получился глубокий системный анализ литературного процесса Дагестана, а также механизмов, которые его двигают, а иногда и тормозят. Участница мастерской Фатима Хубиева напомнила (а нам, приехавшим неучам, рассказала) о карачаево-черкесской литературе Великой Отечественной войны. Диана Садирова из Пятигорска рассказала собравшимся о лирическом многоголосии у лезгинского поэта Билала Адилова.

Начали брать темы шире. Любовь Кондратьева, тоже студентка, и тоже из ПГУ, сразу предупредила, что по заявленной теме она не подготовилась, будет говорить о другом. Начала с претензий: дескать, пишут кавказские авторы плохо и на своём языке, и на русском. Но, поершившись, всё же назвала молодых писателей, которых считает наиболее интересными, и незаметно для себя начертила начало системы координат.

Дарья Шомахова из Кабардино-Балкарии просто снесла всех своей культуртрегерской энергией: от сетования на поколенческий разрыв перешла к бодрому описанию интересных и вдохновляющих проектов, в том числе своих. Вторила ей и Мира Таймазова из Дагестана, которая затевает на своей родине целый литературный фестиваль (с карнавалом, на минуточку).

А потом из-за стола поднялся импозантный кавказский мужчина в костюме — Асланбек Касаев из Северной Осетии. Вслед за ним в зале поднялись несколько тонколицых девушек. Садитесь, махнул он им рукой. Но они продолжали стоять до самого конца его речи, в которой он благодарил Миясат Муслимову, «дагестанскую дочь осетинского народа», за литературу, наставничество и заботу о Кавказе. Уже после мероприятия я спросила его, почему девушки встали. Во-первых, конечно, потому что он говорил о старшем товарище. А во-вторых, потому что он их учитель.

И много было в этом, казалось бы, официальном мероприятии человеческого: взволнованные лица, дрожащие перед первым выступлением руки, передающие микрофон; уважение, с которым, не притворяясь, на Кавказе относятся к старшим; доброжелательность к таланту своих коллег, знание их текстов.

Содержательно получилось пёстро. В какую-то одну связку можно объединить пожалуй что доклады именно о литературном процессе. В них намечены и проблемы отчуждения поколений, и билингвизм, который иногда является помехой, и обидное

невнимание центра к проблемам региона. Сошлись на том, что новая литературная жизнь Северного Кавказа начала своё активное становление вместе со школами писательского мастерства фонда Сергея Александровича Филатова, когда журналы впервые начали приезжать для того, чтобы учить молодых писать. И сейчас в каждой из республик, в каждом из регионов идёт самобытный процесс развития, в том числе — форматов литературных мероприятий. Появилось стремление создать что-то новое и совершенно своё.

И отдельно нас порадовала глубокая убеждённость ребят в том, что литературная учёба у географически далёких наставников — насущная необходимость для всех, кто хочет войти в литературу и в ней состояться.

Уезжали мы из Пятигорска с большой неохотой. Ведь никогда ещё нас так не благодарили, не кормили так много пирогами и не произносили при нас столько интересных новых слов. Ещё мы навсегда запомнили, что в Дагестане тридцать два языка, а не один. И решили обязательно вернуться на Кавказ, выучив названия всех.

А теперь — к текстам некоторых выступлений, которые, надеемся, откроют и вам так же много нового, как открыли нам.

Миясат Муслимова, поэт, журналист, лауреат многих премий, автор ряда поэтических книг, председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, заслуженный учитель республики Дагестан

«Общий контур меняющейся реальности»

Рельеф литературного пространства в северокавказских республиках сложен и подчас плохо знаком даже самим республикам. Причин тому несколько: в ряде республик литературный процесс официально протекает под руководством прежних союзов писателей, которые продолжают работать в русле советских лекал, и органы власти такое положение дел нередко устраивает. Плохо зная и понимая современную литературу, они предпочитают поддерживать литературную жизнь на уровне имен, открытых ещё советской властью, не занимаясь поддержкой новых талантливых авторов, которые им часто даже неизвестны.

А прежние, традиционные союзы писателей негативно (как у нас в Дагестане) или равнодушно относятся к вновь возникающим союзам, рассматривая их как конкурентов на литературном поле. Так, возникшее в 2011 году дагестанское отделение Союза российских писателей подвергалось обструкции и не признавалось Союзом писателей Дагестана, и только с появлением АСПИР ситуация резко изменилась: прекратилась бессмысленная борьба с коллегами по перу из другого союза, возникло взаимное сотрудничество, что всем пошло только на пользу.

В Кабардино-Балкарии другая ситуация: Союз писателей республики обособился от головного союза, что привело к стагнации его работы. Однако замечу, что сейчас ситуация там меняется в лучшую сторону.

Следствие такой работы писательских союзов — нежелание молодежи вступать в них и дистанцирование от официальной литературной жизни при значительной активности внутри своего литературного круга. Например, в начале нулевых в Дагестане возникло яркое литературное объединение молодых поэтов «Верба», представители первой волны которого стали известны не только в республиканском, но и в общероссийском литературном пространстве (Фазир Муалим, Марьям Каабашилова, Мадина Хуршилова и др.). Сейчас оно продолжает работать уже в обновлённом составе, активно поддерживается Союзом писателей Дагестана и сотрудничает с другими литературными объединениями.

Другие причины, препятствующие пониманию и осознанию актуального литпроцесса в республиках, — это отсутствие или пассивность литературной критики, определенная замкнутость культурной жизни внутри республик, длительное равнодушие центра к кавказской литературе и появляющимся там новым именам, сложность с публикациями произведений молодых талантливых авторов в общероссийских толстых журналах. При этом надо отметить, что помощь молодым авторам оказывали все предыдущие трудные годы фонд С.А.Филатова, литературный журнал «День и ночь» и лично его редактор Марина Саввиных. В последнее время картина резко изменилась в лучшую сторону в связи с активной и разносторонней деятельностью АСПИР, активизацией работы Клуба писателей Кавказа, насчитывающего около двухсот членов во всех его отделениях, а также в связи с тем, что Клуб и дагестанское отделение Союза российских писателей поставили перед собой цель создать единое писательское сообщество и знакомить Россию с творчеством талантливых северокавказских авторов, находя механизмы их продвижения.

Способствовало решению этих задач и создание двух общероссийских литературных конкурсов и фестиваля литературы по их итогам. Это проводимый уже четыре года конкурс гражданской поэзии «Есть родина, а значит, счастье есть» имени Салиха Гуртуева, народного поэта Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Республики Калмыкия, создателя и первого президента Клуба писателей Кавказа, и Всероссийский конкурс переводчиков «Резьба по камню» имени Эффенди Капиева.

В постперестроечный период развитие северокавказской литературы несколько приостановилось, так как представители старшего поколения «замолчали»: по-старому уже писать было невозможно, а новое время и новый язык еще не были найдены; время кризисного слома в обществе не могло не сказаться на литературе. Литературе приходилось обретать новый опыт. В это время часть литераторов ушла из жизни, другие не имели средств к изданию книг, а если книги и издавались, то весь тираж передавался автору, так как система распространения художественной литературы рухнула. В итоге возникла пауза длиной в 10—15 лет.

Писавшие на родных языках авторы потеряли доступ к широкому читателю из-за распада системы перевода национальной литературы, литературный процесс ушел либо в подполье, либо в мелкотемье. Кавказ переживал тяжелый период своей истории вместе со всей страной, что усугублялось проблемой роста экстремизма и другими сопутствующими проблемами, но в литературе современность не находила никакого отражения. В дагестанской литературе в это время молодежь искала свой язык, свои темы, она начала осваивать язык литературы периода серебряного века, язык авангарда, дистанцируясь от консерватизма литературы старшего поколения, и только с середины нулевых нового века стали наконец появляться интересные современные произведения и имена. Наиболее глубоко и ярко стала развиваться чеченская литература: опыт новейшей истории республики, пережившей и вакханалию криминализации, и трагедию войн, не мог не породить литературу, в которой национальная рефлексия нашла мощные, глубокие формы художественного выражения.

Прежде чем начать говорить о наиболее ярких представителях современной литературы в различных республиках Северного Кавказа, подчеркнем следующие тенденции, характерные для их развития (преимущественно буду опираться на более знакомую мне ситуацию в Республике Дагестан):

— достаточно устойчивый консерватизм в работе творческих союзов периода советских лет и медленный разворот в сторону обновления форм и методов работы; невнимание к подлинно талантливым авторам или их замалчивание при активной работе с авторами посредственными, десятилетиями не выходящими из группы «молодых»; дистанцирование молодых и ощутимый межпоколенческий разрыв среди литераторов;

— угроза исчезновения художественной литературы на родных языках из-за угасания этих языков, постоянное уменьшение количества писателей, пишущих на них;

— первоначальная проблема отсутствия переводчиков для пишущих на родных языках сменилась проблемой появления слабых переводов и самопереводов, снижением эстетических требований к ним и, как следствие, снижением их качества;

— резкий рост (количественный и качественный) русскоязычной литературы в республиках Северного Кавказа. В этом году в Дагестане вышла «Антология русскоязычной поэзии Дагестана», готовится аналогичная антология прозы — эта литература ждет своего изучения;

— русскоязычные писатели современного Кавказа, уйдя от воспроизведения советской реальности, советских канонов, в чём-то вторичных, в итоге создали зрелую и самобытную литературу со своей проблематикой, своим способом восприятия и осмысления мира, органично дополняющую и обогащающую культуру нашей страны. Это кабардино-балкарские авторы Мадина Хакуашева с романом «Дорога домой» и блестящий стилист Амир Макоев («Возвращённое небо»), дагестанские авторы Мурадис Салимгереев («Учитель биологии»), Мариян Шейхова (книга «Диалоги с Данте», о которой С.Шаргунов в рецензии написал, что она помогает России понять себя), Ибрагим Чаящинский («Я думал, это ветер»), Саид Ниналалов (повесть «Жесть»), Ислам Ханипаев, только что отмеченный премией «Ясная Поляна» за книгу «Типа я», осетинские писатели и поэты И.Хугаев, А.Черчесов, А.Уртати, чеченские поэты Лула Куни, Асламбек Тугузов и другие;

— на родных языках создают произведения талантливые авторы, ждущие своих переводчиков: М.Ольмезов, А.Газаева (Кабардино-Балкария), С.Мусаев, А.Ахматукаев и др. (Чеченская республика), Г.Галбацев, Р.Башаев, Г.Курухов, П.Рамзанова, Э.Ашурбекова, Б.Магомедов (Республика Дагестан);

— почти отсутствующая критика в республиках не позволяет сделать художественное произведение предметом широкого обсуждения, при этом практически в каждой республике научное литературоведение обогащено глубокими монографиями по проблемам русскоязычной литературы как особого феномена. Богатейший русский язык нерусских авторов, их художественные достижения свидетельствуют о том, что присущее порой даже крупным русским поэтам отношение к русскоязычной литературе как чему-то периферийному уходит в прошлое и именно русскоязычная литература полнее и глубже раскрывает ментальность кавказского человека.

Необходимо отметить монографии М.Хакуашевой «Современная адыгская русскоязычная литература: некоторые аспекты художественной эволюции», И.Хугаева «Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы», З.Магомедовой «Современная дагестанская русскоязычная поэзия рубежа веков. Проблемы национальной идентичности и межкультурного диалога». Мадина Хакуашева отмечает, что русскоязычная адыгская литература, интегрировавшая элементы художественных методов мировой литературы, достигает нового уровня в средствах выражения национального образа мира и сознания. Однако эта ситуация представляется исследователю относительно нестабильной, и в условиях постепенного нивелирования родного языка кажется неизбежной утрата национального художественного своеобразия, если только не будет предпринята серьезная попытка реформирования национальных языков на государственном уровне. Зулейха Магомедова, анализируя творчество дагестанских русскоязычных авторов, пишет: «Интеграция элементов русской, восточной, западноевропейской культур в дагестанскую культуру объективно способствует не только расширению творческих возможностей авторов, пишущих на родных языках, но и раздвигает границы их менталитета. Сближение и взаимодействие русской и дагестанской литератур было закономерным и плодотворным. Новые тенденции не укладываются в рамки привычных категорий национальных литератур

и знаменуют появление поколений авторов, вырабатывающих новые художественные стратегии». Современные русскоязычные авторы развивают национальные литературные традиции, художественное мастерство, формируя новый образ русскоязычной национальной литературы, внося неповторимое своеобразие в языковую картину мира.

Новое поколение авторов активно ищет новые художественные формы, старается следить за мейнстримом. В то же время нельзя не отметить, что о здоровом следовании традициям свидетельствует наличие определенных границ для тем, которые уже не столь табуированы, как раньше (тема любви). Пространство свободы самовыражения и рефлексии завоевывается авторами, но уклона в сексанатомию, в расчлененку вы не найдете, так как параметры нравственного, этико-эстетического самоконтроля, к счастью, достаточно значимы. Это сильная сторона влияния кавказских традиций, удерживающих от того, что неприемлемо.

Неприемлемо не любить Родину, Родина — это святыня. Неприемлемо смаковать пороки, акцентировать физиологию. Понятие идеала, пусть порой в самой редуцированной форме, созидания значимо для кавказской ментальности, и литература распада, изыски постмодернизма в той форме, в которой он нашел свое развитие в мировой культуре, не прижились в современной литературе Северного Кавказа. Не думаю, что это потеря, наоборот, это здоровые корни традиционных ценностей. Опыт «чернухи», смакования нездоровых изысков как проявление «продвинутой» в литературе, опыт только формалистических поисков в кавказской литературе не востребован.

Мною в этом тексте дан лишь краткий перечень имен северокавказских авторов. Сам же литературный процесс гораздо богаче, и имен, хороших и разных, много. Это общий контур реальности, которая меняется на глазах, все время находится в движении. Надо отметить, что понятие «современная литература» зыбко: прежде всего к ней я отношу постперестроечную литературу, но под ним также можно понимать и литературу последних лет.

Есть много ярких и неординарных, талантливейших авторов, кто ушел недооцененным, чье место в литературе мы не обозначили, тем самым потеряв или рискуя потерять их для поколений читателей. Нельзя лишать народ того культурного достояния, которое у него есть.

Из-за проблем с переводом мы не открыли, например, миру потрясающих лакских поэтов Магомед-загида Аминова и Гасана Курухова. Нельзя оставить вне наших литератур имен северокавказских авторов, которые мы умалчиваем из-за политической опалы, а также имен тех, кто успешно начинал в советское время и дальше остался верен своему таланту: это Д. Кошубаев («Логос без имени», «Абраг»), Н. Куёк (роман «Вино мёртвых», повести «Чёрная нора», «Лес одиночества»), М. Емкуж («Всемирный потоп», «Ночь Кадар, или Который справа») и др.

Поддержка современной литературы проявляется, прежде всего, во внимательном отслеживании специалистами новых произведений и имен. В умении сделать ценную книгу предметом общественной рефлексии, найти такие формы поддержки автора, которые дают ему и вдохновение, и свободу для творчества. А также в том, чтобы обеспечить достойной книге, независимо от того, где она появится на свет, общероссийское внимание, а талантливому автору — возможность роста.

Организация мастер-классов для молодых авторов, создание условий для работы через резиденции, организация командировок, объединение литературно-творческих сил — такая работа АСПИР как раз отвечает этим целям. И, пользуясь случаем, я хочу выразить благодарность организаторам нашей встречи.

И, конечно, хотелось бы, чтобы работа шла не только с молодыми и часто еще «сырыми» авторами, но и уже состоявшимся авторам регионов, их ярким произведениям уделялось больше внимания и со стороны журналов, и на каналах телевидения.

Дарья Шомахова, поэт, прозаик, журналист, главный редактор журнала «Солнышко». Корреспондент портала «Это Кавказ» (ТАСС). Член Союза журналистов России, член Союза писателей КБР. Соавтор проекта и главный редактор электронного литературного журнала «Буква» (notamag.ru)

«Литературная жизнь: действующие лица и точки притяжения»

О сообществе молодых литераторов на Северном Кавказе

С 2008 года Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ под руководством Сергея Филатова проводил совещания молодых писателей Северного Кавказа. Затем проект расширился и с 2018 года стали проходить школы писательского мастерства во всех федеральных округах, в том числе и на Кавказе. Благодаря этому сложилось сообщество молодых писателей: у нас есть общие чаты, мы поддерживаем связь, обмениваемся новыми текстами, а когда проводим фестивали или затеваем новые проекты, приглашаем друг друга в них участвовать. Например, до пандемии в Нальчике несколько раз в год мы с Мариной Мазуренко при поддержке Общества книголюбов КБР проводили литературно-музыкальные фестивали. В них участвовали молодые поэты и музыканты из Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Северной Осетии, Ставропольского края, Чечни. Фестивали проходили на открытом воздухе, в помещении музея ИЗО, в Доме радио в Нальчике. В рамках фестиваля устраивались ярмарки местных мастеров, читались лекции на самые разные темы от пиара до судеб современной литературы. В пандемический период фестивали ушли в онлайн-формат. Но в этом году первой ласточкой стала литературная встреча внутри выставки «Исключение» арт-объединения «Синдикат».

О взаимодействии с литераторами старшего поколения

Не могу ничего утверждать о соседних республиках, но в КБР наблюдается явный поколенческий разрыв. Так уж вышло, что между «аксакалами» и молодежью было очень мало авторов поколения «среднего» возраста. Кто-то из них ушел из жизни, кто-то покинул литературу, а кто-то и вовсе встал в красивую позу: мол, я слишком хорош для того, чтобы вам тут что-то писать. Да, есть отдельные имена: Амир Макоев (автор нескольких книг, в том числе «В ожидании смысла» и «Возвращённое небо»), сотрудничает с печатными и электронными изданиями в республике и за ее пределами, помогает интересным молодым авторам печататься в этих изданиях; Джамбулат Кошубаев — очень тонкий и необычный поэт и прозаик, чье переосмысление нартского эпоса «Абраг» в свое время наделало шума в литературных кругах КБР, ведет курс литературного творчества в Северо-Кавказском государственном институте искусств, редактор в издательстве «Эльбрус»; Мадина Хакуашева — филолог, доктор наук, автор книги «Дорога домой», с которой всероссийский читатель имел возможность познакомиться благодаря публикации в журнале «Дружба народов», — Хакуашева, кстати, ведет еще и очень серьезную литературоведческую деятельность, многие годы являясь ведущим научным сотрудником Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Есть и Константин Елевтеров, автор романа «Вынырывающий», который смело можно назвать литературой мирового уровня, но Елевтеров на данный момент практически ничего не пишет и в литературной жизни участвует очень мало.

Сложно назвать то, что происходит в литературе КБР, конкуренцией между идеями или поколениями, хотя некая снисходительность старших по отношению к младшим есть. Но, несмотря на поколенческий разрыв, сейчас Союз писателей КБР

готовит к изданию сборник молодых поэтов республики. У нас три государственных языка, и в сборнике будет представлен каждый из них: по пять-шесть поэтов, пишущих на русском, кабардинском и балкарском.

Литературная жизнь у нас в основном сосредоточена вокруг нескольких точек притяжения, в числе которых местный Союз писателей, поэтический клуб «Жан» и Общество книголюбов. В последние годы в республике появилось несколько скорее околпоэтических сообществ. Их составляют люди, больше сочувствующие литературе, чем пишущие сами, однако в том числе и они формируют среду.

Литературные журналы Кабардино-Балкарии

У нас их шесть: три детских — «Солнышко», «Нур» и «Нюр»; и три «взрослых» — «Литературная Кабардино-Балкария» (ЛКБ), «Ошхамахо» и «Минги-Тау». Опять же на всех трех государственных языках. Издаются они на республиканские средства, рекламой не живут, в розницу не распространяются, только по подписке. Опубликоваться в них вполне реально. В «ЛКБ» недавно появилась специальная рубрика для авторов, ранее нигде не публиковавшихся. Вообще «ЛКБ», совместно с СП КБР, пытается более активно работать с молодыми авторами, в ближайших планах — встречи (вроде мастер-классов с обсуждениями) уже состоявшихся писателей с начинающими.

В «ЛКБ» регулярно печатаются и произведения самых интересных авторов, принявших участие в школах ФСЭИП, — собственно, я сама занимаюсь отбором текстов для этого. Подобная публикация появится и по результатам нынешней мастерской АСПИ.

Еще есть опыт сотрудничества с журналом «Дарьял», издающимся в Северной Осетии. Его главный редактор Алан Цхурбаев открыт для новых авторов не только из своей республики, но и из соседних.

О проблемах перевода и переводчиков

Проблема перевода с национальных языков в регионах возникла не сегодня, не вчера и даже не позавчера. По сути, институт перевода умер вместе с Советским Союзом. Какое-то время людям было в принципе не до литературы — неважно, на каком она языке. И уж тем более — не до работы с переводчиками. Централизованно переводчиков фактически не готовили, а те, кто занимался переводом, не стремились готовить себе смену. Отчасти потому, что им самим стало не хватать работы, а отчасти и по причине того, что никто их о наставничестве не просил.

Однако двух человек можно смело назвать едва ли не флагманами литературного перевода в республике — это Георгий Яропольский и Лариса Маремкулова. Яропольского, к сожалению, уже нет в живых. А он был тем самым человеком, благодаря которому многие поэты, пишущие на национальных языках, например, Зарина Канукова, зазвучали на русском. Он же переводил с балкарского языка классика балкарской поэзии Кязима Мечиева. В отдельных случаях, как, например, с Тamarой Чаниевой, выступал и в качестве наставника не только в переводе, но и в творчестве. Секрет прост: он сам был сильным поэтом, потому мог делиться мастерством. При этом Яропольский не ограничивался только переводом национальных авторов региона — на его счету переводы с английского книг Грэма Грина, Дэвида Митчелла, Чайны Мьевиля, Стивена Кинга, Джо Хилла и других.

Лариса Маремкулова, к счастью, жива и здорова. Ею созданы прекрасные переводы на русский известных кабардинских авторов: А.Кешокова, А.Шогенцукова, А.Шортанова, А.Налоева, Х.Хавпачева и др. Она по-прежнему не только пишет и переводит, но и собирает вокруг себя талантливую молодёжь, стремится ей помогать.

В республике периодически проводятся конкурсы переводов, но участвуют в них переводы текстов наших местных классиков, так что рассчитывать, что там будет открыто какое-то новое имя, пока рано. Однако проблема осознается на всех уровнях, ее озвучивают и пытаются решить, что вселяет надежду на перемены и развитие.

Любовь Гвоздевская, прозаик, студентка Пятигорского государственного университета

«О переводе и билингвальном восприятии текста и мира»

Я бы хотела коротко затронуть один важный вопрос, который косвенно касается темы перевода с национальных языков. Дело в том, что кавказцы, как и представители других национальных республик и анклавов России, с детства растут в двуязычной среде, где говорят на их родном национальном языке и языке русском. И если в семье взрослые общаются между собой и с детьми на своем национальном языке, то ребенок его, естественно, осваивает полнее и лучше, чем русский, углубленное знакомство с которым часто начинается лишь в школе. Что для пишущих людей создает определенные проблемы.

Автор может писать произведения на своем национальном языке, либо смирившись с тем, что круг его читателей будет достаточно ограниченным, либо рассчитывая со временем найти того, кто способен сделать адекватный и качественный перевод его текстов на русский. Или может начать писать свои произведения на русском, но тогда нет никакой гарантии, что уровень владения русским языком позволит ему точно выразить свои оригинальные мысли, чувства, свое видение мира в художественно привлекательной форме. И в этом случае, как мне кажется, национальным авторам необходима помощь хороших редакторов, и даже не просто редакторов, а редакторов-учителей, способных при работе с их текстами на конкретных примерах показать и объяснить все не только орфографические, но и стилистические тонкости русского языка, помогая самобытным талантам развиваться и совершенствоваться.

В заключение могу только добавить, что мне посчастливилось принимать участие в нескольких семинарах для молодых писателей в разные годы, и практически на каждом из них я сталкивалась с особенностями билингвального восприятия читателями/авторами как самих текстов, так и мира в целом.

Мира Таймазова, прозаик, участник всероссийских литературных форумов, автор культурных проектов

«Новый образ творческой локации»

Литературная жизнь Дагестана до 2000-х не была богата событиями. Мне, как автору, начавшему свой путь в прозе в нулевые годы, сложно найти информацию о литературном процессе того времени.

Когда мне было двенадцать лет, я публиковалась в детской республиканской газете «Орлёнок Дагестан», затем до студенческих лет писала в стол. После участия в межвузовском литературном конкурсе «Белые журавли», где я заняла первое место, меня заметили в региональном Союзе писателей и стали привлекать к различным проектам.

К слову сказать, именно Союз писателей был инициатором любой литературной активности в те годы. С подачи этой организации уже после 2000-х молодые писатели основали литературный клуб «Верба», который функционирует до сих пор. Расширив возрастную аудиторию, клуб продолжает обучающие встречи каждый месяц в национальной библиотеке им. Расула Гамзатова.

За последнее десятилетие литературная жизнь региона значительно изменилась. Влияние Союза писателей уменьшилось: организация не сумела встроиться в стремительно меняющийся литературный процесс и продолжала в своей деятельности использовать прежние форматы. К тому же появилось множество различных порталов и площадок, которые «перетянули» внимание на себя — это Самиздат, Проза.ру, Стихи.ру, а также Межвузовские литературные конкурсы.

Ключевыми событиями, которые активизировали развитие литературной жизни региона, стали проводимые Фондом социально экономических и интеллектуальных программ совещания молодых писателей Северного Кавказа, позднее — «Школы писательского мастерства». Они помогли выявить множество талантливых имен и раскрыть их потенциал, а также позволили молодым авторам познакомиться и наладить общение с коллегами из соседних регионов.

Практика совещаний дала толчок открытию литературных клубов, запустила процесс организации литературных проектов, книжных клубов, ярмарок. Среди прочих форматов интересны литературные кафе библиотечного типа, которые открываются всё активнее и пользуются большой популярностью, формируют положительный образ творческой локации и способствуют развитию начинающих авторов. Набирают популярность в регионе и поэтические вечера, где молодые поэты читают свои стихи, собирая публику, которой интересны местные авторы.

Фокус литературных премий, объединений и читающей аудитории направлен сегодня всё больше на регионы. На мой взгляд, сейчас самое лучшее время для того, чтобы заявить о своем таланте — и поддержка таких вот мероприятий, на котором мы с вами находимся, здесь очень важна.

Сейчас для творческого роста и получения признания уже не нужно уезжать из родных мест и пытаться покорить столицу нашей необъятной страны. Всего этого можно достичь и на своей малой родине, благо условия для этого создаются.

Пользуясь случаем, я бы хотела рассказать об организации еще одной литературной инициативы, которая будет проходить в начале лета 2023 года. Это литфест «Каспиана», организатором которого я являюсь и в котором приглашаю вас принять участие. Он устраивается для того, чтобы автор мог заявить о себе, установить контакты с региональными и федеральными издательствами и освоить новые инструменты коммуникации со своей целевой аудиторией. Этот фестиваль — результат переосмысления и трансформации другого литературного проекта СКФО: «Перо». Мы решили немного отойти от привычного формата литературного фестиваля, как события больше внутрицехового, сугубо писательского, и с целью максимального привлечения читающей аудитории добавили много других красочных и интересных мероприятий: карнавал по мотивам произведений Северного Кавказа; поэтические и прозаические слэмы; выставку макетов обложек и иллюстраций; восемь открытых лекций от четырех издательств и четырех толстых литературных журналов.

Этот фестиваль, задуманный как синтез литературы, музыки, театра, танца, дизайна и изобразительного искусства, станет одним из этапов формирования единого арт-пространства, которое поможет развивать литературную жизнь региона во взаимодействии с другими видами творческой активности. Для нас это возможность быть частью огромного культурного сообщества и поиск новых путей развития.

*Р.С. от редакции «Дружбы народов»**Для полноты контекста*

Республики Северного Кавказа находятся в сфере постоянного внимания «Дружбы народов».

За последние два с половиной десятилетия журнал реализовал два спецпроекта: «Северный Кавказ — многомерный мир» и «Многоликий Кавказ».

Начиная с 2000-х годов стало традицией выпускать отдельные номера «Дружбы народов», целиком или в основном посвященные культуре отдельных стран или региона. Специальными гостями журнала были и писатели Северного Кавказа (2006, № 8).

В рассматриваемый период журнал провел три выездных круглых стола, где обсуждались проблемы региона: «Традиционное сознание и вызовы современности» (Владикавказ, 2002, № 4), «Панорама литературы на фоне гор» (Железноводск, 2006, № 8), «Место книги рядом с хлебом» (Грозный, 2008, № 9). В них приняли участие видные писатели, ученые и общественные деятели Северного Кавказа и других регионов Российской Федерации и сотрудники журнала «Дружба народов».

В разделах прозы и поэзии были опубликованы переводы с осетинского, чеченского, карачаевского, балкарского, ингушского, аварского, кумыкского и других языков народов Кавказа, романы, повести, рассказы, стихи писателей региона, пишущих на русском языке.

В публицистическом и критическом разделах журнала, а также в рубрике «Нация и мир», регулярно публикуются аналитические статьи по горячим проблемам, истории и культуре региона (в разные годы внимание наших авторов привлекали, в частности, русские образы горцев и кавказские образы русских, Кавказ между бывшим Востоком и современным Западом, демографические процессы в горных поселениях Северной Осетии, проблемы Дагестана в контексте общенациональной идеологии, тема чеченской войны в книгах русских и чеченских писателей, личность и творчество Гайто Газданова, Кайсына Кулиева, Михала Булкаты, Расула Гамзатова, Даура Зантария, Нальбия Куёка, интервью с писателями и деятелями культуры, рецензии на новые книги).

Назовем основные:

«Нам только сакля очи колет...»: «Кавказ» Тараса Шевченко на фоне непреходящего прошлого (к 150-й годовщине со дня написания поэмы). *В обсуждении статьи Ивана Дзюбы участвовали Станислав Рассадин, Яков Гордин, Лев Гудков, Владимир Леонович, Юрий Давыдов, Андрей Фадин...* — 1996, № 1—4.

Эльвира Горюхина. Путешествие учительницы на Кавказ: Цикл очерков. — 1997, № 10—12;

Владимир Дегоев. «Мирянин»: Имам Шамиль по ту сторону войны и политики (1999, № 4);

Владимир Дегоев. Чеченская война прежде и теперь (2000, № 1);

Эльвира Горюхина. Место жительства — война (2000, № 11—12);

«Кавказский узел»: фрагменты книги «Защита будущего. Кавказ в поисках мира». *В числе авторов Нафи Джусойты, Станислав Лакоба, Наталья Иванова, Алан Черчесов* (2000, № 12);

Георгий Дерлугьян. Мир на сломе эпох: Чечня и Татарстан в перспективе всемирной истории (2002, № 3);

Владимир Дегоев. «Чтоб не пропасть поодиночке». Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов (2005, № 3);

Артур Цуциев. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. [Автор исследует взаимные мифы и стереотипы.] (2005, № 7);

Эльвира Горюхина. «Я твоя мама. Я ничего не боюсь». [Очерк о первой после теракта Пасхе в Беслане] (2005, № 9);

Сергей Маркедонов. Дагестан: Беседа с заведующим отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидатом исторических наук. [Этнополитический портрет Дагестана и острые проблемы современной жизни республики.] (2006, № 1);

Казбек Султанов. Что с нами происходит? Беседа с доктором филологических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН, действительным членом РАЕН, экспертом Госдумы РФ, заслуженным деятелем науки Республики Дагестан, лауреатом Государственной премии Республики Дагестан. (2006, № 1);

Заур Тутов. «Спасение — в просвещении разума». Беседа с народным артистом РФ, министром культуры и информационных коммуникаций Кабардино-Балкарии (2006, № 8);

Лесли Бланиш. Заложники. Фрагменты книги «Сабли рая». [Реконструкция исторических событий и судьба Шамиля.] Перевод с англ. (2008, № 5—6);

Владимир Дегоев. Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом (2008, № 6);

Лидия Довлеткиреева. «Может, то, о чём они могли бы рассказать, слишком ужасно?» Война в Чечне: параллельный взгляд изнутри. [О новой военной прозе.] (2008, № 7);

Георгий Малиев. Нелегал: Приключения осетина в Англии (2008, № 8);

Леонид Теракопян. Уроки чеченского, или Работа над ошибками (2008, № 9);

Гарий Немченко. Кавказский пояс (2009, № 1);

Гасан Гусейнов. Феномен Большого Кавказа: Беседа с доктором филологических наук, специалистом по истории культуры (2009, № 4);

Владимир Дегоев. Северный Кавказ: исторические очерки (2011, № 4, 7);

Магомед Толбоев, Зураб Гаджиев. Два интервью о Дагестане и не только (2013, № 3);

Ольга Лебёдушкина. Небо над Ла-Маншем: О романе Гайто Газданова «Полёт» (рубрика «Золотые страницы ДН», 2014, № 12);

Владимир Огнев. Скитания Хаджи-Мурата: Неснятое кино (2015, № 10);

Арслан Хасавов. Здесь и сейчас (рубрика «Моя малая родина», 2017, № 9);

Мелитон Казиты. «Письма боли»: История публикации романа, ставшего классикой осетинской литературы (о романе Михала Булкаты «Седьмой поход Сослана Нарты», 2021, № 10);

Марина Москвина. Райские птицы над небом Абхазии: Жизнь, смерть и воскресение Даура Зантария, писателя (2023, № 1);

Ася Умарова. Полка с чувствами (рубрика «Моя малая родина», 2023, № 2).

Особое внимание журнал уделяет молодым литераторам — как работающим на национальных языках, так и русскоязычным. Это касается и многочисленных публикаций в журнале, и мастер-классов. Так, 15—18 июля 2018 года «Дружба народов» совместно с Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ провела Всероссийскую школу писательского мастерства для молодых авторов Северо-Кавказского Федерального округа России во Владикавказе, 22—25 сентября 2020 года (в условиях пандемии) прошли занятия в режиме онлайн конференции по Zoom. Один из участников Школы — *Виктор Чигир* — за роман «Утоление жажды» (2019, № 10) стал лауреатом премии «Дружбы народов» за 2019 год в номинации «Дебют в ДН».

Борис Минаев

Мои чужие тексты

Главы из будущей книги

Эта книга — о людях, которых я знал, которые были частью меня (как выяснилось потом). Эта книга и обо мне.

Эта книга — во многом — о той жизни, которой больше нет.

Эта книга — книга надежды на то, что жизнь все-таки может быть лучшей, по крайней мере, нормальной.

Эта книга — послание самому себе, который должен жить и должен дотерпеть. И послание тем, кто будет после меня.

В общем, это просто книга, написанная с февраля по сентябрь.

Шеймович

Рядом с домом, где жили мои дедушка с бабушкой, папа и его сестры Шура и Сильва — во 2-м Вышеславцевом переулке, — в 1990-е годы построили шикарный еврейский общинный центр (Еврейского музея еще не было) прямо рядом со старой синагогой.

От старой деревянной синагоги в Марьиной Роще больше ничего не осталось, теперь тут стоит это огромное здание общинного центра, в котором я ни разу не был, к стыду своему.

Там есть библиотека, читальный и выставочный зал, говорят, есть пара приличных ресторанов еврейской кухни, много чего еще.

Ну и синагога новая тоже, конечно, есть.

По воскресеньям в общинном центре сидел Шеймович и продавал свои книги.

Мне кажется, ему разрешали это из-за его внешности.

Он был настоящий библейский еврей: с круглой окладистой черной бородой, огромными печально сверкающими глазами (не просто печальными, а именно что печально сверкающими), короткими сильными руками и округлым животом.

Для хрестоматийной картины не хватало, может быть, талеса или кипы, в общем, чего-то еще в одеянии.

Но это была бы уже лишняя, избыточная деталь, а Шеймович был человек со вкусом.

Мне даже не нужно закрывать глаза, чтобы представить, как он сидит по воскресеньям в общинном центре в Вышеславцевом переулке, в Марьиной Роще, картина стоит у меня перед глазами. Картина немного печальная. Он сидит там несколько часов, каждое воскресенье, иногда отходит за чаем или кофе, но чаще

просто отпивает воду из бутылочки. В тот момент, когда он отходит, он просит кого-нибудь «присмотреть за книгами», случайный человек вежливо соглашается, хотя понятно, что вряд ли кто покусится на эти книги. Разве что из озорства.

К Шеймовичу иногда подходят люди, в основном женщины и молодые девушки (это, напоминая, не синагога, а общинный центр, здесь такое вполне возможно), — и молча рассматривают его книги.

Иногда Шеймовичу хочется с ними заговорить, но, наученный горьким опытом, он старается этого не делать.

Он ждет, пока потенциальные покупатели сами зададут хоть какой-нибудь вопрос. Однако они, обычно повертев в руках одну или две книжки, прочитав аннотацию на последней странице, преувеличенно вежливо благодарят и отходят.

Здесь интересуются всем еврейским, а книги Шеймовича — несмотря на фамилию автора — не имеют прямой связи с еврейской темой.

Это просто книги.

...Порой случается удача, бывает, что к Шеймовичу подходят женщины в благодушном настроении, он на самом деле по-прежнему красивый и обаятельный мужчина, завязав разговор, кто-то из них покупает книгу — у Шеймовича в этот момент бешено колотится сердце от радости.

В такой вечер, сгрузив нераспечатанные пачки в одно из библиотечных помещений и приехав к себе домой на «Молодёжную», он устраивает небольшой праздник. Выпивает пару рюмок коньяка, например. «За читателей!» Да, за читателей.

Больше нигде эти книжки Шеймовича купить нельзя. Вообще их вышло около десяти, а может, и больше: «Под одним небом», «Ужасный гололёд», «Поздние уроки», «Самая лучшая жизнь. Повести», «Судьба ласкает молодых», «Купе», «Вино печали», «Розы Бухары», «Найти след Икара».

У них разные, довольно яркие обложки, на последней странице, как правило (но не всегда), присутствует портрет Шеймовича и упоминаются его журнальные публикации — «Дружба народов» (1998, 2009), журнал «Континент» и журнал «Огонёк» (1998).

В журнале «Огонёк» Шеймовича напечатал я.

...Посещение книжного магазина всегда вызывало во мне крайне противоречивые чувства: от депрессии до восторга.

Особенно магазина «Москва», да, впрочем, и любого другого. Тысячи и тысячи книг, висящих в буквальном смысле у тебя над головой, стоящих в два ряда на необъятных стеллажах, делали очевидной одну важную мысль: ты тут лишний.

Ну, хорошо, думал я, есть книги, отобранные человечеством для того, чтобы по ним выстраивать свои отношения с реальностью. «Война и мир», например. «Преступление и наказание». Сонеты Шекспира.

Ну, а куда же деваются все остальные?

Из ответов, которые я выуживал из себя, дойдя до Маяковской и заглянув по пути в хинкальную, чтобы как-то утешиться (там была одна хинкальная на углу, какая-то неприятная, но я иногда туда заходил), — из этих ответов выплывала, наконец, некая мысль, которую и сформулировать толком было трудно.

Ну хорошо, говорил я себе, заканчивая сациви, выпивая уже вторую рюмку чачи и приступая к основному блюду (становилось, кстати, уже значительно легче). Я человек скромный, не амбициозный, я никогда не претендовал на то, чтобы быть обласканным и увенчанным. Ну, а другие-то как? Вот они глядят «оттуда», смотрят и думают: нет, стоп, ну а как же обещанная вечность? Оказывается, ее нет!

Получалось (после второй или уже третьей рюмки), что слово «океан» больше всего подходит для решения этой проблемы. Один вселенский гипертекст, который все

мы пишем, он и есть смысл этого дурацкого необъятного «книжного магазина», этих многолетних индивидуальных усилий, этих никому не нужных подвигов.

И этот океан текста уже давно не расставить по полочкам, не промаркировать рейтингами, не сделать его познаваемым и легким в употреблении.

...Принесите мне счет, пожалуйста.

По всем внешним, формальным признакам — Шеймович был типичным графоманом. Что самое главное, он издавал книжки за свой счет. Издательство со звериным названием в свое время заработало на нем немало, как это называется, реально располагаемых доходов, что всегда меня выводило из себя — это было и бесчестно, и неправильно, люди же видели, с кем имеют дело. Шеймович не был предпринимателем, лопающимся от важности депутатом или изобретателем каких-нибудь идиотских «идей для развития России», у него не было спонсора, он ни на что не рассчитывал, он вообще не был человеком, который хочет раздуть собственное эго с помощью этих книг.

Как можно было грабить такого человека, я просто не представлял.

...С другой стороны, я прекрасно понимал, что эти книги критически важны для его существования. Шеймович был по профессии геологом. Закончив геологоразведочный институт, отправился работать на Камчатку, где и прожил последующие тридцать или даже сорок лет своей жизни. Писать он начал еще там, но, когда, выйдя на пенсию, уже в 1990-е годы вернулся в Москву (промышленная геологоразведка, как и другие отрасли нашего могучего народного хозяйства, начала схлопываться), — повести, рассказы, очерки и зарисовки полились широким потоком.

Издавать их — было для него жизненно необходимо. Он не располагал десятью или хотя бы пятью годами, чтобы быть замеченным и оцененным важным литературным критиком или редактором (в такой роли он одно время, увы, ошибочно, видел меня), дожидаться публикации в толстом журнале, получить хорошие рецензии, подружиться с интеллигентным издательством, потом дожидаться выхода первой книги.

У него, повторяю, не было в запасе этих лет.

Книги писались очень быстро. Но он не хотел писать в стол, ему нужны были настоящие издания в яркой и твердой обложке.

Поэтому теперь он сидел в московском еврейском общинном центре во 2-м Вышеславцевом переулке и продавал свои книги по воскресеньям.

Надо сказать, я никогда не считал Шеймовича графоманом. Я считал его очень талантливым человеком, которому в чем-то не повезло: он слишком поздно открыл свое призвание и слишком быстро хотел пройти весь «путь писателя»: от первых опытов до больших форм. Возможно, его беспокоили болезнь, диагнозы врачей или какое-то предощущение, что скоро всё кончится. И он торопился. Так тоже бывает.

Прислала мне Шеймовича Ира Андрианова, детская писательница, которая работала когда-то в журнале «Пионер». Ее второй муж, Михаил Голицын, тоже был геологом и познакомился с Шеймовичем на геологической конференции. Ира хотела ему помочь, но детских повестей и рассказов Шеймович не писал. Только взрослые.

...Особенно поразил меня один рассказ Шеймовича со странным названием «Очагов».

Подкупило, например, то, что главная тема рассказа возникла у Шеймовича вдруг, совершенно неожиданно, из какой-то пелены вроде бы случайных, но при этом захватывающих слов:

«...Почтой заведовал пожилой однорукий радист Вася Шалиман, который вообще не пил воду, употребляя только спиртное, а когда спиртного не было, заливал в себя то, что хотя бы немного отдавало алкоголем».

Шалиман вообще не был героем этого рассказа, просто с него всё начиналось,

однако детали были такими яркими, что сам этот Вася Шалиман (казалось мне) стоит буквально где-то рядом, выплывает из воздуха, из самого текста со своим сивушным запахом и одной здоровой рукой:

«Отдавая нам посылочный ящик, он, смущенно покашливая, хрипел: “Посылочка-то в дождь, однако, попала. Подмокла, однако”, — и поворачивал на коленях фанерный ящичек с расщепленной крышкой. Васька недавно выпил два флакона репеллента “Дэта” и едва остался жив...»

И дальше вдруг как-то сама собой, из-под земли, возникала главная тема рассказа «Очагов»:

«В тот день мы использовали алкоголь в чисто медицинских целях. Другого обезболивающего у нас просто не было. А я при этом выступил и анестезиологом, и хирургом. Раненым был маршрутный рабочий Анавгайской геолого-съёмочной партии Владимир Очагов. Несчастный же случай произошел из-за медведей в истоках реки Половинки...»

Вообще эта книга Шеймовича — «Под одним небом. Рассказы про зверей и людей» — кажется мне у него самой удачной, самой легкой и пронзительной.

«Там, где мы разбили лагерь, лет восемь до нас стояли разведчики, искавшие серу в склонах вулкана Малый Алней в двух километрах ниже нас по течению реки. От разведчиков остались два не совсем разрушенных домика и обвалившаяся закоптелая банька. В одном домике, что поменьше, мы сложили продукты и снаряжение, заделав толем дыры в крыше и зияющие окна».

...В нашей квартире на Пресне у папы с мамой был низенький книжный шкаф с тяжелым раздвижным стеклом, в нем стояли книги — русская классика, то есть «сталинские» еще издания Гоголя, Чехова, Салтыкова-Щедрина, такие большие толстые однотомники, я всё это перечитал не по одному разу. Есенина (маленькие серенькие томики) бросил: было неинтересно: ни проза, ни стихи. Читал запоем собрание сочинений Сергеева-Ценского: «Севастопольская страда» в четырех томах, «Освобождённая Россия» в четырех томах, ну и так далее. По-настоящему страдал я по другим книгам: Фенимор Купер, Майн Рид, но где их взять, не знал. Ходил в библиотеку — там тоже их не было. «На руках!» — ласково отвечала библиотечка.

«Капитан Сорви-голова» Буссенара, «Всадник без головы» Майн Рида, «Белый клык» и «Мартин Иден» Джека Лондона, найденные каким-то чудом в недрах старого книжного шкафа тети Сильвы, стали моим спасением.

...Читая у Шеймовича про геологическую партию и медведей, я сразу вспомнил это ощущение свежести, ветра, физически ощутимых брызг воды, которые шли от страниц моих детских книг.

Вся эта подростковая классика была, разумеется, разной степени даровитости, но ощущение брызг воды (морской или речной) я помнил очень хорошо.

«Но жить под крышей было еще рановато. Холода еще не наступили. Ольхач едва начал буреть, лист рябинового кустарника еще не покраснел, но ярко зарделись его гроздь (зарделись гроздь, хм, думал я, ну ладно, пусть будет так). Осень оказалась урожайной на камчатскую сладкую рябину. И тут мы быстро узнали главную особенность этого места <...> Я внезапно проснулся от сотрясения палатки и струнного контрабасного гула, шедшего от боковой оттяжки. Рука привычно нащупала шишечку стебля затвора карабина <...> Утром все говорили о нашествии медведей на рябинник».

От громадного количества написанного в советской литературе о «покорителях природы» и «трудовом подвиге первопроходцев» тексты Шеймовича отличала уже сама расстановка персонажей. Рассказ «Очагов» был совершенно не проходим в советской печати — чтобы опубликовать, его требовалось переписать и изменить всё до неузнаваемости.

Нужно было бы (в то, советское, время) убрать героического однорукого Васю Шалимана, который не пил воды и вскрывал чужие посылки в поисках спиртосодержащих веществ. Нужно было убрать разодранную медведем задницу, не что-то иное, а задницу разнорабочего Володи Очагова.

Нужно было бы вычистить из текста и самого героя, давшего рассказу имя.

«Боря и Володя Очагов, видимо, закончили заготовку дров, бросили по охапке у нашей железной печки и, продавливая сапогами ветхие половицы, подошли ко мне. Я был для них со своими картами, схемами, записями, желанием куда-то идти и искать то, что не терял, и, особенно, без отчетливого желания выпить, не совсем человек. Это их смущало. Поэтому в обращении ко мне у них были затруднения <...> Потом Очагов стянул с головы грязную вязаную шапочку с помпоном и сказал:

— Мы это... с Борей... рыбу... гольцов ловить».

Особенно же импонировало в рассказе вот это место.

«...Очагов резко прервал меня, сунув яростно руку со сжатым кулаком мне под нос. Я не ожидал такого жеста и отпрянул, но потом понял, нет, не понял, а увидел и ужаснулся.

Я увидел дыру в его запястье, и в эту дыру я мог разглядывать его сухожилия и свои штаны цвета хаки. Я поискал глазами кровь, но крови не было.

— Что это? — слабо сказал я. В ответ Очагов повернулся ко мне задом.

— Это, — сказал он, согнувшись, спустив штаны, и задрал к голове свою майку, — это она! Она... — и, переступив, приблизил ко мне свои оголенные ягодицы. Я вскочил и вгляделся в них, потому что такого мне видеть еще не приходилось.

От поясницы через левую ягодицу протянулись глубокие параллельные раны шириной в полтора сантиметра, длиной до пятнадцати сантиметров и неведомой глубины. Края их лохматились рваным обескровленным мясом, но кровь не текла. И эти раны почему-то были просто забиты мусором. И хотя это были первые в моей практике большие раны и первый раненый, я стал говорить подряд, а меня стали слушаться:

— Штаны больше не натягивай, а если можешь, лучшеними. Миша, быстро ведро воды ставь на плиту. Коля, марганцовки и спринцовку из лошадиной аптечки. Нашу аптечку сюда. Кровать придвиньте к окошку...»

«Она» — это, понятное дело, была медведица.

Я прочел рассказ несколько раз, и когда Шеймович пришел ко мне в редакцию, исподволь изучал его лицо, уже довольно знакомое.

— Валерий Соломонович, это всё правда?

— Ну да, — недовольно и немного раздраженно буркнул он. — А что?

— Да нет, — сказал я. — Просто, знаете, такие детали.

Он глубоко вздохнул:

— Деталей было много.

Мне не удалось напечатать «Очагов» в «Огоньке». Не помню, честно говоря, в чем было дело: то ли рассказ кому-то «не зашёл», как сейчас говорят, то ли были еще какие-то обстоятельства — Шеймович пришел в редакцию, когда я уже перестал заведовать отделом литературы.

Накануне нового, 1998 года Шеймович принес в «Огонёк» несколько листов с машинописью (компьютером он еще не пользовался) — название звучало примерно так: «Приготовление рыбы фиш в Москве в новогоднюю ночь 1952 года». Найти его сейчас в книжках Шеймовича, которые хранятся у меня дома, я почему-то не смог.

Рассказ был чудесный.

В нем был описан «щуплый еврейский мальчик», который бредет в гости к своей тете, где-то в районе улицы Герцена, рядом с консерваторией. Долго петляет

Валерия Пустовая

МАЛЕНЬКИМ ЯЗЫЧКОМ

Придумала название для статьи — и полезла в Гугл: выяснить, узнает ли он это выражение. Не узнал. Так говорила моя мама — в значении: прекословить тихо. Подходящее выражение для тех, кто столкнулся с чем-то выше его сил, за пределами его выбора. Мы прочтем шесть книг о войне, написанных «маленьким язычком» — от лица ребенка. Это книги о том, как видят конфликт те, кто в нем не участвует, а выживает. Физически, психологически, нравственно. Это книги о детях, столкнувшихся с тем, от чего в обыденной жизни детей укрывают. Это книги о детстве, которому предстоит приспособиться к событиям взрослого мира.

Но не только, конечно, не только.

Тем, кто не кожей чувствует ветер

Андрей БУЛЬБЕНКО, Марта КАЙДАНОВСКАЯ. Сиди и смотри. — М.: Самокат, 2023.

Возрастная маркировка: 12+

Кристина КРЕТОВА, Юлия БРЫКОВА. Война vs Детство. — СПб.: Питер, 2022.

Возрастная маркировка: 16+

Детским голосом о войне — так пишется проза-анестетик. Хотя уместней об авторах по горячим следам написанной книги сказать: «Смельчаки», — как говорит о книге «Сиди и смотри» Марты Кайдановской и Андрея Бульбенко критик Ольга Девш¹. Или изумиться, как делает это в отзыве на «Сиди и смотри» пользователь «Лабиринта»: «Кажется невероятным, что ее издали здесь и сейчас, но именно это вселяет надежду...»²

Издание современной литературы, не отлежавшейся поколениями в библиотеках, вообще риск. А если это литература ещё и своевременная — настолько, что обречена на открытый — точнее, размытый — финал, потому что написана о явлении, которому нет пока ни окончательного названия, ни рамок во времени и пространстве, — тогда это действительно смелость.

Вот только написано не для «смельчаков». Адресат книги «Сиди и смотри» недвусмысленно обозначен на первых же страницах. Это — «люди, до сих пор живущие в уютных домах». Люди «не виноватые» — следует далее в тексте уточнение. Но — «они должны знать».

¹ *Ольга Девш*. Написано молоком // «Rara avis. Открытая критика» от 12.01.2023. — https://rara-rara.ru/menu-texts/napisano_molokom

² *Анна Зенькова*. [Отзыв на книгу от 4.01.2023] // <https://www.labyrinth.ru/reviews/goods/912662/>

Знать — что? Неужели «о том, что война — это больно, это непоправимо, это ужасно» (художник-аноним), или о ее «пагубном влиянии на жизни людей», «о неизбежности жертв» (Саша Богатов), — как черным по белому сказано на заключительном развороте книги «Война vs Детство»? Книги, которую тоже следует отметить за смелость — ведь написана она во все ещё революционном у нас, не вполне принятом формате графического романа. В отзывах иные читатели до сих пор меряют вес книги количеством слов, так что книжкам-картинкам часто достается вердикт: «читать нечего», — и министр культуры однажды рекомендовал комиксы тем, кто плохо умеет читать. Упаковать разговор о военных конфликтах в рисованную раскадровку с подписями — значит сместить книгу в сторону дополнительного, украшающего обязательный список, чтения.

В книге «Война vs Детство» пять военных конфликтов показаны через впечатления тринадцати детей, теперь подросших или совсем взрослых. Каждая графическая история сопровождается краткой справкой о конфликте: воюющие стороны, временные границы, число жертв, — и завершается отдельно выписанным текстом рассказа, залитым сплошняком, без картинок, на одной странице — словно специально для тех, кто не примет графическую форму, захочет отсеять только слова.

Между тем графическая форма не декоративна — значима. И выполняет она ту же функцию, что и вымысел, и авторские словечки, и лихие диалоги, и аллегории — вся эта словесная ловкость, заметная литературная пластика в «Сиди и смотри».

С одной стороны, функция и графики, и словесной изобразительности — усилить эмоциональную проникновенность рассказа. С другой — вывести книги из-под прицела политики.

В сочинении об обеих книгах непременно стоило бы отметить их антивоенный пафос. Но направлен он не против конкретной войны. Не маркированы в книгах и стороны конфликта: нет чужих, каждый, кому дали голос, — свой.

В графической книге «Война vs Детство» это — принцип, положенный в основу замысла и структуры: о конфликтах рассказано голосами с обеих воюющих сторон. И поскольку речь идёт о детстве, воспоминания с любой стороны сливаются в единый, словно бы не привязанный к месту и времени опыт. В любом рассказчике-ребенке виден не его народ, не его страна — а человек без знаков отличия. Просто человек, не вовлеченный в конфликт, но ему вынужденно подчиненный. Это опыт пожизненно осевшего внутри страха, неизгладимой потери, бездомья, бедствия. Повторяющийся в любом месте карты, развернутой на форзацах книги. Не преходящий ни десятилетиями, ни, можно предположить, веками.

В «Сиди и смотри» маркировка если есть, то самая общая. В образе ветра «с северо-востока», который «не пускал весну», так что рассказчица Марта с родителями, младшей сестрой, бабушкой и дедом за рулём семейного автомобиля бежит из родного города через бесконечный февраль: «...Логично: или бомбят, или весна». Ветер февраля — пожалуй, самый политический и однозначный образ книги. В остальном границы и знаки размыты: Марта отмечает на блокпосте «наш нормальный обычный флаг», не позволяя нам опознать его, бежит с семьёй к незримой точке «Руби-Конь», где, говорят, опасно, но за ней спасение, при этом об опасности мы судим по пересказу новостей и слухов, а спасение представляется условным, как то ли утопия, то ли загробье: «несбыточный долгожданный март».

Получается повесть-сказка — хотя «логично» было бы обнаружить хронику, документальный роман, автофикшн. В прошлом феврале нас атаковала история — большая, непредсказуемая, равнодушная к нуждам и чаяниям маленького, частного человека. И частные дневники резко подскочили в цене. Фиксировать личное теперь не прихоть, а вроде как требование времени, долг перед будущим. Тем более что современные дневники по ходу письма набирают читателей в онлайн и читателям соразмерны: многие из таких же, маленьких перед историей, людей скорее схватят

суть момента из частных наблюдений, чем из новостей, в происхождении и качестве которых ещё пойдёшь разберись.

И вдруг выходит книга, где достоверный личный опыт угадывается — но скрыт. «Сиди и смотри» не свидетельская литература, хотя утверждение ценности художественного свидетельства в нее вшито.

В книге два повествователя: Марта и встреченный ею на пути «писатель». Марта повествует о странствии семьи из родного города в Руби-Конь: ведёт записи на инструкции по сборке кровати, которую доставили в день бегства и оставили дома не собранной. Писатель повествует о Марте, удостоверяя ее дневники образом рассыпанных листков, которые, мол, в его руках так и не сложились в последовательный рассказ, и образом самой Марты, которую мы слушаем, но только его глазами недолго — незадолго до их расставания — видим. Писатель помещает рассыпанные дневники Марты в крепкую рамку: пишет вступление и финал. И задаёт рамочную же идею книги: настаивает на важности литературной регистрации опыта.

«Видеореги́ратор» — образ уровня «ветра февраля», прозрачная аллегория. Марта и писатель обсуждают формулу «антизабвения»: как человеку оставить след своей единственной жизни, «не пролететь навывлет». И приходят к догадке, что каждый из нас работает для других видеореги́ратором, но если ты писатель — то фиксируешь существование не только тех, кого видишь, но и самого себя. Вывод очевидный и не так важен для книги, как спор о правдивости того, что записал условный видеореги́ратор. Писатель подчеркивает, что объективная фиксация всего, что видел, для него невозможна: он записывает то, что, говоря по-нынешнему, «отзывается», в чем он «узнаёт себя». Марта же требует «реальности»: «Книги придумываются. А как оставить не придуманное, а то, что на самом деле?»

Но «того, что на самом деле», в прямом смысле от ее записей не жди. Марта демонстративно слагает с себя функции видеореги́ратора в главе, где из семейного автомобиля просят выйти «всех наших взрослых». Марта и ее младшая сестра наблюдают, как какие-то хмыри отжимают у родителей чего поценнее, но ни обидчиков, ни процесс нам толком не рассмотреть: недобросовестный «видеореги́ратор» Марта раз за разом принимается излагать суть увиденного, но подменяет реальную картинку — желанной.

Сделано демонстративно, пишу я, — но что именно тут демонстрируется? Завираясь о папе, который одной левой разметал врагов, да ещё и сам у них отжал оружие, Марта выказывает наибольшую детскость, наивность — и одновременно литературную искушенность. Ведь это осознанно проявленное мастерство — рассказать о страшном, не показав его впрямую и тем усилив сопереживание: сильнее пугает не то, что видишь, а то, что дообразишь.

«Ванилька для деточек», — презрительно хмыкает Марта в адрес книги о дружбе лисёнка Людвиг и цыпленка Тутты, которую прихватили в дорогу для младшей сестры. Но сама пишет сказочку, где правду документа теснит правда символа. Иносказанием обёрнуто лезвие свидетельства, острота книги притуплена. Из горячей неразберихи актуальности мы поднимаемся в прохладное пространство вечности — подобно тому как Марта на исходе очередного тяжёлого и тесного дня, проведенного в пробке, семейных ссорах, тревоге, мысленно воспаряет: «И я хочу быть такой небесной рыбой: плавать себе в воздухе, в холодном дождевом воздухе, пить его всей своей рыбьей пастью и ничего не чувствовать, ни усталости, ни страха, ни Тонькиного писка, ни взрывов, ни бабо-дедовых ругачек, вообще ничего, кроме воздуха, воздуха, дайте мне побольше воздуха, и я буду жить в нем и плавать, пить его и плавать, плавать одна, без дома, без кровати и без этих сумок...» В главе «Листок одиннадцатый, про электричество и про небесных рыб» физически ощущаешь, как Марта не может «вынуть из спины эту усталость», и потому в воображении вынимает из усталости себя — заодно вывертываясь из кучности, напряжённости, приневолённости бегства.

Образ «небесных рыб» и есть выверт, одна из символических находок книги, благодаря которой передается суть происходящего. Если отсечь многомерность таких находок, если остаться только в плане событий, книга покажется скудной: не только в сцене нападения на «наших взрослых», но и в других нам ничего не дают рассмотреть, ни во что не позволяют вникнуть.

«Видеореги́ратор» Марта наглядно передает состояние людей в убежище: «торчат в подвале неделями и слеживаются в коврики, в слоеные человечьи наполеоны», — но говорит об этом со стороны, словно сама не захвачена общим опытом. Однажды в чистом поле картинно взрывается «пианина» — но узнаем мы об этом только по крику вовремя оглянувшейся младшей сестры. Эвакуация контактного зоопарка зрелищно перекрывает движение — но к животным не пускают, а сами они прикрывают доставку пострашнее, чем лев в грузовике: младшая сестра рвется к пингвинам, нарисованным на фуре-холодильнике: «Пингины... Целый холодильник пингинов... Двести штук...». И не понимает, почему перевозчик фуры злится: «Это не пингины!» — и гонит ее.

Нам словно суют пилюлю реального зрения — но оставляют возможность завозиться с фантиком. Мы не в центре происходящего, не в основном потоке — своеволием деда за рулём автомобиль то и дело сворачивает «не туда», и нам достаются «не те» подробности. Боковые, отцеженные от главного потока новостей.

«Сиди и смотри» — актуальное искусство, потому что очень зависит от того, кто и как его прочтет. «Видеореги́ратор» Марта недоумевает, как описать «то, что на самом деле», — и отказывается от описания. Образы книги скорее арт-объекты, перформансы, которые не реальность показывают — а устраивают сшибку с представлениями о ней.

Книгу можно глубоко копать, как делает это критик Ольга Девш, остроумно подмечая рифму «колыбели» и «гроба» (Марта ведёт дневник на листах инструкций: по сборке кровати и по сборке гроба, — первую она забрала на память из дома, вторую принес разметавший мир до мусорных крошек «ветер февраля») и эхо Экзюпери в образе нездешнего беспризорника с раненой змеёй в руках (встречается семье Марты на автозаправке, мучает их, как когда-то летчика, невозможностью себе помочь — и уходит в литературное никуда). Но и у образов попроще двойится дно. Скажем, щенки на обочине — семья Марты их не подобрала, и это выглядит вполне благоразумным и ожидаемым в скученных условиях бегства, пока дорога не сталкивает их с двойниками — такой же семьёй, сделавшей, однако, противоположный выбор. Зато наши герои взялись помочь невесте — разыграть для видеосвязи с ее родителями безопасную среду, до которой она якобы успела добраться ко дню свадьбы. А вот попросившему отлить топлива водиле помогли без обмана — но вышел неудобняк, когда он отблагодарил их неясно где добытыми детскими шмотками.

Марта ищет способ описать правду, но в том, что она видит, правды нет.

Нет правды в значении достоверности — поэтому свидетельство очевидца обращается в фантастическую притчу с несколькими концовками на выбор. Сложивший листки Марты в стопку писатель отмечает — вместо заключения, скороговоркой, — сколь многое не вошло в итоговую сборку книги: «Рутину, мелькавшую изо дня в день, <...> я отфильтровал, и, может быть, жестче, чем имел на то право. Нет здесь игры в города, которой Кайдановские пытались убить недобитое время; не нашлось места (увы) и полюбившемуся мне хомяку Власию — этим именем Марта окрестила колтун в волосах Тони. Всю дорогу пугала сестру, что он живой...» Типичные для дневника, бытовые, частные мелочи, которые придали бы повествованию конкретность и достоверность свидетельства, — из книги выпущены. Получается, бегство из горячего, злободневного в прохладное, всегдашнее — сознательный выбор. И «ванильку для деточек» о всеобщей дружбе и справедливости Марта побивает «лисьими сказками» — выдумкой с двойным дном. Лисы в воображении Марты составляют обоснование

необходимости напасть на курятник: «Во-первых, это была самозащита, поверь. Да, у кур нет зубов. Сейчас нет. А когда они их отрастят — кто нападет первым, а? То-то же!» Параллели с реальностью остаются на усмотрение читателя, потому что внутри книги эта эзопова басня — всего лишь остроумная иллюстрация к предельному обобщению в устах писателя: «Все всегда нападают только по одной причине <...>: кто-то думает, что он может что-то сделать силой».

Нет тут правды и в значении высшей справедливости. Книгу легко назвать притчей — но это иносказание, которому нечего сказать. Нормально ли изводить друг друга ссорами в долгой дороге? Стыдно ли не потесниться ради щенков? Хорошо ли обманывать родителей, даже если по видеосвязи? Стоит ли заставлять сестру расстаться со сказочками и игрушками, чтобы она скорее повзрослела? Всё это в книге не только не ясно — но и не важно. Где-то там, за ее полями, совершается настоящий выбор — здесь же, в повествовании, действуют те, за кого выбор сделали. Марта называет склочных родичей психами, мужик с детскими шмотками смахивает на мародера, водитель фуры с нарисованными пингвинами выглядит злым, щенки милы и просятся в руки — но все это далеко от проблемы добра и зла, от понимания событий, от познания не то что других людей — а и себя самого как человека. Замкнутый мир автомобильной пробки, следуя символической природе книги, обращается в метафору запертого сознания. «Сиди и смотри» — эта фраза как знак на дороге, запрещающий тянуть руки, откликаться, судить, выбирать и выбираться. «Сиди и смотри» — потому что изменить ничего не можешь. Детская позиция, пассивная, позиция жертвы — а не актора истории, не автора своей жизни.

Парадокс в том, что это ещё и позиция литературы.

Одно из боковых, не главных, «не тех» последствий «ветра февраля» — крах самооценки литературы. Разочарование, что вот опять она ничего не предотвратила, никого не спасла. В новом свете ожидание, будто современная книга наконец найдет способ добиться того, что не получилось у мировой литературы со времен Гомера: докажет, что «война — это больно, это непоправимо, это ужасно», — выглядит заведомо битым.

Но что если это крах не самооценки — а самоочевидности? Веками побиваемой опытом и все же лелеемой убежденности, что литература учит.

Беспомощность, тщетность, печаль — три кита принятия реальности в современной психологии. Как принять, что литература воздействует — но не действует? Что тщетен явленный ею свет простой человеческой жизни? Что беспомощны доказательства жизни как высшего, священного чуда? Что вся ее сила к тому только, чтобы помочь переварить печаль?

Литературе приходится умалиться — до обидного, до одного. И увидеть, что для одного только и работает. Можно заставить массово читать определенные книги — но невозможно заставить книгу сработать даже для одного. Удача литературы — это не воспитание, а контакт. Не механика, а химия. Разговор о важном, который состоится только по любви. По согласию, по взаимному интересу. Книга — это палочка, которая, по «Гарри Поттеру», выбирает волшебника: надо, чтобы потеплело в пальцах и заискрило, когда ты взял ее в руки.

Вот и от книги «Сиди и смотри» — искрит, а не бомбит. Проза смелая — но хорошо чувствующая берега. Адекватная миру «уютных домов», где не кожей чувствуют «ветер февраля». «Слабонервным можно», — как точно определяет границы воздействия книги Ольга Девш.

И в чем тут работа литературы, в чем — удача такой именно книги: слишком артистичной, чтобы ударить всерьез, слишком детской, чтобы быть аргументом во взрослом политическом споре?

А в том самом — в работе на одного. Книга «Сиди и смотри» благодаря своей намеренной символичности и подчеркнутой литературности открывает и возглавляет

новую линейку литературы — той, в которой человек после февраля встречается не с войной, а с собой.

Не свидетельская проза о свидетелях истории, засевших в «уютных домах». Книга для тех, за кого, как за детей, решили старшие. Недаром в отзывах на книгу встречается и такое признание: «Книга мне особенно отозвалась, потому что я с конца февраля ощущаю себя как раз пятнадцатилетней. Не гармоничной, радостной и мудрой взрослой, какой я, мне раньше казалось, стала, а вот такой колючей, не понимающей мир и испуганной». Характерно и то, что в этом отзыве сказано выше: «Я боялась, что с героями что-то случится. То есть я знаю, что все это есть, всё это случается, но я, обмирая от ужаса, мысленно просила: пусть хотя бы в книге не случится»¹. Книга для тех, кто сидит и смотрит — потому что ничего не может изменить. Смотрит — и не хочет видеть. Сидит — и не может сдвинуться, будто автомобильная пробка развернулась и заполнила изнутри, будто это не «ветер февраля» «не пускает весну», а лично его, одного, читающего сейчас эту книгу, не пропускают в март.

«Торчи в этом “не туда”, пока сам не занетудеешь до печенок», — ловчит словами Марта. Этим чувством неуместности книга делится с читателем — если только он готов принять себя таким, «занетудевшим», пережить беспомощность, тщетность, печаль свидетеля, пытающегося разобраться в происходящем по чужим видеорегистраторам. Два повествователя в «Сиди и смотри» все же не равны: источник впечатлений, образов, словечек, чувств — Марта, за нее и переживаем, тогда как писатель остается фигурой за рамкой, транслятором свидетельства, который в одном из вариантов финала теряет дневники Марты, в другом — связь с ней, но никогда — себя. И это делает его еще одной символической фигурой книги: писатель, обращенный в читателя, он служит чужому опыту, его функция в книге — вдохновить Марту писать и не дать пропасть тому, что она напишет. Это образ самоумаления литературы — и одновременно ее надежды. На то, что еще остается время и место для художественной интерпретации реальных событий.

Сила и слабость искусства — в этой возможности интерпретации. Не свидетельскую прозу хочется противопоставить свидетельствам, литературу — фактам, как писателя — Марте. Но где они — чистые факты, лишённые интерпретации? Художественность расходится не с фактами — а с единичностью трактовки. Сила и слабость искусства — в том, что его можно понять по-разному. Уловишь разницу — возьмешь от искусства больше. Тут — сила: нажать на разные центры восприятия, собрать впечатление из деталек, обычно разложенных по разным наборам. Но самое объемное понимание будет трактовкой для одного. И тут — слабость: можешь поделиться, показать путь твоих ассоциаций и суждений — на то ведь и критика, и возросшая культура потребительских отзывов, — но не заставишь другого тем же путем пройти.

Силу и слабость искусство придает и тому, о чем говорит. То, что «больно», «непоправимо», «ужасно», искусство выделяет, вытягивает из реальности, выставляет на свет. Усиливает — но что? Только — шанс. Увидеть, не пройти мимо. И — увидеть в новом свете, усложнить понимание. Тут — сила: не потерять то, что было, вернуть ему внимание и значимость, вырвать из привязки к времени и месту, которые могут устареть, тогда как художественный образ обновляется с каждым восприятием. Но сама эта вечная годность образа к восприятию — слабость. Как бы больно он ни делал — все же это не та боль, что его породила. Запечатленный ужас выделен — и спрятан, наделен многими смыслами — и лишен прямоты действия, продлён — и купирован.

В книге «Война vs Детство» единство понимания разваливается уже на уровне замысла. Поразительно, как в коллективном послесловии авторы пилят название.

¹ *Стадник Зуля*. [Отзыв на книгу от 27.12.2022] // <https://www.labyrinth.ru/reviews/goods/912662/>

Кто-то берет себе первое слово: «это часть памяти людей об ужасных событиях и жизни после них, которые напоминают, почему они не должны повторяться», — Виктория Быкова; «в сборнике война предстает как грусть, которая навсегда оставляет тяжелый след в жизни уцелевших семей», — Наталья Уки Захарова. Кто — второе: «истории из детства тем и интересны, что даже огоньки на бомбах начинают напоминать новогодние фейерверки, а приключения и здесь и там ждут за поворотом — зовут за собой!» — Алёна Сазонова, образ огоньков взят из воспоминаний в книге; «война здесь хоть и главная тема, но показана через призму детства, через очень субъективные и обрывочные детские воспоминания, наделяющие совсем незначительные вещи и явления большой значимостью», — Валя Карнавалова; «Я хотела показать, как даже в такие тяжелые моменты дети видят только тепло», — Дарья Ильницкая. Двоится и адресат книги: детям ли она, которым нужно успеть что-то объяснить, пока слушают («Считаю эту тему важной для обсуждения с детьми», — sakana), или взрослым, от которых жизнь детей зависит («почему взрослые люди <...> теряют свою человечность в ненависти и разжигают войны на будущем своих детей», — Настя Мята).

Детский взгляд ограничивает: «дети не видят всего» (Дарья Ильницкая). Но и высвобождает — дает пробиться к чистому факту жизни. Именно «субъективные и обрывочные» воспоминания дают почувствовать сложность темы: дети, как художники, черпают из всех ячеек и ведер, смешивают наборы. Для меня визитной карточкой книги стала страница из истории Шоты (Грузия). Под словами «Детская память — точно мозаика» художницы разложили пазл из фрагментов рисованной реальности истории, каждый из которых читателю предстоит встроить в кадр и только тогда наконец понять. В этой мозаике нет заявленного в названии книги противоположения войны и детства, нет предзнания о значимости предмета или факта. Горизонтальная, безоценочная развертка памяти — «просто» жизнь. Именно такое восприятие потрясает сильнее всего — беззащитностью перед тем, что грядет.

В то же время дети в книге не жертвы — именно в сюжетном, художественном смысле они герои. Актеры и авторы. В истории Кейт (Белфаст) взгляд девочки, спрятавшейся с братом от обстрела, вдруг резко прицеливается в нас — усиливая слово «нет», вписанное в этот кадр: это ответ на вопрос в соседней картинке — «испугалась ли Кейт?» Озорство — слой защиты, как и подростковый бунт: в соположенной истории Памелы (Белфаст) девочка едва не теряет подругу под обстрелом, но сильнее выражено ее переживание из-за запретов, которые отец-полицейский налагает на нее, чтобы уберечь. Открытый финал истории Насти (Донецк) обретает впечатляющий акцент в графическом воплощении: «Когда мне страшно, я рисую», — говорит героиня, и ее образ вписан в двойное защитное поле. Рисующую героиню как бы укрывают склоненные к ней фигуры мамы и папы и сам темный фон комнаты, перекликающийся с образом темного уютного пледа из начала истории. Образ рисующей героини к тому же дополнительно укрупнен, так что кадры разрушений и теленостей отеснены и сжаты. Рисунок в истории девочки Ноа (Ашдод) постоянно собирает бегущую в убежище семью в нераздельный ком, круг объятия. В истории Славицы (Загреб) пережитый страх — трамплин к самореализации: девочка, повзрослев, стала репортером, потому что в детстве ей почудилось, что только репортеры и могли тогда смело смотреть на происходящее. В истории Елены (Приштина) показано, как девочка находчиво укрылась от вооруженного нападения, — и только намеком, без прорисовки и подробностей, сказано, что было потом нападение с менее сказочным исходом, после чего семья покинула зону конфликта.

Там же, где напрямую явлено горе, история перестает быть детской: завершающий книгу рассказ Ахмеда (Палестина) визуализирует страшное, которое не принять за «новогодний фейерверк» (цитата из истории Тамары, Панчево). Образ разбитого зеркала, в котором отражается погибшая семья друга детства, пугающий провал убежища, черные силуэты погибших, руки детей, прикрывающие глаза и уши,

заплаканные глаза, черные крылья самолетов, четыре надгробия одного за другим ушедших взрослых, по которым — спиной к нам, лицом к надгробиям — скорбят трое детей, — раскадровка горя, лишенная возраста и времени, почти условные, потому что универсально понятные, знаки войны. За которыми каждый раз слишком легко прописать новый человеческий опыт.

Даже когда сидишь и смотришь — увидишь столько, сколько вместишь. То, что девочка-подросток приняла огоньки бомбежки за «новогодний фейерверк», кажется банальностью. То, что ей радостно смотреть на эти огоньки с балкона вместе с папой — тогда как ее родители «давно развелись», — кажется трогательной эмоциональной краской. То, что папа ее, когда его и дочь «отбросило взрывной волной на стену балкона», только и сказал «давай лучше зайдём внутрь», и сказал это «спокойно», — кажется самоочевидным для детского воспоминания. В кадре папа зримо удлинённой рукой словно очерчивает защитную раму над собой и прижавшейся дочерью — в следующем кадре небо в огоньках пестрит немо и глухо — ему соположена белая стена без наблюдателей. Наблюдатели укрылись, огоньки пролетели мимо. За кадром повисает не вложенная ни в детское воспоминание, ни в рисунок — взрослая моя, читательская тревога: где папа нашел силы, чтобы остаться тогда на балконе, спокойным?

О тех, кто обороняет тупик

Шарлотта ЖАНГРА. Войны / пер. с фр. Нины Хотинской. — М.: Самокат, 2023.

Возрастная маркировка: 16+

Гаэль ФАЙ. Маленькая страна / пер. с фр. Натальи Мавлевич. — М.: АСТ : CORPUS, 2018. Возрастная маркировка: 16+

Детским голосом о войне — так пишется проза перемены личности. Хотя можно было бы написать — взросления, ведь герои действительно идут по традиционным вехам преодоления страхов, слабостей, зависимости от взрослых. Но к здоровому и узнаваемому побегу истории прилепилась, вивась, тема войны. В повести канадской писательницы Шарлотты Жангра «Войны», написанной в 2011 году и изданной у нас недавно, взросление и война конкурируют. В романе 2016 года «Маленькая страна» Гаэля Фая, французского музыканта, чье детство прошло в Африке, в Бурунди, взросление и война сливаются в силу, которую герой пытается игнорировать. В «Войнах» герои немножечко торжествуют и всё улаживают. В «Маленькой стране» герой надламывается и всё теряет. Важен, впрочем, не итог, а сам разговор о последствиях военного конфликта, который в обеих книгах намеренно ведется не на поле столкновения — а в мирном пространстве детства.

О том, что роман Гаэля Фая, который можно уже считать современной классикой, посвящен национальному конфликту — геноциду в Руанде, государственному перевороту и резне в Бурунди, — нетрудно заранее понять из материалов Сети. Труднее проследить, когда в романе наконец проступит эта линия. Повествование раскачивается медленно, нехотя. С первых глав создается впечатление, что и без событий, вследствие которых «ситуация в Бурунди попала на первые полосы мировой прессы», автору нашлось бы, что рассказать о своем детстве, о первых одиннадцати годах жизни, проведенных, как в раю, в краю неповторимого природного и национального разнообразия.

«Маленькая страна» — праздничная проза. Автора постоянно сносит в сцены изобилия, пира, веселья — будь то обжираловка ворованным манго в старом, заброшенном фольксвагене или деньрожденное застолье с шашлыком из крокодилятины, танцы под самодельную музыку перед дождем или баловство сестер,

поющих с зубными щетками в руках, как с микрофонами, купанье голышом в бассейне чужой школы, пока сторож не вернулся, или чинные медляки родителей, гитарные переборы дяди-повстанца или бабушкины сказки об идиллической Руанде, которые героя, живущего барчуком в доме отца-европейца, мало трогают. Заметно, что это излюбленный и набирающий силу прием: автор включает праздник перед бурей, давая жизни развернуться в полную силу перед тем, как каратнёт и парализует.

И даже когда вокруг начинаются смертоубийственные беспорядки, роман не торопится сдать военную хронике. Показывает, как до последнего дом оставался герою «теплой утробой», слуги заботились о нем и его сестре «с материнской нежностью», папа старался «оградить нас от политики» и прибежищем детству служил «наш тупик», где жили и затевали игры герой Габи с друзьями-мальчишками.

«Оборона тупика» — вот главная интрига романа, хотя события, потребовавшие обороняться, происходят где угодно, кроме этого тихого, «сонного» уголка. Художественная сложность романа — в двойном истолковании «обороны». Развитие вооруженного конфликта требует даже от детей «быть сильными, уметь защищаться», — ведь их в мстительной резне не щадят. «Это война, Габи. Мы защищаем свой тупик», — втолковывает герою лучший друг. Но для Габи защитить тупик — значит разоружиться.

Роман полон непреднамеренного символизма, подсказанного самой жизнью. И сонный тупик, где мальчишки играют в дурацкие и безответственные игры, тоже обращается в символ — невинности. Герой живет барчуком, до поры привилегии позволяют ему не вникать в суть враждебных шепотков между детьми разных национальностей. Но его стороннее положение еще и метафорично: он сознательно выбирает не вступать в войну, не занимать позицию в конфликте. «Война <...> назначает нам врага», — а герой увертывается от назначения, пытается сохранить за собой выбор. Для его лучшего друга «нет никакого выбора, мы все на чьей-то стороне»: когда страна делится на враждующие национальные группы, он принимает ту сторону, на которую его неизбежно запишут противники. Габи пытается настоять на другом разделении, поверх конфликта: он выбирает не быть с теми, кто хочет «убивать невинных людей».

«Жаль чистоты, пожираемой страхом», — задним числом произносит он величественные слова в жалкой сцене, занимающей в романе место кульминации. Герою не оставляют выбора — а точнее, так соплагают на весах месть за друга, страх за близких и неизбежность убийства, что он не видит альтернативы и не то чтобы вступает в конфликт — скорее, делает символический жест, одним взмахом руки добывая назначенного ему врага. Для героя это настоящий конец детства, крушение тихой и сонной утопии мальчишеского тупика, и особенно значимо, что в этой сцене он окружен не врагами — своими. Рядом те, с кем он сродни происхождением, и лучшие друзья, и бывший ближайший помощник его отца. Все они, как говорят, защищают героя, но все они против него — против его утопии невинности и детства.

Роман «Маленькая страна» удивительно широк и сложен. Что вооруженное столкновение — «это больно, это непоправимо, это ужасно», в нем — который раз? — явлено, однако первопричину бед роман ищет дальше. Трещина, разломившая жизнь Габи на «до» и «после», возникает задолго до кровавых событий. Мы видим разногласия между его родителями — до безобразных ссор. И подсвечивающую священную детскую дружбу вражду с мальчиком-хулиганом, который после, будто лазутчик, посланный войной, волеется в их компанию, покончит с невинными играми и разобьет дружбу. И само несправедливое устройство мира, в котором герой после долгих поисков возвращает свой украденный и перепроданный велосипед — но сам чувствует себя грабителем, обездолившим бедняков.

Оплетенный враждой тупик кажется герою «тесным» — и он уходит в бесконечное пространство книг, щедро предоставленных одинокой соседкой, в саду которой они

когда-то воровали манго. Кто заперт в иллюзии, кто окопался в «тесном» мирке — кто тут, собственно, в тупике: друзья с гранатой — или герой с книгой?

«Я молился, чтобы ничего не менялось», — признается герой и во имя этой неизменности изгоняет из дома сошедшую с ума от пережитого ужаса мать, порывает с друзьями, вступающими во взрослую вооруженную игру. Война уничтожила чистоту и детство — но можно ли прожить не запятнавшись, можно ли расти, не покидая «теплой утробы» дома?

Черный конь, сбежавший от выстрелов холеный Аттила, для забавы замученный добровольцами «обороны», — безусловно, трагический символ войны. Но есть в нем и черная неотвратимость времени, не задерживающегося в стойле.

Поражение мальчика, который весь роман, ничего толком не предпринимая, «был очень занят — старался остаться ребенком», кажется в романе закономерным. Ведь даже взрослые не справляются с вызовами взрослого мира, сдают один за другим: идут на поводу у логики бойни, сходят с ума при виде жертв, падают зарезанными у ворот собственного дома. Но параллельно с торжеством убийственной логики в романе парадоксально утверждается логика идеала — надежды, красоты. Детская, безоружная, бессильная — как обессилен верующий заирец, много лет проработавший у отца Габи прорабом: «Все надежды пошли прахом, все планы опрокинуты, все мечты уничтожены. А я молился о нас, Габи, молился, сколько мог. Чем больше молился и чем яснее видел, что Бог нас оставил, тем больше верил в его силу. <...> Мы не должны сомневаться в красоте мира, даже под жестокими небесами. Если ты перестал удивляться пению петуха или утреннему свету над горными вершинами, если больше не веришь в верность друга, значит, ты сдался, всё равно что умер». Роман «Маленькая страна» черпает силу не только из достоверности пережитого горя — но и из веры в несомненность красоты. Недаром одна из линий, кажущаяся боковой, преобразует уже знакомые факты — в намеренно метафоричную сказку для невидимой девочки из Франции, случайной подруги Габи по переписке, которой он не только изливает душу — но и показывает себя с непроявленной пока стороны. Как будущего писателя, творца утопии детства, призванного воздвигнуть литературный памятник сонному тупику в африканском городе, который он превратит в символ счастья, доступного только невинному, мирному сердцу. Образ тупика остается принадлежностью сказки, куда Габи в прощальном письме переселяет всю страну, будто бы присыпанную постапокалиптическим снегом, нашедшую покой и радость в другом, не вещественном, измерении. В том числе — измерении романа. Ведь красотой и силой слова сказка эта войну переживет.

Повесть Шарлотты Жангра «Войны», напротив, удерживается в реальности — и ощутимо заточена на реальное применение. Жестокости в ней противостоит не красота, а практическое, психотерапевтическое знание. Это делает повесть доходчивой, но и бедной. Вместо сложности здесь — прямые решения, вместо символического идеала — внятный, печатно формулируемый месседж.

У повести Жангра и романа Фая много сюжетных перекличек. Разрыв родителей, дети, вынужденные сами придумывать, как защититься, сближение с мальчиком-хулиганом на фоне более серьезной угрозы, довременный конец детства. Обе книги показывают токсичность конфликта, разлагающего умы, семьи, судьбы далеко за рамками непосредственного вооруженного столкновения. «Войны» даже наглядней — потому так и названы: в повести нацеленно проводится параллель между полем боя — и семейными разногласиями.

Как и в «Маленькой стране», раскол надвигается на семью в связи с военными действиями — однако намечается раньше.

Глава семьи — «наш отец, наш оплот» — добровольно уходит воевать. Точнее, улетает через океан, из Канады в Афганистан. «Бросил», «исчез», «оставил меня совсем одну» — сыплются вслед ему упреки старшей, пятнадцатилетней дочери

Лоранс. Повествование ведется от ее лица и от лица ее младшего брата, с «югославским» именем Люка. Также в семье есть годовалая младшая дочь Матильда — «наш свет и наше исцеление», как характеризует ее старшая. И — «домашний призрак» Карина, которую сын еще называет матерью, а старшая дочь — только по имени и всякий раз с осуждением.

Постепенно проступает застарелый конфликт между отцом-воином и матерью-призраком. По мнению матери, «армия украла» у нее «жизнь». Ее неприятие жизни во власти армейского распорядка, очевидно, началось еще за рамками повествования: она пыталась вырвать мужа из армии, родила третьего ребенка, чтобы его удержать в мирном кругу семьи, — а теперь, когда он все равно ушел воевать, погрузилась в депрессию. Мать и малютка Матильда — полярные силы, одна разрушает семью, другая собирает ее воедино. Люка вспоминает, как все они «были настоящей семьей, собравшейся вокруг нашего сокровища» в день, когда Карина с Матильдой вернулись из роддома. А вот о Карине светлых воспоминаний нет. «Нам было хорошо, лучше, чем когда с нами Карина», — признается старшая, Лоранс, и постоянно подлавливает мать, отмечая ее неласковость к детям, холодность к отцу, эмоциональную несдержанность при просмотре новостей. Однажды Лоранс слышит, как мать признается подруге, что больше ничего не чувствует к детям, и мысленно называет мать «нелюдем».

Неудивительно, что полярно заряженные образы выстреливают друг в друга: Лоранс окончательно отказывается от матери, когда случайно становится свидетельницей срыва — мать накричала на ревущую Матильду, «грубо» посадила ее на стульчик и, швырнув ей горсть изюма, сказала: «Подавись! Только заглохни!» Эта сцена — одна из психологически точных подробностей, которые в моих глазах и делают эту повесть художественно ценной. Отец вернулся из Афганистана в недолгий отпуск, но способен только командовать сыном и следить, вовремя ли возвращается домой дочь. Сын в играх переходит грань и дерется и тумачков получает взаправду, так что лучший друг отказывается играть с ним — и ему приходится сблизиться с опасным хулиганом, чей отец тоже не дома — только не на войне, а в тюрьме. У матери тревога и обида перекрыли ток любви, и потому она куда охотнее помогает овдовевшей подруге, чем заботится о собственных детях. Старшая дочь перегружена вопросами о войне, конфликтами родителей, нагрузкой в школе и дома, но выбирает быть «единственной взрослой в этом доме», потому что роль семейного спасателя выручает и ее, дает ей силы и смысл жить дальше.

В повести очень наглядно показан дефицит. Смысла — в образе отца, которому «недостаточно» размеренной, тихой жизни. Опоры — в образе матери, которая отказывается жить и тянуть на себе детей, раз мужчина не оправдал ее ожиданий. Защиты — в образе старшей дочери, которая гордится, что смогла заменить младшим мать. Родительского тепла — в образе сына, который на риторический возглас старшей сестры, чем же она поможет дерущимся от тоски мальчишкам, отвечает трогательно: «Ты можешь почитать нам сказки в твоей комнате».

Жизнь семьи в отсутствие отца похожа на вывернутую сказку, где каждый играет не свою роль: мать истерит и раскидывает все ценное, как малыш, а малышка-дочь излучает тепло, сын сражается «за папу», а сестра-подросток укрывает тоскующих детей в своей комнате, превращенной в «лагерь беженцев», безопасное пространство для сна, чтения сказок и сбережения надежд.

Жаль, что автор не останавливается на этом впечатляющем художественном портрете свихнувшейся в тревоге семьи. Ей слишком хочется доказать мысль, вынесенную в заглавие: что война не приходит одна, что жестокость бесконечно порождает жестокость. С подростковым максимализмом, исходящим от пятнадцатилетней Лоранс, но не сдержанным никаким художественным противовесом, в повести ставится вопрос «какая тонкая черта отделяет солдата от душегуба,

обычного человека от убийцы?». И, будьте спокойны, без ответа вы не останетесь: «Я спрашивала себя, пересекла ли я эту черту. <...> Нет. Но опасно приблизилась к ней. Карина — та пересекла. Мой отец — не знаю... Боюсь, что да». Лоранс шокирована наблюдением за малышкой Матильдой, укусившей сверстника из-за игрушки, и берет брата с его новым другом под крыло, чтобы уберечь от «жестокости», которой «слишком много» вокруг. Она до последних страниц припоминает матери ее покушение («Подавись!») на жизнь годовалой дочери — и называет «бесстрашным» брата, который — под охраной еще и выдрессированной овчарки — сопровождает Матильду на свидания с ушедшей из семьи матерью-«нелюдем».

«Скажи, война повсюду, во всех нас, все время?» — мысленно обращается Лоранс к уехавшему отцу, будто к гипсовому бюсту Льва Николаевича Толстого. Настырность этого месседжа, как и ханжеское жестокосердие повести к несчастной, обесточенной матери Карине я готова простить разве что за остроумный финал. Автор, завершая испытания героев призывными словами о том, что было трудно, зато «война сделала меня настоящей старшей сестрой», а «твоего сына сделала мужественным мальчиком», — вдруг приоткрывает будущее и показывает, как в сознание детей, так истово ждавших отца с войны, проник ее «спящий вирус». Лоранс и Люка — оба видят себя в будущем переместившимися туда, откуда вернулся их отец, словно доделывающими брошенное им дело. И пусть Лоранс всего лишь хочет отыскать афганскую девочку, которой принадлежало привезенное отцом ожерелье, а Люка представляет себя сапером, ищущим бомбы вместе с верным псом, образы эти слишком далеки от текущей и мирной жизни, чтобы не чувствовать в них угрозу.

А что же отец? В книге есть и его голос, данный курсивом. Ученический прием, максималистское, достойное возраста Лоранс, желание — всё дообъяснить. «Наш отец, наш оплот» оказывается, как и можно было ожидать, психологически уязвимым человеком, который, пытаясь исправить ошибку прошлого, все больше влипает в вину. Когда-то в составе миротворческой миссии он, следуя запрету на вмешательство, не защитил мальчика, в честь которого потом назвал своего сына. И вот едет в зону другого конфликта, чтобы дооборонять чье-то детство.

То, что при этом он оставляет своих детей беззащитными перед болью и страхом, пусть и пережитыми в отдалении от войны, очевидно и показано в книге наглядно. Куда менее ясно, от какой опасности в мирной жизни этот герой укрывается в зоне боевых действий. Жаль, что художественно книга перекошена в сторону месседжа, и это помешало раскрыть в ней равновесность образов отца и матери. Мать считает, что армия многое отобрала у нее, отцу же, судя по всему, армия многое подарила, и каждый из них в свой час уходит из семьи — по одной и той же причине: чтобы найти себя.

Война — способ найти себя? Лоранс этого не принимает, и отец не может доказать необходимость своего отъезда, хоть и пытается объясниться: «И потом, я все еще надеюсь, что смогу что-то изменить там. <...> Спасти ребенка. Не дать ему умереть. Успокоить страсти, чтобы стал возможным мир. Навести немного порядка в этом хаосе». Повесть бесхитростно — курсивом, свидетельством из первых рук — показывает разочарование отца-воина, не нашедшего смысла в новой миссии: «Я не знаю, почему я здесь, падре. Чему мы служим? Зачем рискуем жизнью?» — впрямую спрашивает он у «полкового священника». Что идеализация, в том числе войны, заканчивается разочарованием, — открытие прописное. Куда важнее то, что в рамках повести раскрыть не получилось: откуда в человеке каждый раз снова берутся силы, чтобы бросить своих детей ради защиты чужих, — и почему этих сил недостаточно, чтобы отвести угрозу от детей мира навсегда.

О тех, кто вышел вон

Александра ШАЛАШОВА. Салюты на той стороне. — М.: Альпина.Проза, 2023.

Возрастная маркировка: 18+

Тамта МЕЛАШВИЛИ. Считалка / перевод с грузинского и предисловие А.Эбаноидзе. —

М.: Самокат, 2015. Возрастная маркировка: 18+

Детским голосом о войне — так пишется триллер. Хотя можно говорить и о приметах притчи. Повесть Тамты Мелашвили «Считалка»¹ и свежий роман Александры Шалашовой «Салюты на той стороне» расходятся в степени достоверности. В «Считалке» мы зажаты жёсткими ограничениями военного времени, как герои, отрезанные блокпостом от широкого мира и напрасно ждущие открытия гуманитарного коридора. В «Салютах» действие продвигается в том числе за счёт фантастики. Но в обеих книгах убедительно создан образ замкнутого пространства вне времени: отрезанное от мира селение в «Считалке», вынесенный за пределы города, на дачный берег реки санаторий для детей в «Салютах» — образы существования по ту сторону, обречённого, покинутого, лишённого надежды и будущего в условиях военной угрозы.

В обеих книгах герои дорастают до фигур символических. В «Считалке» это фигуры трагические, очищенные от бытового психологизма. Мать не может накормить умирающего от голода младенца, беспомощная старуха ни на кого не реагирует и молча плачет, безногий отчаянно стреляет с балкона в пустоту, две женщины жгут мужские вещи и на упрек соседки, что лучше бы раздали сиротам и вдовам, отвечают: «А мы и есть вдова с сиротой». На этом фоне две главные героини, сверстницы тринадцати лет, резко выделены психологическими приметами возраста: ссорятся из-за того, у кого больше грудь и раньше месячные, увертываются от попреков старших, боятся и надеются, а потому пускаются на рискованные ходы, создают события.

В «Салютах» больше внимания к психологической подоплеке, но не настолько, чтобы это расшатало границы заданной персонажу роли. Трагических фигур тут нет — потому что каждый создаёт себе несчастье, будто играет в азартную игру и от несчастья что-нибудь да выигрывает. Получаются герои оксюморонные: коварная жертва, жалкая красавица, мстительный рыцарь, вожак без власти, доброволец-дезертир, — потому что их природные свойства вступают в противоречие с выбранной ролью, моделью выживания. Герои получают собирательными, вневременными потому, что личное, особенное в них куда менее значимо для сюжета, чем социальное, типичное.

Наконец, в обеих книгах притчевая острота создаётся за счет перевернутой иерархии. И в «Считалке», и в «Салютах» герои-подростки действуют не спросив и без ограничений, потому что старшие перестали быть источником защиты, знания и силы.

Мужчин увела война, которая неведомо и невидимо идет за рамками сюжета. В «Считалке» штучные вестники войны: это «не наш» — и потому не похороненный — мертвый в ущелье и незнакомцы, передавшие одной из героинь документы о гибели в бою трёх мужчин из селения. В «Салютах» это, собственно, салюты: «дымы» и «хлопки, похожие на праздничный салют», доносятся до детей в санатории с городской стороны реки. К финалу мы пройдем по разрушенному мосту и увидим разрушенный город, услышим страшные слухи о фантастических врагах и только в самом конце окажемся с ними лицом к лицу, но на этом роман оборвется, так что и тут войны в

¹ Впервые перевод повести Тамты Мелашвили «Считалка» был опубликован в «ДН» (2014, № 4). — *Прим. ред.*

прямом смысле мы не увидим, хотя найдем ее следы и будем чувствовать ее угрозу. Место ушедших мужчин занимают мальчишки побойчее, рвущиеся к выгоде и власти. В «Считалке» две подруги получают задание, которое может их и погубить, и спасти, от парня из их школы, немногим старше. Считанные мужчины, оставшиеся в селении, беспомощны — дважды в тексте кто-нибудь из них плачет «как ребенок». Мальчишки помладше насуплены и агрессивны — подруги пытаются уберечь их от вида смерти или утешить, но видят, что этим детям уже недостаточно просто прикрыть глаза, чтобы выжить. Женщины держатся привычных правил, которые в военных условиях — дефицита, голода, тревоги — бессильны помочь, поэтому в «Считалке» две героини-подруги игнорируют старших.

В «Салютах» автор под разными предлогами избавляется от взрослых — так что дети и подростки оказываются в отдаленном от города, а значит, снабжения, информации и помощи, санатории совсем одни. Можно сказать, что взрослых в санатории сгубил страх — они не выдержали напряжения и сбежали, умерли, убили себя. Тем самым доказав, что и не были по-настоящему взрослыми. Занятно, что двух мертвых наставниц автор оставила действовать — в мистическом воплощении. И в этом качестве наставницы оказались даже деятельней и полезней детям, чем при жизни.

Так все же триллер или притча? Художественная интрига обеих книг — в соотношении механики и смысла.

В «Считалке» Тамты Мелашвили триллер усиливает притчевость, служит смыслу. То, что «война — это больно, это непоправимо, это ужасно», олицетворяют трагические фигуры второго плана: это статичное, вечное человеческое знание, которое, впрочем, от боли и ужаса никого так и не защитило. В образах главных героинь нет предзнавания — они динамичны, потому что через них не транслируется заповедь, а задаётся вопрос. Нинцо с развитой грудью и Кнопка, которая рядом с подругой выглядит сущим ребенком, — испытатели этики. Перевернутой этики военного времени. Нинцо с грудью ведёт себя как женщина, Кнопка злится, что ещё дитя, — и обе они живут мимо возраста. Нинцо рано привлекать мужское внимание — но она делает это, чтобы выбраться из обречённого селения. Кнопка ещё дитя — но должна рискнуть собой, чтобы добыть питание для умирающего брата-младенца. Повесть начинается с препирательства подруг о границах возможного, допустимого. Нинцо уговаривает Кнопку вылезти через блокпост, чтобы стащить детское питание из аптеки за пределами селения. Кнопка уговаривает Нинцо не обкрадывать брошенные дома. Каждая смущена или возмущена напором другой.

Нинцо рядом с детского вида Кнопкой выглядит «бедовой» — и сама себя так называет, причем не без гордости. Она действительно переступает границы: рискованно сближается с молодым военным, носит краденое платье, не слушает старших. Но именно она в повести оказывается источником надежды и веры. Переступая границы, Нинцо отвергает и ограничения войны, ее логику обречённости. «Война кончится, и у нас все будет. <...> Кончится, ну да! Не всегда же ей быть», — мы видим, что она сама не вполне верит своим словам, отводит взгляд, но утешает ими беспризорного мальчика, который слабее ее. Нинцо же всегда — сильнее. Сильнее смерти — когда танцует в ворованных тряпках перед плачущей бабушкой. Сильнее опасности — когда, раскачиваясь на качелях, поверяет Кнопке план вылазки через блокпост. Сильнее порока — когда останавливает подругу, избивающую мальчишку, который выкрикивал о Нинцо грязные сплетни: он «ребенок», и Нинцо уверена, что нельзя его убивать.

«В детей не станут стрелять, поняла?» — говорит она Кнопке «как-то упрямо», когда та опасается, что её засекут на блокпосте. Убежденность Нинцо ни на чем не основана, почти сказочна, но в каком-то смысле именно сила убеждения выводит ее

из ловушки. Нинцо слишком уверена, что с ней ничего не случится — потому что в ребенка не выстрелят и потому что она дочь своего отца, ушедшего воевать. Интересно, как люди словно оберегают силу веры Нинцо. Кнопка не сообщила подруге, что видела документ о смерти ее отца. И военные, поймав подруг в запретной зоне, отпускают их, стоит Нинцо изобразить крайнюю тревогу об отце, — Нинцо думает, что всех провела, а мы понимаем, что военные, знающие правду, решили не связываться с сиротой.

Напротив, Кнопку подвели страх, сомнение. В отличие от Нинцо, она действительно выглядит жертвой войны — сущий ребенок, не умеющий нарушать правила и погибший при попытке. Кнопка гибнет случайно — в результате стечения многих трагических обстоятельств. И именно в этой непреднамеренности, ненужности детской смерти отражена закономерность войны.

В эпилоге мы видим Нинцо взрослой женщиной, плачущей в месте, где прошло ее детство и куда она ненадолго вернулась. Повесть, следуя вывернутой этике, переворачивает и заповедь не вводить в соблазн невинные души. Когда-то непутевый парень из селения толкнул Нинцо на преступление — и спустя годы она обнимает его, как родного, потому что только на несправедно заработанные деньги Нинцо смогла выкупить себе свободу и жизнь. Но и сама Нинцо толкнула подругу на поступок, к которому та не была готова, — толкнула от безвыходности, в надежде, что пронесёт и поможет, и спустя годы оплакивает подругу слезами горечи и нечаянной вины.

Плачутся, что виноваты, и герои «Салютов на той стороне» Александры Шалашовой. Виноваты сами — виноваты перед ними: матери и отцы, одноклассники и учителя, парни и девчонки в санатории. Шалашова одну за другой шьет кукол-перевертышей: каждый из персонажей романа то жертва, то преследователь. Мистический план поэтому органично вырастает из плана социального: душная, манипулятивная атмосфера реальных отношений словно бы сама и порождает, дает энергию силам небытия. А игра в перевертыши позволяет «страшным, отёкшим» мертвякам обернуться добрыми волшебными помощниками и демонической «акулине» из лагерных страшилок явиться в финале праведным судией.

Достоинство романа — в механике нагнетания. Шалашова ловко сплетает сеть из тайных желаний, жмет на кнопки стыда. Первая же сцена романа поражает грубой откровенностью — не столько телесной, хотя речь о том, что пацан в авторитете велит девчонкам снимать перед ним трусы, сколько психологической: оказаться в санатории, в замкнутом обществе почти безнадзорных детей-подростков, крайне неприятно. Но автор для того и начинает с образа непосредственной, грубо выраженной угрозы, чтобы, постепенно отъезжая от снятых крупным планом детских шалостей и пакостей, показать контекст, в котором они покажутся нормой.

Нагнетает роман в нескольких направлениях.

Во-первых, нам очень вскользь, намеками отмеренной толщины, дают понять то, что и от детей в санатории до поры скрыто: в городе, откуда их вывезли для безопасности, что-то неладно, поэтому перерублены связь, снабжение, контакты с родителями. И если вначале нам показывают, что страшнее парня в авторитете зверя нет, то после он служит для оценки масштаба других угроз: многодневного голода, перехода по взорванному мосту, возможного удара по ярко-голубой крыше санатория, встречи с врагом.

Во-вторых, нас то и дело атакуют флешбэками, пристраивающими к искривленному пространству санатория домашние страшные уголки. Там, на воле, под родительским крылом, героев романа травил одноклассники, били по голове, тягали ремнем по ногам. И даже если не трогали — истязали: кто-то вспоминает собак, которых мама брала на передержку, а он потом, «обнаружив пустую комнату, рыдал

несколько часов», кто-то — завонявший труп бомжа в подвале, о котором отчим велел никому не говорить.

Санаторские надзиратели орут, грозят, сбегают — но так же сбежали от героев романа отцы (иной — прихватив квартиру), уходили в игнор матери, бранились врачи и парикмахеры. А когда в санатории дело доходит до поножовщины — детской, показательной, отцовским ножиком, — выясняется, что юные герои подкованы в криминалистике — насмотрелись передач, начитались книг, да и ножик тот — будущее орудие преступления — отец привез сыну «из колонии». Шалашова не обобщает, не говорит за весь город, поколение, страну, и в романе ее действует не так много отчетливо прописанных лиц. Но эта схожесть линии роста, прочерченной для каждого героя через одни и те же точки травмы, создает образ общества, бесконечно формирующегося из детей гладиаторов, сражающихся за крохи безопасности и любви.

В-третьих, нагнетает сама интонация романа, написанного в одиннадцати частях от лица разных героев. «Осознанное, проработанное стилистическое многоголосие "Салютов"» хвалит Анастасия Завозова, отмечая, что именно «из-за этого дебют Шалашовой заслуживает внимания»¹. Соглашусь, что многоголосие в романе построено умело и служит углублению интриги: с каждым новым монологом мы понимаем ситуацию шире, видим героев объемней. Но поспорила бы, что многоголосие мешает роману быть «беспросветкой» — это самое первое слово, которое говорит о нем Завозова, — или, как она вуалирует формулировку к концу своей мини-рецензии, — быть «подчеркнуто ахроматическим». Герои подхватывают друг за другом не только роль повествователя — но и единообразный тон.

Одиннадцать голосов романа — а надо сказать, что выговариваются тут не только питомцы санатория, но и две взрослые женщины, приставленные заботиться о них, и два солдата с той, городской, стороны реки — сливаются в монолитный голос подростка, которому недодали. Любви, власти, внимания, красоты, удачи — неважно. Это в любом случае говорение из дефицита — речь голодного, который ревностно следит за теми, кто кажется ему посылкой, и жалуется, что у него отобрали последнее. Герои романа, несмотря на видимое различие в возрасте, статусе, возможностях, уравниваются в уязвимости. Поэтому взрослая воспитательница оценивает коллегу, как воспитанница санатория — соседку по палате: «А она сама как неживая, противная такая, с размазанной помадой, будто до сих пор думает, что кто-то трахать станет. Вот не станет. Я-то жирная, но у меня муж есть, а у нее только Сенька-захребетник». А прорвавшийся в санаторий из города солдат звучит как ребенок, которого давно не навещали родители: «Я, правда, не знаю, что такое Гражданская правоспособность. Может быть, это о том, что я имею право плакать, если захочу, имею право знать, где мама». И, конечно, местные лидеры, чья конкуренция за влияние кажется временами поединком ангела с демоном — настолько один приподнят над страстями, а другой делами очернен, — найдут, о чем поныть: «Думал, что не так будет, думал, что мое слово наконец-то станет значить. <...> Скоро придет спасательная экспедиция, избавит меня от власти, так трудно доставшейся»; «Тогда бы все полюбили, стали бы слушать меня, а не Ника. Все бы говорили — мол, это Муха шарит, а не всякие там».

Единство интонации поддержано скудостью, повторяемостью мотивов — за каждым говорящим словно закреплен рингтон, и вот проигрывается по кругу, пока он до нас дозванивается. Особенно искусственным мне показался постоянно возвращающийся образ роговой оправы и спиленных рогов в речи Крота, слишком логично утыкающейся в кульминационный всхлип: «Так получается, что это *мне*

¹ Анастасия Завозова. 15 главных книг 2023 года // «Правила жизни» от 23.01.2023. — <https://www.pravilamag.ru/letters/691157-15-glavnyh-knig-2023-goda/>

спилили рога и лежу на земле с окровавленной головой, а охотники рассматривают отрубленное» [курсив автора], — положение Крота незавидно, но не настолько, чтобы сделать уместной эту мясорубочную аналогию.

Смущает, однако, не сама попытка нажать на чувства читателя — тем более что она удалась: герои провоцируют разом пожалеть их и отчитать, как реальные подростки, — а то, что нагнетание разлучено со смыслом.

Это сказывается и в мелочах, на механическом уровне романа. Шалашова развесила по стенам немало ярких подробностей, но многим из них так и не пришел момент выстрелить. Ярко-голубая крыша санатория — отличная мишень для врагов, но герои уходят не из-за нее, а из-за голода. Воспаленные глаза, плохое зрение детей в санатории работают на усиление жалобного тона, но не влияют на ход конфликта. То, что явившийся в санаторий солдат ушел в армию добровольцем, так же мало влияет на восприятие его образа, как и его способность цитировать Женевскую конвенцию и клиническая неспособность грамотно писать, — главным все равно остается, что он «непопулярный», подобно большинству персонажей романа. Прыщи интересно срабатывают в образе первой красавицы санатория — она умеет показать себя, карикатурно замазывая лицо. Но вот у еще двух менее значимых персонажей тот же конфликт с собой из-за прыщей — и карикатурной, штампованной становится сама деталь.

Но главное, что, на мой взгляд, не сработало в романе, — это связь санатория и города, подросткового общества и военной угрозы. По отдельности обе линии впечатляют — но вместе не работают. Подростковое общество в романе движется к саморазоблачению: жертвы открывают в себе силу карателей, лидеры — слабинку не утоленных амбиций. Война — к проявлению: Шалашова умело пугает читателя «дымами» и «салютами» с «той стороны» реки, и слухи о врагах — их чудовищном облике, речи, поступках — невнятные и душны в романе, как дым. Блистательный финал романа: «мы впервые видим их» [курсив автора] — обрывает линию войны на переходе от «дымов» к действиям, а условный, нездешне страшный образ врага позволяет читателю конкретизировать участников противостояния по своему усмотрению. Но это финал для другого романа — того, где угроза войны стала бы фактором развития конфликта.

Сейчас же кажется, что война в романе, написанном, указано, в феврале — июне 2022 года, работает как еще одно фантастическое допущение, позволяющее автору запереть подростков в санатории, как пауков в банке. На месте войны могли быть эпидемия, стихийное бедствие — отношения героев от этого не поменялись бы, не поменялся бы и их итог. Роман о войне за рекой показывает детей обреченными жертвами катастрофы — и чтобы прочувствовать это, не нужно погружаться в подростковые тёрки вокруг внешности, популярности и первых романов. Роман о тёрках подростков в санатории показывает всех людей, независимо от возраста, участниками манипулятивных игр — и чтобы прочувствовать это, не нужна подсветка «дымами».

«...Совсем масих и таких, что аж противно. Не от них противно, а не знаю. Противно, что они вот такие — и тут, в этом во всем», — так в «Сиди и смотри» описано умиление героини-рассказчицы от вида щенков. Это выставочная работа — с перемещением объекта в новый контекст восприятия: умиление подпорчено, ведь щенки выброшены на обочину дороги, на которой всем не до них, — автоматизм умиления сорван и усложнены чувства читателя к щенкам и к «этому всему», что происходит в тексте. В «Салютах на той стороне» именно такой работы мне не хватило. Сама замкнутость героев — и в санатории, и на себе, — монотемье формального многоголосия мешает сработать контексту, запирает читателя не просто в мире

подростков — а в рамках автоматического, заведомого их восприятия. Герои романа не решают вопросы этики — а исправно воспроизводят законы стаи, укрепляя в читателе стереотипный образ подростка.

«"Повелитель мух" нашего времени», — рекомендуют роман в анонсе от издательства¹. Да, в романе можно отметить формальные переключки с «Повелителем мух» Голдинга: попытку детей самоорганизоваться ввиду отсутствия взрослых, конкуренцию разных типов лидеров, таинственное зло, которое то ли из зеркала вышло, то ли из тайников души, подслеповатого изгоя и явившегося из большого мира человека в форме. Но мне показалось, что роман Шалашовой работает в противоход: уходит от универсализации опыта героев, раскрывает не природу человека в образе подростка, а природу подростка в образе любого, кто в роман попадет. В контексте романа это близко к тому, чтобы в любом человеке раскопать природу жертвы.

Впрочем, перед тем, что «больно», «непоправимо», «ужасно», разве не каждый оказывается всего лишь обреченным ребенком? Да, но не только, — утешают, как могут, прочитанные в этом обзоре книги. Не только.

¹ *Татьяна Соловьёва*. Салюты на той стороне, феномен детства и центр тяжести: «Альпина.Проза» в 2023 году // Сайт «Альпины нон-фикшн» от 20.01.2023. — <https://nonfiction.ru/stream/salyutyi-na-toj-storone-fenomen-detstva-i-centr-tyazhesti-alpina.proza-v-2023-godu>

Евгений Абдуллаев

В списках не значатся?

Современная литература, наконец, шагнула в школу.

Шагнула осторожно, с оглядкой, но и это вызвало резонанс. Народ срезонировал уже на заголовки и имена. «В программу по литературе в школах включили Пелевина, Стругацких, Гришковца и Прилепина». «В школах будут изучать книги Прилепина и Пелевина».

Сам документ, судя по откликам, мало кто читал.

А документ — интересный. «Федеральная образовательная программа среднего общего образования» утверждена приказом Министерства просвещения от 23 ноября прошлого года.

Стоит ли изучать в школах современную литературу?

Думаю — стоит. То, что было написано в последние тридцать лет. Условно говоря, постсоветских. До того мы имеем дело с литературой, устроенной совершенно иначе — и идеологически, и институционально, и эстетически. С другими важными именами. Хотя, конечно, многие авторы, получившие известность в предыдущий период, продолжали (продолжают) работать и в нынешний.

«...Современный учитель практически не знаком с новейшей литературой. Понятие “современная литература” в его сознании прочно сцементировано с другим периодом, с 70—80-ми годами двадцатого столетия. И этому есть чисто методическое объяснение: в школьный учебник не может войти литература, не прошедшая проверку временем» («Знамя», 2011, № 5)¹.

Даже позднесоветская школьная программа была менее консервативна в отношении современной литературы. В середине восьмидесятых, помню, проходили «А зори здесь тихие» Бориса Васильева и «Сотникова» Василя Быкова. Обе повести были написаны в 1969-м — менее чем за двадцать лет до того.

И это логично. Пятнадцать-двадцать лет — достаточный срок, чтобы произведение прошло «проверку временем», хотя бы первичную. Для дня сегодняшнего — это то, что писалось до середины 2000-х. Но никак не семидесятые-восьмидесятые.

Так что обновление школьной программы вполне своевременно. И отражает международный тренд — активные дискуссии о более широком присутствии современных авторов в школе идут последние годы и в Европе, и в США, и за пределами «Большого Запада»².

¹ Хотя литературовед Наталия Попова писала это более десяти лет назад, ситуация не сильно изменилась.

² Насколько показывает даже беглый просмотр результатов на запрос *modern literature in school curriculum* в интернет-поисковиках.

И с точки зрения хронологии, те современные тексты, которые присутствуют в списке «Федеральной образовательной программы», вполне репрезентативны. И «Жизнь насекомых» Пелевина, и «Санька» Прилепина, и драматургия Гришковца («Как я съел собаку»), и так рано ушедшей Ксении Драгунской («Рыжая пьеса»). С одной стороны, эти авторы пришли в литературу уже после 1991 года, с другой — с момента написания всех этих текстов прошло уже более пятнадцати лет, так что определенная «проверка временем» пройдена.

Немного хуже с современной поэзией. Формально все поэты, перечисленные в параграфе «20.4.4. Поэзия второй половины XX — начала XXI века», этой рубрике соответствуют¹. Однако все они дебютировали в печати и получили известность до 1991 года. Выходит, *ни одного* примечательного имени в русской поэзии, по логике составителей «Программы», в русской поэзии за последние тридцать лет не возникло. Ни Веры Павловой, ни покойного Бориса Рыжего, ни Ирины Ермаковой, ни Максима Амелина, ни Дмитрия Воденникова (называю навскидку, список далеко не полный)...

Есть и другие странные лакуны.

Например, в списках «Программы» нет *ни одного* произведения зарубежного автора последних лет семидесяти. Есть «Зарубежная проза XX века», «Зарубежная поэзия XX века» и «Зарубежная драматургия XX века»². Возможно, создатели «Программы» сочли, что современную зарубежную литературу не нужно включать в школьную программу. Их право. И с именами Джона Кутзее, Орхана Памука, Тумаса Транстрёмера, Харуки Мураками старшеклассников знакомить не стоит даже в рамках обзорного урока... Но зачем тогда было несколько раз до этого заявлять, что в старших классах наряду с произведениями русской литературы «второй половины XX — начала XXI века» будет изучаться и *зарубежная* литература этого периода?³

И еще одна лакуна — раз пишу это для «Дружбы народов», стоит о ней остановиться чуть подробнее. Речь о русской литературе за пределами России.

Такого понятия в «Программе» вообще нет. Как нет и понятия «русской литературы эмиграции». Из всей плеяды русских писателей, оказавшихся за рубежом, присутствуют только Бунин, Бальмонт, Виктор Некрасов и Бродский — но без всякого указания на их «эмигрантский» статус. Из русской литературы советских республик — Чингиз Айтматов и Василь Быков, опять же без каких-то маркеров принадлежности первого, кроме русской, к киргизской литературе, а второго — к белорусской.

Неудивительно, что и русская литература бывших советских республик тоже оказывается вне нынешней программы. Есть «Литература народов России» (представленная опять же текстами полувековой давности). Русская литература *за пределами России* в картине мира составителей «Программы» отсутствует.

Напомню вроде бы известное. По состоянию на 2021 год, по оценкам ООН, за границей проживает более 10 миллионов выходцев из России; это третий по величине показатель в мире (после Индии и Мексики)⁴.

¹ Несколько странно, правда, выглядит в ней Заболоцкий, «успевший» прожить во второй половине XX века всего несколько лет. Все равно что Льва Толстого отнести к авторам первой половины XX века.

² В качестве одного из образов драматургии XX века почему-то назван «Идеальный муж» Уайльда, написанный в 1892 году.

³ См.: «Основу содержания литературного образования в 10—11 классах составляют чтение и изучение выдающихся произведений отечественной и *зарубежной* литературы второй половины XIX — начала XXI века»; «...Приобщение старшеклассников к лучшим образцам русской и *зарубежной* литературы второй половины XIX — начала XXI века» и др. (Курсив мой. — Е.А.)

⁴ <https://tochno.st/materials/emigratsiya-2000-kh>. Думаю, с 2022 года эта цифра только возросла.

За пределами России живут и пишут на русском языке такие известные авторы как Андрей Иванов, Александр Иличевский, Александр Кабанов, Мариам Петросян, Дина Рубина, Олжас Сулейменов, Лена Элтанг, не говоря уже о нобелевском лауреате Светлане Алексиевич. И большая часть этих авторов (а названы далеко не все), как можно заметить, именно из постсоветских государств.

Но по логике авторов «Программы» выходит, что русская литература — это только то, что делается в пределах России. Бесплезно напоминать, где и при каких обстоятельствах писались «Мёртвые души», «Былое и думы», «Идиот», «Приглашение на казнь», «Тёмные аллеи», «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» и многое, многое другое. У консервативно-почвеннической логики свои резоны. По-своему убедительные.

Еще в 2009-м их изложил Захар Прилепин в заметке «Без почвы не жилец» («Огонёк», 2009, № 24). С подзаголовком-вопросом «Можно ли оставаться русским писателем, живя не в России?». Нельзя, отвечал Прилепин. Если пишешь на русском — живи в России, а не где-то за бугром. Поскольку, мол, все самое замечательное в русской литературе даже в кровавый двадцатый век создавалось именно в России, а не в эмиграции, где и писали похуже, и вообще «не удержали в ладонях теплоту русской речи».

И логичный вывод: «Надо держаться за свою землю всеми пальцами: нет ни у нас, ни у нашего языка иного пристанища».

Это в каком-то смысле даже верно: вне России — и без постоянного притока русскоговорящих — русская литература через одно-два поколения исчезает. Только дело здесь, думаю, не в земле и не в «теплоте речи», которую она земля подпитывает. Дело в банальной поддержке. Со стороны метрополии, ее властных, гражданских, культурных и прочих институтов. В поддержке, без которой захирела бы и литература в самой России, сколько бы она за землю ни хваталась.

Понятно, что в советское время никакой помощи со стороны СССР литературе эмигрантской быть не могло. Не было ее и со стороны тех стран, в которых жили русские писатели-эмигранты. За исключением, разве что, США 60—80-х годов, где благодаря «холодной войне» в университетах резко возросло изучение русского языка и литературы, что гарантировало русским писателям поддержку по крайней мере американского университетского истеблишмента.

В целом же страны, где живут русские писатели, крайне редко их замечают и тем более поощряют. Особенно бывшие постсоветские республики, чьи правящие элиты по понятным причинам больше заинтересованы в развитии литератур на национальных языках. Случай Андрея Иванова, получившего Национальную премию Эстонии в области культуры (2016) и награжденного эстонским Орденом Белой Звезды (2020), остается уникальным¹.

Нельзя сказать, что поддержки русскопишущих авторов со стороны России не было.

Есть журнал «Дружба народов», который их публикует. Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки», который их обучает. «Русская премия», которая их награждает (точнее, награждала). Разовые гранты, выделяемые

¹ Можно, конечно, вспомнить получение звания «Народный поэт Республики Узбекистан» поэтом Александром Файнбергом (2004) и звания «Народный поэт Киргизской Республики» поэтом Вячеславом Шаповаловым (2006). Но в обоих случаях это было скорее признание переводческих заслуг этих поэтов, еще в советское время активно переводивших местных авторов на русский (когда наличие таких переводов считалось очень престижным).

Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств—участников СНГ.

Достаточно ли этого? Думаю, нет.

«Дружбе народов» (как и другим толстым журналам) самой нужна серьезная поддержка, а не разовая, от гранта к гранту. Что касается «Русской премии», то она, как известно, уже шесть лет как закрыта.

Если в 90-е, да еще и довольно недавно, содействие проектам, связанным с русской литературой в постсоветских странах, оказывали отдельные западные институты (фонды, посольства...), то постепенно это сошло на нет. Особенно в последний год, с его «кэнселингом». Так что остается только метрополия, тем более что разговоры о защите русского языка сейчас здесь, что называется, в тренде. Защищать же русский язык в той или иной стране через поддержку в ней русской литературы, думаю, эффективнее и перспективней, чем танками. Менее затратно — однозначно.

И содействие это может быть не только материальным, но и символическим. В том числе, через отражение современной русской литературы за пределами России в школьной программе. Хотя бы, опять же, в виде обзорного урока. Думаю, ничего плохого не будет в том, что российские школьники узнают, что русская литература существует и развивается сегодня по всему миру. Да и для авторов, пишущих вне России, — важная поддержка. Пока еще есть *что* поддерживать...

Борис Минаев

Павлик Морозов и Кармен

В 1979 году четверо студентов филологического факультета МГУ решили написать оперу «Павлик Морозов — суперзвезда». Тогда у всех на слуху было произведение Уэббера и Райса «Иисус Христос — суперзвезда», бродвейский мюзикл, одна из первых в мире рок-опер — невероятно популярное в конце 70-х у советских подростков произведение. Мелодии оттуда знали наизусть все, играли их на гитаре в подъездах, беспрестанно крутили дома на магнитофонах (катушечных, а потом и кассетных), напевали под нос, сочиняли версии со своими словами.

Однако сочинение Леонида Харитонов, Сергея Капелюшников, Ярослава Богданова и Сергея Козлова не было ни пародией, ни оммажем. Будущие переводчики и литературоведы сделали интересную вещь: они вставили в знакомые мелодии классическую советскую историю о мальчике, который погиб во имя победы колхозного строя.

«Подвиг» Павлика Морозова вдальбивали советским детям в головы почти полвека. Печатали портреты, миллионы портретов, выпускали все новые и новые книги, ставили спектакли, проводили занятия и классные часы, миллионы школьников писали о нем сочинения... Это была советская икона, по тиражированию сравнимая с образом Ленина, деться от которой было совершенно некуда.

Как же студенты-филологи, уже освободившись от школьной муштры, дошли до жизни такой?

«Нас, студентов первого курса, — вспоминает переводчик Леонид Харитонов, — повезли, как это было тогда принято, на разъезд Дубосеково, к монументу 28 панфиловцев, это был факультетский поход по местам боевой славы, так сказать. Всё было настолько топорно, настолько казенно, что, вернувшись, мы собрались и решили организовать рок-группу «Гуманизм Левинсона» и написать рок-оперу про Павлика Морозова. Нам было весело, это, конечно, главное — но еще мы горели желанием как-то ответить на весь этот советский официоз, который на нас наступал со всех сторон».

Я послушал эту «оперу» сейчас, почти через 45 лет после ее создания. Вообще говоря, там нет никакого кошунства («Все в ликбез к Павлику Морозову, все в ликбез к Павлику Морозову»). Просто вставленная в совершенно неожиданный контекст советская хрестоматия расплзлась на куски, приобретала черты абсурда и даже, не побоюсь этого слова, заставляла задуматься о псевдорелигиозной природе советских символов. Легенда о Павлике заработала совсем по-другому.

Больше того, когда рок-опера «Павлик Морозов...» появилась в интернете (авторы выложили ее в сеть уже спустя десятилетия), один учитель истории из Ханты-Мансийска предложил своим ученикам послушать рок-оперу... и взять ее в качестве учебного пособия. Все колхозные реалии, а главное — все основные идеологемы 30-х годов изложены в рок-опере про Павлика с научной дотошностью.

Эту историю я сразу вспомнил, когда пришел на постановку «Кармен» в московском театре «Геликон-Опера».

Дело в том, что я смотрел эту постановку почти двадцать пять лет назад. Еще в том, самом первом, «Геликоне», который располагался в бывшем Доме медика на Большой Никитской, в «зале с колоннами».

Все было в той постановке ново и прекрасно: металлисты и панки, байкеры и рок-музыканты, короче говоря, неформалы всех мастей и видов образовывали на сцене густую, постоянно и на первый взгляд хаотично движущуюся толпу. Я сидел недалеко от сцены и был охвачен смешанным чувством страха и восторга. Исполнители были молоды, азартны, и порой действительно казалось, что все эти люди с цепями, металлической арматурой, огромными блестящими пистолетами и ножами вот-вот сойдут в зал, прямо к нам, и начнется что-то неожиданное. Ну, например, отъём денег. В качестве театрального эксперимента.

Кроме того, не скрою, в постановке сильно увлекала тема секса. Понятное дело, Кармен всегда и в разные века, в любых интерпретациях является символом сексуальной свободы, эта опера тем и известна, известны ее трактовки, где исполнительницы допускали самые рискованные пируэты, а режиссеры самые острые мизансцены — лишь бы еще повысить градус эротизма. В «Кармен» этого много не бывает.

Но в «Геликоне» этим занималась отнюдь не только Кармен... Секс азартно изображали на всем пространстве той небольшой сцены — используя любую паузу, такт, мизансцену, не побоюсь этого слова, любой угол. Это была просто какая-то поэма о сексе — причем секс понимался исполнителями явно как что-то героическое. Раскачивая покореженную ржавую машину (через двадцать пять лет я встретил ее на сцене как старую знакомую, и захотелось раскланяться) в такт любовному соитию и громко притопывая башмаками, актеры совершали какое-то почти политическое действие, равное бунту или демонстрации протеста.

Не могу сказать, что это был культурный шок или невероятно глубокий катарсис — но в целом замысел той «Кармен» Дмитрия Бертмана был прозрачен и вполне «попадал» в зрителя: да, мы жили в эпоху перемен.

На сцене везде были знаки этих перемен, культурные символы, которые не нужно было расшифровывать и объяснять.

Мы понимали, что «молодой протест», эпоха неформалов, само рок-движение и все молодежные субкультуры — все это хоть и началось за много лет до этой постановки «Кармен» в театре Дмитрия Бертмана, но не то что не кончилось (тогда, в конце 90-х), а напротив, продолжается, и, больше того, — выплеснулось на улицы в качестве уже вполне «легального», статусного, укорененного в жизни человеческого потока — как тут не вспомнить про незабвенных «лимоновцев», которые в 90-е казались нормальными диссидентами и оппозиционерами, просто на другом витке. ...Мы понимали и то, что жители бывшего СССР еще долго будут открывать секс как целую сферу жизни, грань бытия, а не как нечто, над чем можно стыдливо хихикать и от чего блудливо краснеть, что еще долго всяческие «Греческие смоковницы»

и «Девять с половиной недель» будут чуть ли не самыми популярными фильмами в бывшем СССР.

Мы понимали, что время бунтарей и несистемных людей не прошло, а, может быть, только начинается. Так казалось тогда.

Так виделось.

Я уж не говорю о том, что эта постановка «Кармен» легко рифмовалась с кучей современных ей фильмов, спектаклей и книг (от «Ассы» до первых вещей Пелевина), а отличие было только в одном: в этот контекст попала классика. Оперная, то есть самая что ни на есть классическая и самая что ни на есть «высокая».

Это был тот же «Павлик Морозов — суперзвезда» только с «обратным контуром» — в студенческой самодельной рок-опере с помощью самой современной и популярной музыки подвергалась вивисекции пыльная советская мифология, здесь же с помощью, казалось бы, старой и уже очень заслуженной музыки — поднималась на последний и решающий бой революционная молодежь.

Подробности были не так уж важны.

Наталья Загоринская, блистательная тогда Кармен, конечно, была хороша, но, если вдуматься, она была лишь одной из того человеческого потока, который бушевал на сцене. Просто она шла на шаг впереди. Хозе — понятное дело — был невзрачным милиционером в мятой форме, представителем уходящего советского мира. И она его легко побеждала именно поэтому — в силу исторической, так сказать, обреченности.

Главным был — сам поток. Само бурление человеческой массы. Эта масса, если говорить откровенно, и была в ту эпоху — с конца 80-х и до середины примерно 2000-х — главным историческим героем. И неважно, что на сцене изображалась «молодежь», какие-то «неформалы» — не в этом было дело. Важно, что эта масса была именно субъектом, а не объектом истории. Она дышала, говорила, ходила, думала — как один живой человек. Это было понятно тогда на любом московском митинге, во время любого политического обострения. Масса, ставшая субъектом истории, а не только отдельные люди, — решала судьбу страны.

Конечно, у этой массы были лидеры, герои, кумиры, каждый раз разные, по-настоящему яркие, обладавшие и харизмой, и судьбой: Андрей Сахаров и Борис Ельцин, Илья Константинов, Виктор Анпилов, Егор Гайдар. Люди, их окружавшие...

Но если бы не было этой вдруг ожившей, заговорившей на одном новом языке, наэлектризованной массы, которая обрела голос и общую душу, — их судьба была бы тоже другой.

Так это чувствовалось и так понималось тогда.

И вот прошло время, я вновь попал в «Геликон» на ту же самую «Кармен». Те, кто был в обновленном «Геликоне» на Большой Никитской, — знают, как прекрасно само здание, сам большой зал «Стравинский», насколько он архитектурно, эстетически и акустически действует сам по себе. Невероятный амфитеатр под «звездным небом» атриума, красные кирпичные стены исторической Москвы.

То же самое я могу сказать об оркестре, сценографии, декорациях, голосах — всё выверенно, всё стало очень точным и проработанным. Каждый герой хорош сам по себе: прекрасный Хозе (Иван Гынгазов), сильный голос, тонкий актер; совершенно неожиданная, я бы сказал, экспериментальная Кармен (Ирина Рейнгард) — немного неуклюжая и угловатая, неуверенная, подавленная своими фобиями и комплексами,

такой Кармен я еще никогда не видел; блестящая, гармоничная, раскованная Микаэла (Лидия Светозарова).

Однако героем этой постановки четверть века назад были не отдельные персонажи, а сам народ. Народ, готовый выйти на смерть, на баррикады, на борьбу, куда угодно. Это прочитывалось. Это ощущалось. Масса, которая заполняла сцену и время, была живой и единой.

Помогало не искусство режиссера или талант актеров, а сам контекст времени.

Конечно, если зритель по-прежнему ходит на эту «Кармен» в театр «Геликон», — можно говорить, что постановка прекрасно пережила эти десятилетия.

То есть время ушло, а спектакль — нет.

Конечно, я понимаю, что *этот* контекст — не мог жить вечно. Уже тогда, в 96—97-м годах он был на излете. Я когда-то пытался сформулировать это так: «...Та таинственная энергия, которая практически из космоса снизошла на нас и вытолкнула из дома на улицу, на непонятные никому “митинги и демонстрации”, на рок-фестивали и ярмарки, на огромный риск и иногда даже на подвиг, в общем, эта энергия вытолкнула какую-то чертову кучу народу. Всем хотелось увидеть, как же *это* происходит.

Что “это” — еще практически никто не понимал. Но все хотели увидеть».

И все-таки порой хотелось остановить актеров и сказать: нет, послушайте, всё не так! Давайте переиграем всё это! Давайте вернемся к первоначальному замыслу!

Безусловно, что такого рода «космический ветер», проносящийся над нашими головами, имеет четкие рамки. Поэтому, конечно, у переживших его дуновение — всегда остается вопрос: а что это было? Что остается от ветра?

Выйдя ночью на Большую Никитскую, я огляделся. Всё изменилось неузнаваемо — улица, дома, я сам, время вокруг. И всё же память о той Кармен остается. И дело тут не в исполнительнице. И не в трактовке.

Есть вещи, которые живут с тобой вечно.

Summary

Dmitrij ISAKJANOV. Proskynetarion

The protagonist of this novel (the opening chapters have been published in DN, 2022, # 8) is living through his lasting present, weaved of the memoirs and feelings of the childhood and memorable islands of the further life: his mother; searching for the unknown father inside himself; his wife's love thinning because of the separations; his little son – everything that was imprinted in his personality forever. And how to pass it all, hard-earned, to his son? “Heredity is not an idle word after all”, – he thought looking at his son.

Poetry

The theme of Time, the transience of life and immortality is one of the eternal themes of literature. The poems of Andrej KOROVIN are also about it. Andrej PERMYAKOV's collection of verses is about the place of a person in the life. And Ivan VOLOSUK looking his life over from his birth to the death comes to realize: “I was living so difficultly, I will die so simply, like a bush or a plantain die”.

Max NEVOLOSHIN. Ocean, Ballet and Bouse Since the Morning

A non-tourist image of Sidney seen from inside by the eyes of an immigrant from Russia who has long ago planted a root, assimilated and in his own way taken a fancy for the city.

Evgenij ABDULLAEV. Cancelling vs Supporting

“I think there will be nothing wrong if Russian schoolchildren find out that Russian literature exists and is developing today all over the world. And for the authors who are writing outside Russia it will be an important support. While there is still something to support”, – claims the author after having studied the new program on the modern literature for Russian schools.

Boris MINAEV. The Book Written from February to September

“This book is about some people whom I knew, who were a part of myself”, – so the author forestalls the publication of some chapters from his forthcoming book. Among these people there is a man without whom it's impossible to imagine “DN” of the last half-century – Lev Anninskij. “He was a critic, but the profession itself meant something quite different in his time: not recommendations and comments on the novelties and not a free-for-all blog in the social media but personal intellectual position expressed either in a whole volume or just in a hundred of newspaper lines, but always intellectual and always – a position. In a way Anninskij was the main voice, the symbol of the event named literary criticism”. But perhaps the main matter of the author's life was to reconstruct the life story of his father who was killed in the first months of the Great Patriotic War...

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на

<http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17,

вход с Малого Гнездниковского переулка)

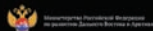
«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Общероссийская литературная Премия «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева

**3 приза
по 500 000 р.**

**в трёх
номинациях**

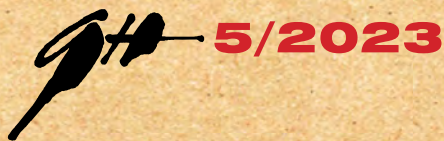
- Длинная проза
- Короткая проза
- Проза для детей

Прием заявок
с 1 февраля
2023 года

18+

премияарсеньева.рф

Читайте:

Александр Рыбин. «Царство Пунтленд» Повесть

«За пеленой дыма от продолжавшего гореть автомобиля показались два чёрных "хамви" — они быстро приближались. Один из шедших впереди солдат перебежал к стене ближайшего дома, припал на колени и стал разглядывать броневики через прицел. Мы продолжали двигаться, прижимаясь к нашим броневикам. Кто-то из фотографов снимал побитые военной сталью стены. Вдруг солдат опустил автомат, повернулся в нашу сторону и заорал по-арабски: «Стой! Назад! Назад!!!» — и интенсивно замахал, чтобы мы возвращались. Он рубанул рукой в сторону приближавшихся броневиков и что-то прокричал, я не понял. Но понял один из журналистов, он заорал на английском: «Впереди заминированный бульдозер гонится за "хамви", всем назад! В укрытие!». Журналисты ломанулись, натыкаясь друг на друга. Пронёсся колёсный бульдозер, обшитый металлическими листами, — так повстанцы усиливают обычную строительную технику и минируют её, чтобы использовать против войск — новый вид шахидмобилей...»